

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 316.75 (510)

На правах рукописи

НУРЖАЕВА АЛИНА МАРАТОВНА

**Особенности формирования «китайской идентичности» в условиях
глобализации: этнополитика и социальная практика**

6D020900 – Востоковедение

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:

Отечественный научный консультант:
Доктор исторических наук, профессор
Алдабек Н.А.

Зарубежный научный консультант:

PhD, профессор
Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА)
Китайской академии общественных наук (КАОН).
Чжао Хуэйжун
(КНР, г.Пекин)

Республика Казахстан
Алматы, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕИ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	21
1.1 Теории и концепции о нации и национальной идентичности в условиях глобализации.....	21
1.2 Концептуальные основы теории и методологии формирования китайской идентичности.....	35
2 НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КНР И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	47
2.1 Традиционное и современное в общественном развитии современного Китая. Факторы формирования национального самосознания китайцев.....	47
2.2 Национальная психология китайцев в процессе модернизации.....	64
2.3 Идеология культурного национализма как основа культурной идентичности современного Китая.....	82
3 КИТАЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ».....	101
3.1 Идеи Си Цзиньпина о национальной идентичности и «китайской мечте».....	101
3.2 Перспектива развития КНР в условиях глобализации и доктрина «китайской нации» («чжунхуа миньцзу»).....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	137
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	143
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	162

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями:

Бинтуан – строительно-производственная, военно-политическая организация по обеспечению безопасности и стабильности в Синьцзяне, владеющая крупными предприятиями данного региона.

Индигенизация - термин теоретической антропологии, обозначает локальные тенденции к культурному обособлению и цивилизационной независимости.

Исторический материализм — теория развития общества, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, согласно которой материальное производство является источником всех процессов в обществе и определяет общественное сознание.

Китайская мечта – действующий социально-политический курс и лозунг Китайской Народной Республики.

Китайско-вавилонская теория - теория о западном происхождении китайской цивилизации, разработанная французским ученым, сторонником панвавилонизма Альбер Этьен Жан-Батист Терриен де Лакупери. Согласно этой теории, Желтым императором был Накхунте, монарх Месопотамии. Он привел народ бакинцев к переселению на восток через горы Куньлунь и поселился в Китае. «Бак» также означает «люди», предшественники ханьской нации.

Конформизм - подчинение человека групповому давлению, которое проявляется в принятии им мнения большинства, а также в перестройке его образа мыслей.

Когнитивное воздействие - передача информации, воспринимающаяся потребителем сознательно.

Метисация - физическое смешение (половые контакты с последующим появлением генетически смешанного потомства) разных популяций людей, принадлежащих как к близким, так и к разным, особенно удалённым друг от друга этносам и расам.

Модернизм – это теоретическое направление, рассматривающее нации и национализм как продукты конца 18 века, появившиеся в процессе индустриализации, демократической революции.

Нация — совокупность граждан определенного государства

Национализм — идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе.

Национальная идентичность или национальное самосознание — одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу или нации.

Нигилизм — философия, которая ставит под сомнение общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности, культуры или фундаментальные понятия, такие как знание, существование и смысл жизни.

Примордиализм – это теоретическое направление, рассматривающее нации или этнические идентичности как неизменные, естественные и древние.

Секуляризм — концепция, согласно которой правительство и другие источники норм права должны существовать отдельно от любого типа религий.

Социальный ритуал - обрядовая церемония, выражающая отношение к важным моментам в жизни и делах отдельного человека или коллектива.

Сциентизм – идейная позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности и определяющем факторе ориентации человека в мире.

Сяокан - философской концепцией конфуцианства, которое предполагает достижение модели среднезажиточного общества.

Цели двух столетий – цели, выдвинутые в отчете 15-го ВС КПК к 100-летию основания партии и к 100-летию со дня основания КНР.

«Чжунхуа миньцзу» или «Китайская нация» - это название сообщества, которое представляет современную нацию Китая. Официально определяется правительством Китайской Народной Республики как собирательное название 56 национальностей, признанных на территории Китайской Народной Республики.

Эгалитаризм — концепция о создании общества с равными социальными и гражданскими правами, а также равными возможностями.

Этатизм — убеждение в том, что государство должно вмешиваться в жизнь общества и контролировать его экономические и социальные аспекты; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни; направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития.

Этносимволизм – школа мысли в изучении национализма, подчеркивает важность символов, мифы, ценности и традиции в формировании и сохранении современного государства.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АРВМ	- Автономный район Внутренняя Монголия
ВВП	- Валовой внутренний продукт
ВК НПКСК	- Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая
ИКТ	- Информационно-коммуникационные технологии
КНР	- Китайская Народная Республика
КПК	- Коммунистическая партия Китая
МВФ	- Международный валютный фонд
НОАК	- Народно-освободительная армия Китая
ООН	- Организация объединенных наций
Политбюро ЦК	- Политическое бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая
КПК	- Коммунистическая партия Китая
ППС	- Профессорско-преподавательский состав
СМИ	- Средства массовой информации
СССР	- Союз Советских Социалистических Республик
СУАР	- Синьцзян-Уйгурский автономный район
США	- Соединенные Штаты Америки
ТАР	- Тибетский автономный район
ШОС	- Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
5G	- Fifth generation — пятое поколение мобильной связи, действующее на основе стандартов телекоммуникаций
C-pop	- Chinese popular music
CASS	- Chinese Academy of Social Sciences
COVID-19	- COronaVirus Disease 2019
K-pop	- Korean popular music
DINK	- Double income, no kids - «двойной доход, без детей», бездетная пара, в которой оба партнера получают доход
EIU	- Economist Intelligence Unit
ETIM	- East Turkestan independence movement
GAO	- U.S. Government Accountability Office
ИЕ	- Institute of International Education
PCI-China	- Policy Change Index for China

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования.

Данная научно-исследовательская диссертация посвящена анализу особенностей формирования китайской национальной идентичности в условиях глобализации. В работе рассматриваются теоретические и практические основы национальной и этнической политики Китайской Народной Республики, представлена причинно-следственная взаимосвязь исторического и современного контекстов формирования и трансформации китайской идентичности и понятия «китайская нация», а также социокультурные процессы современного китайского общества.

Актуальность диссертационного исследования.

В последние десятилетия в мире происходят фундаментальные изменения в области политики, экономики и социальных отношений, которые приводят к постоянному расширению взаимосвязей и взаимодействия во всех сферах общественной жизни. Однако оценка социальных и научных данных расплывчата и иногда противоречива, так как современные реалии ставят под сомнение оптимизм многих теоретиков глобализации, которые (часто в неявной форме) представляют глобализацию как неизбежное распространение в мире ценностей и культур современной западной цивилизации [1; 2]. И хотя этот процесс, безусловно, имеет место быть, в его рамках работают разнонаправленные и противоречивые тенденции.

Глобальная интеграция развивается одновременно с социальной и культурной дезинтеграцией [3, с.154], в результате чего в середине XX века возникает явление, получившее название «этнический парадокс», которое представляет собой реакцию на процесс глобализации и находит свое выражение в тенденции к росту этнического и национального самосознания и защите традиционных культур. Кроме того, крупномасштабное и регулярное перемещение населения, вызванное глобализацией, постепенно увеличило количество иммигрированного населения, которое способствовало росту членов этнических групп и прибытию новых, развивая, таким образом, полиэтничность национальных государств. Усиление этнической идентичности «иммигрантских сообществ» и коренных народов создает условия для потенциальных конфликтов как между этносами, так и между мультикультурным населением и национальным государством, что делает конструирование национальной идентичности фундаментальной задачей государства. С точки зрения истории человечества, разные модели конструирования национальной идентичности представляют собой не что иное, как конкретные способы предупреждения и разрешения противоречий и конфликтов в отношениях между «этническим» и «национальным». Исходя из общей тенденции и международного опыта, чем шире и глубже общая культура и общие ценности, разделяемые гражданами страны, тем легче установить более стабильную национальную идентичность.

Из-за различных национальных условий, особенно статуса внутренних межэтнических отношений, политических отношений и идеологического влияния организаций, которые способствуют построению национальной идентичности, методы и процессы построения национальной идентичности очень разные. Модели построения идентичности в разных странах сильно зависят от различных факторов, сложны и разнообразны, и достигнутые результаты также сильно отличаются, их внутренняя логика либо раскрывалась в течение длительного исторического периода, либо раскрывалась по мере углубления их понимания. Анализ и обсуждение такой внутренней логики позволяет не только более ясно увидеть суть построения национальной идентичности, но и лучше понять эффективность определенной модели построения идентичности, так что в результате прояснения основных вопросов формирования идентичности становится возможным делать рациональные выводы о выборе пути конструирования национальной идентичности.

Так, например, КНР, на основе опыта построения межэтнических отношений в СССР, разработала свою модель формирования национальной идентичности, используя политические, экономические и культурные силы для постепенной интеграции местного населения в единое целое [4; 5, с.922; 6, с.153-154]. Однако создание идентичности по-прежнему остается основным проектом национального строительства Китая, так как некоторые этнические группы обладают слишком отличными от большей части населения языком, культурой и религией, что составляет некоторые проблемы для полной интеграции всех этносов в единую «китайскую нацию». Поэтому комплексное изучение формирования китайской национальной идентичности в условиях глобализации, а также этнополитики и перспективы развития Китая в рамках «китайской мечты» может помочь выявить особенности модели конструирования «китайской идентичности», некоторые социальные и политические практики защиты национального и культурного наследия, используемые руководством КНР, для формирования единой культурной идентичности и предотвращения негативных социокультурных проявлений глобализации. В этом случае важно перенимать опыт китайских лидеров, при этом учитывая условия и реалии своей страны, так как для национального государства, сталкивающегося с вызовом своей национальной идентичности, то, какие конкретные методы, пути и политику оно принимает для осуществления построения национальной идентичности, часто сильно зависит от его собственной истории, культуры, традиций, межэтнических отношений и идеологии.

Недостаточное внимание в современной отечественной науке к проблеме построения национальной идентичности, а также другим вопросам, поднимаемым в диссертации, определяет *актуальность* данного исследования.

Объект и предмет диссертационного исследования.

Объект исследования - китайская национальная идентичность как социокультурная реальность. Предмет исследования - особенности

формирования «китайской идентичности» в условиях глобализации, а также проводимая Китаем этнополитика и социальная практика.

Методологическая основа диссертационного исследования

В соответствии с целями и задачами исследовательской работы были использованы методы анализа, обобщения, систематизации, индукции и абстрагирования, рассмотрена роль непосредственно образовательной системы, государственных СМИ и этнополитики КНР в поддержании национальной идентичности в условиях глобализации и подтверждена их эффективность в решении данной задачи в большинстве случаев.

Был проведен анализ концепций и теорий нации и национализма, выдвинутые исследователями трех основных школ - примордиализма, модернизма и этносимволизма, которые оценивают характер национальной идентичности в теоретическом контексте. Аспекты национальной идентичности были выделены и обсуждены на основе воспринимаемых «строительных блоков» идентичности, которые рассматривались большинством авторов в существующей литературе. Концепции и теории западных, российских и китайских ученых были классифицированы в соответствии с вышеуказанными теоретическими школами.

На основе данных, полученных из трудов ученых-китаеведов, проведен анализ концептуальной основы китайской идентичности, анализ китайского национального характера, анализ опыта Китая в синтезе традиций и новшеств в сфере образования для сохранения национальной идентичности в условиях глобализации, анализ идей Председателя КНР относительно национальной идентичности, а также анализ этнополитики, проводимой КПК сегодня.

Кроме того, поскольку метод опроса имеет относительно высокую «выводимость» достоверных данных [7, с.28], для сбора качественных данных относительно формирования «китайской идентичности» современного молодого поколения был проведен опрос учителей, родителей и учеников школ из города Ланьчжоу (КНР), который помог выявить общественное мнение относительно содержания, а также эффективности учебников по трем основным курсам – «Мораль и верховенство закона» (道德与法治), «История Китая» (中国历史) и «Китайский язык и литература» (语文), подвергшихся реформированию согласно «Плану национальных среднесрочных и долгосрочных реформ и развития образования (2010–2020 годы)», в деле воспитания патриотизма, социальной ответственности и национального единства. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы понять, как модернизация контента учебников отразилась на поведении и мышлении школьников в отношении политического курса страны, гражданского общества и их идентичности.

Полученные в результате проведенных анализов данные были обобщены и систематизированы, а посредством метода абстрагирования исследование было

сфокусировано на роли историко-культурного, политического и экономического факторов для сохранения и укрепления китайской национальной идентичности.

Цель и задачи исследования.

Целью данной диссертации является исследование национальной идентичности современного китайского общества в контексте глобализации, на основании комплексного изучения основных теорий о нации и исторических событий, повлиявших на формирование, развитие и нынешнее состояние китайской национальной идентичности, а также анализе идеологических концептов «китайская нация» и «китайская мечта».

Для достижения исследовательской цели были поставлены и решены следующие задачи:

1. рассмотреть теории и концепции о нации и национальной идентичности западных, российских и китайских ученых;

2. описать концептуальные основы теории и методологии формирования китайской идентичности;

3. выявить традиционное и современное в общественном развитии современного Китая на основе изучения факторов формирования национального самосознания китайцев в условиях глобализации;

4. выявить общественное мнение относительно реформы школьных учебников и ее влияния на национальную идентичность современной китайской молодежи;

5. рассмотреть особенности национальной психологии, характера и менталитета китайцев в процессе модернизации;

6. оценить роль идеологии культурного национализма как основы культурной идентичности современного Китая;

7. рассмотреть развитие идеи Си Цзиньпина о национальной идентичности и «китайской мечте»;

8. провести анализ этнополитики Китая в рамках доктрины «китайской нации» («чжунхуа миньцзу»);

9. оценить текущую экономическую, политическую и социокультурную ситуацию Китая и определить перспективу его развития в условиях глобализации.

Научная новизна диссертационного исследования определена тем, что впервые в отечественной практике предпринимается попытка провести полный и всесторонний исторический анализ аспектов формирования китайской идентичности в условиях глобализации. Диссертация основана на исследованиях в различных областях гуманитарных наук и международных отношений представленных в китайских и зарубежных научных материалах, официальных документах и средствах массовой информации и были достигнуты следующие результаты:

- проведено комплексное, всестороннее и объективное исследование проблемы формирования китайской идентичности в современных условиях;

- систематизирован комплекс теоретических идей и практики относительно нации и национальной идентичности Китая;
- проанализирована совокупность информационно-источниковой базы исследования во всей полноте и многоаспектности вопроса исследования;
- представлен анализ исторических аспектов особенностей формирования китайской национальной психологии в процессе модернизации;
- выявлена роль культурного национализма в процессе интеграции меньшинств;
- выявлена роль последней образовательной реформы в формировании национальной идентичности китайской молодежи;
- представлен анализ концепций «китайской мечты» и «китайской нации»;
- проанализирована перспектива развития КНР в условиях глобализации;
- представлен причинно-следственный анализ этнополитики и социальной практики в «проблемных» автономных районах.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. изменения, связанные с глобализацией, не делают «национальную идентичность» несущественной, и, более того, бросая ей вызов, способствуют усилению политических мер со стороны национальных государств. Изучение формирования национальной идентичности китайцев в современной парадигме, как граждан одного из главных игроков глобальных процессов, доказывает возможность сосуществования дихотомических тенденций - глобализации и национализма, а также модернизации и традиционализма. В основе китайской национальной идентичности лежит комплекс унижения и гордости, который был сформирован в начале XX века в период противостояния Китая западному империализму и зарождения китайского национализма, а также предпосылок «китайской мечты» о возрождении «китайской нации».

2. общественное самосознание китайского национального сообщества пережило периоды отрицания и принятия традиций и современности как необходимые условия развития нации. Если в начале XX века западная модель развития была образцом для подражания и модернизации, то с конца XX века китаизация и китайский путь развития пережили свое возрождение, популярность стала приобретать конфуцианская система ценностей как символ традиционной китайской культуры.

3. популяризация и продвижение общей истории, традиционной китайской культуры, символики и стандартного языка как атрибутов общенационального «культурного кода» нации посредством СМИ, национальных праздников и системы образования определяют направление общественного развития и ценностную ориентацию современных китайцев. А быстрые темпы модернизации и урбанизации способствуют созданию общей идентичности благодаря миграции различных этносов в города, культурному обмену,

использованию единого языка в общении друг с другом, а также стремлению к экономическим выгодам.

4. в процессе глобализации и модернизации китайская национальная психология приобрела гибридный характер, что проявляется в сочетании конфуцианских семейных и межличностных традиций с современными индивидуализмом и гедонизмом, «открытости, мобильности, конкуренции, предприимчивости, терпимости и стремления к миру» с «материальными желаниями, поклонением деньгам, порывистостью, безразличием, отсутствием честности, ненависти к богатым и демонстрацией богатства» [8, с.14].

5. начиная с 1990-х годов культурный национализм превратился в одну из самых сильных идеологических тенденций в современном Китае. В период кризиса национальной идентичности культура была выбрана Китаем в качестве «мягкой силы» де-вестернизации и распространения китайских ценностей с доминирующей ханьской культурой.

6. этнополитика современного Китая направлена на ускорение ассимиляции и интеграции меньшинств в единую «китайскую нацию», одной из причин этого стало приближение юбилейных дат и связанных с ним «целей двух столетий». «Новый закон о борьбе с терроризмом» (декабрь 2015 г.), постановление о «деэкстремификации» (март 2017 г.), пересмотр положений, регулирующих вопросы религий (сентябрь 2017 г.) а также масштабное строительство лагерей для «перевоспитания» с 2017 года показывает, что Китай стремится решить проблему, используя китайский коммунистический метод устранения внешней идеологии, например, религии.

7. на современном этапе Китай находится на пике своего экономического развития, внося вклад в мировое развитие и играет одну из ведущих ролей в международных отношениях. Тем не менее, острые экологические, демографические, социальные, этнические и другие проблемы внутри страны становятся не только труднопреодолимым барьером на пути к осуществлению «китайской мечты», но и серьезным в плане безопасности государственной целостности фактором для развития КНР в целом.

Источниковая база диссертационного исследования.

В исследовании широко использовались исторические и научно-исследовательские материалы, документы государственного значения, архивные данные, статистика и информация, опубликованная в СМИ на китайском, русском и английском языках. Данные, использованные при написании диссертации, были разделены на несколько групп:

В первую группу вошли официальные документы правительства КНР - государственные отчеты, законы и статистические данные, в которых дана информация о последней переписи населения Китая [9], программах и реформе учебных пособий китайских школ [10; 11; 12; 13], (в результате которой также был усилен национальный дискурс, направленный на повышение национального самосознания у китайских школьников), законах КНР о стандартном языке и

символах [14], религиозной деятельности [15; 16], официальный документ на тему «Образование и обучение профессиональным навыкам в Синьцзяне» [17], Белая книга [18], Конституция КНР [19], а также послания президента и правительственные отчеты о проведении работы по построению национального единства и прогресса для развития самосознания китайского национального сообщества, конференций по вопросам этнической работы [20; 21; 22; 23; 24; 25]. Все эти данные описывают официальную риторику КНР в области формирования национальной идентичности и этнополитики в целом. Также данные, представленные на официальных веб-страницах статистических бюро Китая были полезны при анализе современной ситуации в области национальных, экономических и политических вопросов, и при прогнозировании перспектив развития КНР.

Во вторую группу вошли официальные международные документы ООН, МВФ, Всемирного банка, в которых представлены данные о текущем социально-экономическом развитии Китая, а также прогнозы экспертов на будущее в сфере демографических [26], экономических тенденций [27] и глобальной роли КНР в азиатском регионе и мире [28; 29; 30]. Также официальные соглашения, заявления и резолюции международной организации ШОС касательно национальной безопасности и глобальной борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом [31].

В третью группу вошла мемуарная литература государственных деятелей Китая, в которой отражены вопросы внешней и внутренней политики, в том числе вопросы этнополитики, теоретических и практических принципов и национальной идеологии КПК.

Среди них «Избранные произведения Дэн Сяопина» [32], «Сборник политических эссе Кан Ювэя» [33], а также статьи нынешнего Председателя КНР [34; 35] и его книга «Си Цзиньпин о государственном управлении» [36], в которой представлены социальная система и историческая культура Китая, путь развития Китая и его внешней и внутренней политики, а также раскрывается видение Китаем своей современной национальной идентичности, отражённое в размышлениях и идеях Си Цзиньпина о возрождении китайской нации, как «китайской мечте», которая не только представляет коллективные национальные чувства большинства, но и является идеологической концепцией, призванной объединить КПК с китайским народом. Наряду с новой концепцией Си Цзиньпина о «китайской мечте», в книге представлены новые идеи и стратегии управления страной и международных отношений, например, «новый тип дипломатических отношений» или «Новый путь дипломатии с китайскими особенностями между крупными странами» (中国特色大国外交新征程), что демонстрирует трансформацию национальной идентичности Китая в условиях глобализации на более смелую и активную на международной арене [37, с.71].

В четвертую группу вошли интернет-ресурсы - новостные и интернет-статьи на китайском, русском и английском языках, которые являются наиболее

быстрым откликом на текущие события и тенденции в стране и зарубежом. К основным новостным порталам, которые были использованы при написании данной диссертации, относятся BBC, Xinhua, China Government Network, China National News, People's Daily, China Briefing, Новая Газета, Deutsche Welle и другие.

Также данные, представленные в онлайн-энциклопедиях и онлайн-словарях, которые послужили источником этимологии и перевода, использованных в исследовании терминов и справочной информации. Были использованы Оксфордский словарь английского языка, Большой китайский словарь и толковый словарь С.А.Кузнецова.

Степень научной разработанности темы.

Быстро-растущее экономическое, культурное и политическое влияние Китая сделало его важным игроком в новую эпоху глобализации. Начиная с XX века, западные ученые изучали КНР через призму различных дисциплин - истории, культурологии, политологии, экономики и др. В последние годы феномен национального самосознания и китайской национальной идентичности в частности, стали популярной темой в академических кругах, способствуя появлению все большего спектра публикаций.

Западные исследования. Наибольшее количество трудов в области теории нации и национализма, в которых затронута идея национальной идентичности, представлено исследователями англоязычной литературы. По интерпретации истоков идентичности нации ученые делятся на 3 основных течения: примордиализм, модернизм и этносимволизм. Примордиалисты воспринимают нацию как данность, часто подчеркивая ее кровные и культурные связи, базовую коллективную идентичность и естественную природу развития. К примордиалистам относятся ряд ученых, среди которых Г.Айзекс [38], К.Гирц [39], а также Э.Шилз [40], первый исследователь, использовавший термин «примордиализм». Группу модернистов составляют Э.Хобсбаум [41], Б.Андерсон [42], Э.Гелнер [43] и другие, которые рассматривают нацию как продукт современной эпохи, изобретенный элитами для удовлетворения потребностей государств, формирование идентичности которой стало возможным благодаря модернизации. Так, модернисты утверждают, что концепция нации и построение национальной идентичности связаны непосредственно с представлениями людей об их истории и «незапамятном прошлом», которые легко поддаются корректировке или замене, в то время как примордиалисты рассматривают национальную идентичность как фиксированную, основанную на происхождении, общей языковой истории, этнической принадлежности и мировоззрении. Бурдые П. в статье «Дух государства: генезис и структура бюрократического поля» отводит главную роль политическим властям в направлении идеологии и национального самосознания населения за счет использования различных институциональных механизмов [44], одним из которых является система образования, что подтверждается в

исследовании Карнин Дж. «Влияние транснациональных отношений на национальную идентичность во время международной студенческой мобильности» [45].

Кроме того, анализ литературы показал, что ученые часто указывают на важность исторических повествований и общего «воображаемого» прошлого для развития национальных идентичностей и на роль, которую национальные власти играют в их формировании. Д. Миллер отмечает, что «история, которую нация рассказывает себе о своем прошлом, носит избирательный характер», который может быть изменен «в зависимости от характера современной политики, а вместе с тем и от нашего понимания сути национальной идентичности» [46, с.448]. В. Волкан также указывает на то, что развитие групповой идентичности требует «избранной славы» и «выбранных травм», которые включают как реалистичную информацию, так и «фантазийные ожидания» [47]. Таким образом, национальные власти играют ключевую роль в консолидации национальной идентичности.

Этносимволисты также относят нации к современной эпохе, однако, в отличие от модернистов, среди элементов формирования национальной идентичности они выделяют больше культурно-психологические связи, нежели политические идеи. К ученым, разделяющим эту точку зрения относятся Дж.А.Армстронг [48] и Э.Д.Смит [49; 50; 51], которые отмечают, что национализм основан на таких культурных элементах, как мифы, воспоминания, традиции и символы этнического наследия, а также современных источниках культуры, таких как радио и телевидение.

В целом, как отмечают Р.Р. Вердуго и Э. Милн [52], несмотря на все разнообразие определений понятия национальной идентичности, ученые сходятся на том, что это, прежде всего, чувство «принадлежности» к геополитическому объекту. Также вопросами теории нации и национальной идентичности занимались Т.Нэрн [53], П.Р.Брасс [54], Э.Кедури [55], У. Озкиримли [56], М.Биллиг [57], О.Бауэр[58] и другие.

Исследование вопроса китайской идентичности встречается в трудах таких ученых, как В.Мейсснер [59], Л.Диттмер, С.С.Ким, Р.В.Вильсон, Дж.Л.Ватсон [60] и других, которые отмечают феномен неизменности фундаментальной национальной идентичности китайцев, основанной на культурной совместимости в досовременном Китае [60, с.33] и повышение жестких рамок идентификации, которые требуют лояльности в отношении национального государства в современном Китае [60, с.155]. Рассматривая историческое развитие китайского национализма, Дж. Унгер отмечает, что «даже сегодня он включает в себя смесь политического национализма, этнической ханьской идентичности и культурной гордости, которая наблюдается в ссылках на китайскую цивилизацию как на точку самоидентификации» [61, с.7]. А.Г. Райдер [62] совместно с китайским исследователем Сун Цзяхун [62] рассматривают психологические последствия социокультурной трансформации в Китае в

условиях модернизации, отмечая перемены в жизненных нормах и ценностях китайского общества. П. Дуара, исследуя линейность истории, показывает, как изменилось восприятие китайцев своего прошлого, настоящего и будущего в XX веке, когда в их словарь проникли такие новые понятия как нация, национализм, самосознание [63].

Кроме того, все большее число ученых начинают изучать проблему с культурной точки зрения, исследуя роль традиций, литературы, оперы, фильмов, спорта, телешоу, Интернета в построении китайской национальной идентичности. Среди них Д.А.Белл [64], С.Н.Айзенштадт [65], Дж.Барбалет [66], Л.Горфинкель [67], С.Гаскин [68] и другие [69; 70; 71; 72].

Некоторые исследователи анализируют взаимосвязь между этнической и национальной идентичностью и историю формирования и проблемы состава самого крупного этноса Китая – хань [73], формирование идентичности, интеграционные и ассимиляционные процессы, а также проблемы национальных меньшинств этнических автономных районов КНР. Среди них стоит отметить таких исследователей как А.Хейс [74], А.Лер [75], Р.Ф.Аль-Риями [76], Э.Хан [77] и других [78; 79; 80; 81; 82; 83].

Изучением вопроса идентичности китайских мигрантов и диаспоры занимаются такие ученые как Н.Д.Гарднер и Кео Б. З. [84], которые отмечают, что китайцы, мигрировавшие за границу в ранний период после Цин поддерживали культурные связи с Китаем, образовав особенную группу с уникальной и гибкой идентичностью состоящей из элементов китайской, местной и британской или голландской культур, позволяя им выступать в качестве посредников между культурными группами. К.Куах-Пирс и А.Дэвидсон [85] также указывают на сохранение или восстановление национальной идентичности посредством воспоминаний при воспроизведении и пересмотре воспоминаний в литературе и кино.

Китайские исследования.

Первые исследователи нации и формирования национальной идентичности в Китае находились под влиянием западных теорий наций и национализма. Среди них стоит отметить Лян Цичао [86; 87; 88], который впервые ввел термин *нация* в оборот китайской науки, и на основе идеи которого Фэй Сяотун [89; 90], основал теорию «плюралистического единства китайской нации». А также Сунь Ятсена [91], известного как «отец китайской нации», который был первым, кто расширил и продвигал концепцию «чжунхуа миньцзу» («китайская нация») в своих выступлениях и лекциях, отстаивая в народе идею о том, что «мы должны расширяться и объединить все этнические группы в Китае в китайскую нацию» [92, с.91].

Современные китайские ученые рассматривают национальную идентичность с разных точек зрения: политологии, социологии, антропологии, а также психологии. В основном все они сходятся во мнении касательно важности культурной составляющей, а также неотъемлемой роли идеологии. Среди них

данный вопрос изучают такие китайские исследователи как Ю Фуцзянь [93] и Чжан Шуцзюань [94], которые приводят краткий обзор западных теорий национализма и показывают их влияние на современную китайскую теорию нации; Ли Пен [95], который рассказывает о «китаизации» такой западной теории как марксизм; Сяо Бинь [96], указывающий на двойную природу национальной идентичности – признание этнической идентичности в культурном плане, а также национальной, в идеологическом; Сюй Цзэпин [97], который выделяет культуру, как самый важный элемент национальной идентичности.

Что касается непосредственно китайской идентичности, то она исследуется с культурно-исторической и политико-экономической точек зрения. Так, в научных работах таких китайских ученых как Ли Сяося [98], Ху Ганьдун [99] и Ван Аньрань [100] рассматривается проблема интеграции этнических групп в единую нацию и перехода от этнической к национальной идентичности. Фань Вэньлань [101] выделяет экономический фактор как основу формирования китайской нации, национальная идентичность которой основана на общей конфуцианской культуре. Прослеживая историю политики нравственного воспитания в Китае, Цинь Янь [102], как и другие ученые, рассматривающие роль общеобразовательных учебников по истории Китая [103; 104], указывает на важность стратегического подхода к образованию для воспитания патриотизма, национальной идентичности и легитимности к идеологии национального государства. Так, Юй Цзе [105] в своей книге рассматривает влияние интерпретации истории на мировоззрение общества и одним из примеров приводит историю создания легенды о Желтом императоре в период подъема национального самосознания и как противостояние маньчжурскому правлению.

Большинство ученых отмечают роль конфуцианской [106; 107; 108; 109; 110; 111] и традиционной [112; 113; 114] культуры в формировании и построении национальной идентичности китайцев. В работах, посвященных трансформации Китая из империи с мультикультурным обществом в современное национальное государство, отмечается влияние модернизационных процессов на формирование общей национальной идентичности [115; 116; 117] и китайского национализма [118; 119; 120; 121], а также возникающий в результате таких процессов конфликт старых и новых ценностей [122].

Советские и российские исследования.

Российская школа теории национализма включает в себя ученых советского и современного периодов, первые из которых основывались на определении нации И.В. Сталиным, более того, изначально и китайские теории нации и национальной идентичности также пользовались сталинским определением, что обусловлено прежде всего приверженностью СССР и КНР к марксизму в отношении построения нации.

Среди советских ученых, занимавшихся вопросами нации, стоит отметить таких ученых как Л.Н.Гумилев [123], Ю.В.Бромлей [124], С. А. Арутюнов [125],

среди современных российских ученых - В.А. Шнирельман [126], В.А. Тишков [127], П.И.Гнатенко [128] и др. [129; 130; 131].

Стоит заметить, что в большинстве случаев в советский период разделения в терминологии в области теории нации и национализма как такового не было, однако после введения определения понятия «этнос» В.А. Широкогоровым [132], в академических кругах российских ученых было принято разделение нации на две категории: первая - это «этнос», то есть сообщество людей, которое представляет собой стабильное сообщество, сформировавшееся в процессе выживания и развития человечества. Это социальный и исторический феномен, у которого есть множество определений. Вторая - «нация», то есть нация с национальной формой, которая сформировалась с возникновением национального государства в наше время.

В трудах таких российских ученых как А.Маслов [133], Н.А.Спешнев [134], А.Девятков [135], Н.В.Козыкина [136] и других, рассматривающих вопросы китайской идентичности, большую часть заняли исследования китайского менталитета, роли конфуцианства в политике и жизни китайского общества. Национальный характер, который раскрывается в различных правилах деловых отношений, рассматривали А.В. Поданева в статье «Бизнес-этикет в Китае» [137] и А.А. Галеева «Китайская культура ведения бизнеса: особенности переговорного процесса» [138].

Отдельные статьи посвящены идентичности национальных меньшинств Китая, например, Д.А.Ананьина, рассматривая влияние такого исторического события как культурная революция на этнокультурную идентичность этнических групп, проживающих в СУАР, отмечает феномен усиления религиозного консерватизма среди уйгуров в ответ на трансформацию идентичности населения и формирование «нового человека», который «представлял собой социокультурный продукт искоренения «четырёх анахронизмов» (старых идей, старой культуры, старых обычаев, старых привычек)» правительством КПК [139]. В статье «Общество, религиозная политика и ислам в Китае» М.А. Пахомова [140] рассматривает этнополитику Китая в отношении этнических меньшинств, а также этнонациональные проблемы и пути их решения.

Национальная работа нынешнего председателя КНР Си Цзиньпина, в основе которой лежат идеологические концепции «китайской нации» и «китайской мечты», представлена в книге Ю.В. Тавровского [141], который описал путь становления лидера КПК, его опыт до вступления на пост президента и период первых лет его правления. В статье М. Федорова «По стопам Российской империи: почему Китай не станет мировым гегемоном» описаны современные социальные тенденции и прогнозы будущего Китая, где автор опровергает опасения большинства о превращении Китая в мирового гегемона, указывая на внутренние (конфликт богатых и КПК) и внешние проблемы КНР (конфронтация с США), которые в будущем могут завести страну в глубокий кризис [142].

Отечественные исследования.

Труды китаеведов Казахского национального университета им. аль-Фараби также стали полезным подспорьем при написании данной диссертации. Среди них особо стоит отметить труды доктора исторических наук, профессора Н.А. Алдабек «История китайских религий» [143], где рассматривается формирование и развитие религиозных учений в истории Китая, а также их влияние на политическую и культурную жизнь китайского общества; «История китайской культуры» [144], в которой наряду с достижениями богатейшей китайской культуры, внесшей огромный вклад в развитие мировой культуры, описаны духовные ценности китайского народа, удивительные памятники культуры, относящиеся к разряду чудес света, их история и особенности; «История Синьцзяна (с древнейших времен до середины XX века)» [145], где рассматривается политика Китая и России в прошлой истории Синьцзяна до XX века включительно, что позволяет проследить истоки современной ситуации и усиление политических мер, и возможные первопричины создания международной организации ШОС; написанная профессором Н.А. Алдабек в соавторстве такими учеными кафедры китаеведения факультета востоковедения Казахского национального университета как П.Е.Бектурганова, А.Е.Сериккалиева, Д.Б.Дауен, М.Асыл монография «Модернизация Китая и Казахстан» представляет анализ модернизации китайского общества, как процесса «перехода аграрного китайского общества к современному индустриальному и далее постиндустриальному состоянию» [146, с.4].

Политика Китая в области экономического развития представлена в монографии доктора исторических наук, профессора Н. Мухаметханулы «Внешняя политика Китая и отношения с Казахстаном» [147], где проанализированы развитие внутренней и внешней политики китайского руководства и идея Ху Цзиньтао о «создании гармоничного мира»; в статье «Стратегия освоения Синьцзяна и социально-экономическое развитие приграничного региона СУАР» описан «опыт Китая по осуществлению стратегического плана «Интенсивное развитие Синьцзяна»» [148]; учебное пособие доктора PhD А.Е. Сериккалиевой «Социально-экономическое развитие Китая» [149] содержит информацию об экономических реформах и их влиянии на общественную жизнь населения Китая; доктор PhD Д.К. Жекенов в статье «Внешняя и внутренняя политика КНР во время правления Ху Цзиньтао» [150] приводит анализ вклада лидера «четвертого поколения» Ху Цзиньтао в развитие Китая. Материалы трудов ученых КазНУ им. аль-Фараби были использованы при оценке современного китайского общества и интерпретации влияния процессов модернизации на трансформацию китайской национальной идентичности.

Среди казахстанских ученых также стоит отметить казахстанского политолога и синоведа К.Л. Сыроежкина, труды которого посвящены СУАР, например, «Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-80 годы)» [151], «Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии» [6], а также китайской национальной политике,

например «Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика» [152], в которой упоминается о теории нации в китайском понимании.

Теория национальной идентичности была рассмотрена в многочисленных исследованиях таких видных казахстанских ученых, как Е.У.Байдаров [153; 154], Р.К.Кадыржанов [155; 156], М.С.Шайкемелев [157], А. Н. Нысанбаев [158], Г.К.Уразалиева, Е. В. Беккерова [159] и других, которые в основном сосредоточены на этнокультурном аспекте, рассматриваемом западными и советскими учеными, а также на политических аспектах и проблемах характеристики культурной и национальной идентичности. Казахстанский политолог Р.К. Кадыржанов, который по своим взглядам близок к теории этносимволизма, отмечает, что на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане, нации строятся вокруг этнических символов (этнизация языка, культуры, истории, топонимики и т.д.), а также указывает, что в современном Казахстане, как в большинстве полиэтнических государств, наряду с этносимволизмом практикуется политика межэтнического согласия и стабильности посредством идеологической пропаганды [155]. Относительно национальной идентичности, Кадыржанов уверен в том, что «идентичность как единство ее психоэмоциональной и рациональной сторон имеет символическое выражение, то есть взаимосвязь индивида и группы находит свое выражение в символах, знаках и т. д.» [156, с.6].

Советский и казахстанский философ А.Н. Нысанбаев считает, что Ю.М. Бородай был прав, когда сказал, что «этнос сам по себе не нуждается в государственности, поскольку этническое единство исходно основывается не на искусственно сконструированных рациональных юридических нормах, но на самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах» [158, с.82]. Как видим, Нысанбаев, в рассуждениях о том, что является объединяющей основой этносов, соглашается с этносимволистскими взглядами относительно определения нации.

Казахстанский ученый-востоковед Е.У. Байдаров рассматривает национальную идентичность с точки зрения модернизма, отмечая, что нация является политическим субъектом, который «может объединять множество этносов в рамках определенного государственного образования» [154, с.266].

Таким образом, в ответ на растущий интерес со стороны академических кругов в данной диссертации представлен всесторонний обзор особенностей формирования и трансформации китайской национальной идентичности в эпоху глобализации, а также связанные с ней этнополитика и социальная практика.

Теоретическая и научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нем представлены результаты всестороннего анализа проблемы «китайской идентичности», особенности ее формирования в условиях глобализации, концептуальные основы и ее роль в современной этнополитике КНР.

Основные результаты могут быть использованы в практической деятельности полиэтнических стран в стратегическом планировании и разработке механизмов поддержания и формирования национальной идентичности на основе опыта Китая. Кроме того, материалы диссертационного исследования также могут составить интерес для исследователей, занимающихся проблемами этнополитики и национализма. Основные положения и результаты диссертации могут быть использованы в качестве учебного материала социально-гуманитарных дисциплин.

Апробация результатов исследования.

Основные материалы диссертационной работы были опубликованы в научных периодических изданиях и сборниках в виде 8 научных статей:

1. «Features of the national policy of modern China and national minorities»// Вестник: серия востоковедение – 2019. – Т. 83, №. 4. – С.36-44;

2. «Factors shaping the identity of the modern Chinese»// Вестник: серия востоковедение. – 2018. – Т. 87, №. 4. – С.62-69;

3. «Концептуальные основы теории формирования китайской идентичности»// «Вопросы национальных и федеративных отношений» . – 2020. – Т. 10, №. 4. – С. 919-924.

4. Сохранение «китайской идентичности» в условиях глобализации//Матер.междунар.науч.конф. студентов и молодых ученых «Фараби элемеі». – Алматы: Издательство «Қазақ университеті». - 2018. – С.170-173;

5. «Chinese identity» in the period of cultural globalization// Международная научно-практическая конференция «Вопросы современных научных исследований». – 2019. – Т. 1, №. 1. – С. 185-191;

6. «Food Culture As An Element Of National Identity»// Матер.междунар.науч.конф. студентов и молодых ученых «Фараби элемеі». – Алматы: Издательство «Қазақ университеті», 2019. – С. 271-276;

7. «Идеи Си Цзиньпина о национальной идентичности и «китайской мечты»»// XXVIII международная научно-практическая конференция «История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты», – Т.20., №1. - 2020. – С. 9-14;

8. «Влияние реформ учебных пособий на формирование китайской национальной идентичности»//Интеграция образования (Integration of education), Publisher: National Research Ogarev Mordovia State University, Q2, SJR 0,33. –2021. – Т.25, №.1(102). - С.22-42.

Структура диссертационного исследования

Данное диссертационное исследование состоит из 3 глав, введения, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕИ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1 Теории и концепции о нации и национальной идентичности в условиях глобализации

Значительный рост интереса к вопросам нации и национальной идентичности усилился в период индустриализации в Европе, а затем и деколонизации в Азии и Африке. С середины 70-х годов XX века концепция национальной идентичности стала приобретать все большую значимость, в связи с новой геополитической ситуацией постколониального мира, которая динамично менялась, и политической активизацией этнических меньшинств в промышленно развитых странах. Особенно актуальной проблема национальной идентичности стала для современных государств, которые состоят из большого числа национальных меньшинств.

Сегодня, с развитием информационных технологий и появлением международных корпораций, темпы глобализации резко возросли, бросив «вызов центральному положению национальных культур, национальных идентичностей и их институтов» [160, с.387]. Ожидания марксистов, которые рассматривали нации как пережитки докоммунистической эпохи, о том, что с ростом глобализации в 1990-х годах национализм уйдет в прошлое, не оправдались. Более того, именно этот период стал началом тенденции одновременного развития в направлении глобализации и национализма. Это может быть связано с тем, что ускорение интеграции, характеризующееся углублением взаимодействия во всех сферах жизни общества, параллельно сопровождается устойчивым процессом противодействия глобализации экономической и духовной сфер в форме протестов тех или иных этнокультурных общностей в разных странах и регионах мира. С развитием технологий и коммуникаций мир становится все более единым и стандартизованным, с преобладанием западной культуры, и поэтому многие видят в этом силу, которая уничтожает наследие и культуру различных этнических групп по всему миру. Боязнь потери своей культуры и самобытности в этих условиях, общая практически для всех народов, проявляется также и на уровне государств, отстаивающих свои национальные и государственные интересы.

Таким образом, как заметил Том Нэрн, «глобализация породила национализм, а не превзошла его» [53, с.63]. Стремление сохранить, защитить или вернуть традиции и индивидуальность каждого народа возродило поиски национальной идентичности современных наций и внимание к теории национализма.

На сегодня количество исследований, которые рассматривают данную проблематику, достаточно большое. Однако большинство из них сосредоточены на изучении идей западных ученых.

Среди последних работ, которые стали основным источником при написании данного параграфа настоящей диссертации, стоит отметить исследование политолога У. Озкиримли, где представлен сравнительный и критический обзор самых крупных западных исследователей XX века [56], а также труды социолога Э. Д. Смита, в которых он рассматривает основные аргументы всех главных теоретических интерпретаций национализма в современной политической, культурной и социально-экономической сферах, раскрывает утопичность идеи космополитической глобальной культуры и вклад этнического национализма в укрепление национального государства [49], дает краткое и доступное введение в основные концепции и разновидности националистической идеологии и их критический анализ [50].

Наиболее полный критический анализ примордиалистских идей советско-русской этнографии был представлен в книге российским этносоциологом В.Р. Филипповым, в которой он отмечает их сохранившееся влияние на современные национальные концепции российских ученых [129]. Учебник, составленный С.Е. Федоровым и А.И. Филюшкиным, также посвящен современной теории наций и национализмов, в котором авторы рассматривают концепции зарубежных ученых и несколько российских [130].

Отечественные исследователи, такие как Р.К. Кадыржанов, Р.М. Жумашев, А.О. Жетписбаев, А.Н. Нысанбаев, М.С. Шайкемелев и др., сосредоточены в основном на этнокультурном аспекте теории нации, рассматриваемой западными и советскими учеными, а также на проблемах национальной идентичности.

Ряд работ китайских ученых дает краткий обзор основных западных теорий и концепций [93] и показывает влияние западной националистической теории на современную китайскую [94].

В данном параграфе настоящей диссертации представлен обзор основных теорий и концепций о нации и национальной идентичности, рассматриваемые в теории национализма западными, российскими и китайскими учеными в условиях глобализации.

Анализ литературы показал, что наибольшее количество теоретических осмыслений нации в современной науке представлен группой западных ученых, которые разделились во мнении на 3 крупных течения. Такая классификация широко принята в современной научной литературе, однако прикрепленные к категориям наименования могут различаться: некоторые предпочитают термин «эссенциализм» вместо «примордиализма», «конструктивизм» вместо «модернизма» и «перенниализм» вместо «этносимволизма». Но описание категорий и логика классификации остаются прежними. Поэтому, для более удобной систематизации, в данной работе используется классическая категоризация, которая делит национальные учения на примордиализм, модернизм и этносимволизм. Стоит отметить, что последнее теоретическое направление (этносимволизм) в некоторых источниках рассматривается как направление примордиализма [131, с.57-58; 126]. Однако здесь теория

этносимволистов будет рассмотрена отдельно, так как она заключает в себе переосмысление двух противоположных подходов (примордиализм и модернизм) к изучению феномена нации.

Организация человечества в виде национальных государств прочно укоренилась в настоящее время. Подавляющее большинство обывателей и политиков понимают национальные государства как «нормальные» и «естественные» рамки физического и социального существования общества и отдельных людей. Исторически сформированные и, следовательно, кажущиеся «естественными» для следующих поколений рамки социального существования обычно не вызывают сомнений в повседневной жизни, поскольку это нарушило бы нормальное внутреннее функционирование сообществ и их членов. Однако в академических кругах такая точка зрения подвергается сомнению. Но, несмотря на то, что большая часть современных ученых отрицает видение нации, как «естественной» формы социальной реальности, в эпоху глобализации некоторые примордиалистские идеи продолжают существовать в качестве идеологической основы национальной идентичности, порождая новые концепции об «исторических» нациях (т.е. нациях, существовавших испокон веков по сей день).

Изначально примордиалистские аргументы были сформулированы, чтобы объяснить, прежде всего, происхождение и силу этнической идентичности. Вместе с тем они отмечают, что идея нации (в процессе эволюции) в конечном итоге разовьется внутри любой группы, обладающей общими культурными характеристиками [131, с.52]. Национальную или этническую идентичность *примордиализм (эссенциализм)* рассматривает «как данность в человеческих отношениях», которая глубоко укоренилась «в историческом опыте» [161, с.15].

Впервые термин «примордиализм» был использован американским социологом Эдвардом Шилзом для описания отношений в семье. В статье «Первобытные, личные, духовные и гражданские связи» Шилз пишет, что члены семьи чувствуют друг к другу привязанности, которые происходят из «значительных реляционных» качеств, и что их можно описать только как «первобытные» или «первоначальные» (primordial) [40, с.142]. На основе данного аргумента американский антрополог и социолог *К. Гирц* разработал *концепцию «примордиальной привязанности»*. Согласно Гирцу, примордиальная (первичная) идентичность преимущественно связана с чувствами или привязанностями, которые, в то же время, являются принудительными: «под примордиальной привязанностью понимается та, которая проистекает из «данностей» или, точнее, (поскольку культура неизбежно вовлечена в такие вопросы) из предполагаемых «данностей» социального существования: главным образом, непосредственного контакта и родственных связей, а также данности, которая проистекает из рождения в определенной религиозной общине, говорения на определенном языке или даже на диалекте языка и следования определенным социальным практикам. Как видим, эти сходства крови, речи, обычаев и так далее, обладают невыразимым, а порой и непреодолимым принуждением сами по себе» [39, с.259].

Гирц отмечает, что эти «пожизненные» узы могут при определенных условиях привести к конфликтам с другими людьми, и даже разрушить гражданское общество. Стало быть, кровные, языковые и культурные связи составляют социальную идентичность, которая обладает чрезвычайной силой объединения или же разрушения нации.

О существовании базовой (этнической) коллективной идентичности, которая для каждого человека является результатом рождения в группе в определенное историческое время, также упоминал американский политический аналитик и китаист Гарольд Айзекс [38]. Айзекс говорит о языке, истории происхождения, религии и национальности как об основах формирования коллективной или групповой идентичности, которые имеют динамичный характер. Этническая принадлежность представлена как незыблемая базовая идентичность, которая является силой строительства наций и одновременно причиной их разрыва на части.

Статичность и этих частей, то есть этносов, подверг сомнению советский этнограф Л.Н. Гумилев, предложив биофизическую концепцию для объяснения процессов их появления, развития и упадка в своей *«пассионарной теории этногенеза»*. Согласно этой теории, объединение людей в этническую группу происходит в связи с действием на них пассионарной энергии (жажды деятельности для достижения общих (не личных) целей), переизбыток которой может привести к внутренним конфликтам и кризисам, а затем к упадку (пассионарной энергии) этноса. Также как и западные примордиалисты, Гумилев упоминает о кровной связи этноса, говоря, что каждый этнос имеет как минимум двух предков, также, как и каждый человек имеет двух родителей. Вместе с тем, стоит отметить его неоднозначное, на первый взгляд, отношение к определению нации. С одной стороны, Гумилев отмечает, что нация – это научное название, а этнос - это совершенно научное название сообщества людей [123, с.575], и, что «Народ, народность, нация, племя, родовой союз – все эти понятия обозначаются в этнологии термином «этнос»» [123, с.919]. Давая такое истолкование терминов, он отождествляет эти понятия. С другой стороны, разделяет модернистический взгляд о современности наций - «иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа», «характерные для XIX–XX вв.» [123, с.90]. Далее он демонстрирует солидарность с этносимболистской теорией, говоря, что этническая идентичность заключается в стереотипном поведении членов группы, которое передается не на генетическом уровне, а посредством культуры.

Первое определение нации, данное Львом Николаевичем как одно из названий этноса, можно объяснить тем, что в общественно-политической практике в советское время сформировалось понятие национального как этнического, которое остается доминирующим и сегодня не только среди чиновников, но и в академическом мире [129, с.8]. Что касается его замечания по поводу современного типа нации, то она понимается им как социальная форма,

сформировавшаяся в процессе этногенеза по устоявшейся схеме общественного развития «род – племя – народ (этнос) – нация» [123, с.92], в результате которого в этносе (нации) появляются изменения, свойственные «для каждой новой эпохи» [123, с.401].

Стоит также отметить, что теория Гумилева, являясь непохожей ни на одну из советских (и российских) или западных теорий, была сконцентрирована не на определении дефиниций для терминов, а на причине появления и дальнейших изменений в общественной группе людей (народе, нации, этносе), которую он объясняет биологическими законами природы. Таким образом, его теория открыла новую, для того времени, призму для рассмотрения движущей силы, объединяющей народы и ведущей их на жертвы в неличных интересах.

Более точное определение, а также разграничение с понятием нации, были даны автором термина «этнос» С.М. Широкогоровым в его книге «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений»: «этнос – это группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп. Это и есть этническая единица, - объект науки этнографии» [132, с.6]. Нация, согласно Широкогорову, «включает в себя людей, конечно, самого различного происхождения (этнографически и антропологически, соматически - англичан, ирландцев, евреев и т.д.), объединенных или, точнее говоря, объединяющихся теперь общностью интересов, языка, ряда обычаев и уклада жизни» [132, с.6]. Говоря о «нации», он приводит в пример «американскую нацию», «французскую нацию» и уточняет, что «русскую нацию» или «еврейскую нацию» в данном контексте нужно понимать уже как совсем иное, а именно как этнос.

Как автор «теории этноса», а также самого термина «этнос», Широкогоров вошел в историю этнографии Китая, куда он иммигрировал из Европы. Лишь немного позже, написав десятки работ на английском, немецком и французском языках, он вошел в «советскую теорию этноса» (есть мнение, что это было связано с его статусом «эмигранта»), после того, как его упомянул Ю.В. Бромлей (директор Института этнографии антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР). Сам же Ю.В. Бромлей, который был известен как «главный этнограф страны» [129, с.6], является автором «*дуалистической теории этноса*». Эта теория выделяет стабильное ядро этноса, существующее на протяжении всей истории оставшихся народов и является ключевой характеристикой этноса. «Понятие «этнос» может употребляться как в узком, так в широком значении этого слова» [124, с.86]. В узком смысле этнос имеет культурные характеристики и называется этникосом, а в широком - этносоциальным организмом (или этнической общностью), который дуалисты понимают, как нацию, характерной чертой которой является наличие рабочего класса и экономических связей [124, с.86].

Как отмечает Филиппов, советские теоретики (кроме Широкогорова), во главе с Ю.В. Бромлеем, послужили «делу сотворения примордиалистского мифа об «этносе»», создав «сомнительную сентенцию, согласно которой нация – это стадия развития этноса, соответствующая эпохе капитализма» [129, с.56].

В связи с тем, что примордиалисты, как заметил британский социолог Энтони Смит, не проводят различия между нациями и этническими группами [49, С.32], теория примордиализма отрицается большинством современных ученых. Несмотря на это, основные принципы данной теоретической школы широко используются в политике и в обычной жизни. В качестве примера можно привести Китай, где мифический император Хуанди (Желтый император), который изначально был выдвинут как предок этноса хань, стал считаться основателем китайской цивилизации.

Однако идея о том, что все китайцы являются «потомками Хуанди», на самом деле сформировалась в начале XX века. Теория о Желтом императоре, как первопрядке всей китайской нации, была воспринята ханьскими националистами Чжан Тайян, Хуан Цзе, Цзян Гуаньюнь, Сун Цзяорен, Лю Шипэй и Лян Цичао [105] из китайско-вавилонской теории Терриен де Лакупери. Впоследствии Лян Цичао выдвинул *концепцию «китайской нации»*, национальная идентичность которой была основана на общем происхождении от императора Хуанди.

Лян Цичао был первым, кто ввел термин *миньцзу* (нация) в оборот китайской науки, взяв за основу определение нации немецкого мыслителя И.К. Блюнчли. Блюнчли выделяет следующие характеристики нации как наиболее важные: «1) общее происхождение и совместное проживание в одном месте; 2) изначально общая родословная; 3) общие внешние признаки (внешность); 4) общий язык; 5) одинаковая письменность; 6) общая религия; 7) общие обычаи; 8) одинаковый промысел» [86]. Лян признает, что на начальном этапе формирования нации географический и генетический факторы, несомненно, являются основными условиями, но из-за этнической мобильности и смешанных браков исходное состояние, естественно, будет нарушено. Однако в результате миграций и интеграции различных этнических групп в течение долгого времени, люди разных родословных будут генетически однородны, а значит будут принадлежать к одной нации [94, с.137]. Также он выделял национальную идентичность как наиболее важный критерий, говоря, что, хотя объективные условия и факторы, такие как кровное родство, регион, язык и т. д., являются важными для формирования нации, но «единственный элемент для создания нации заключается в открытии и утверждении «национального сознания»».

Из вышесказанного следует, что, согласно Лян Цичао, историческое развитие нации происходит в результате эволюции и расширения за счет «естественной» ассимиляции, метисации и установления национальной идентичности.

Пройдя процесс стандартизации, популяризации и политизации, концепция китайской нации превратилась в *«плюралистическое единство китайской*

нации» Фэй Сяотуна, которая, аналогично первой, объясняла нацию как единый социальный коллектив, состоящий из 56-ти различных этносов, объединившихся в процессе плюралистической интеграции. Национальная идентичность рассматривалась как стремление людей к восстановлению гармонии, сформировавшееся в результате повторяющегося сценария расцвета и упадка династий, которое затем превратилось в сознательное стремление к единству.

Таким образом, примордиалисты рассматривают нации как естественный продукт эволюции и утверждают, что люди развили свою идентичность по отношению к определенным коллективам в ходе долгосрочного развития. Подчеркиваются естественные атрибуты наций, такие как язык, культура и регион, и существование национальной или этнической идентичности как врожденной или основанной на культуре и кровном родстве. Теория примордиализма легче понимается и принимается широкой публикой, но ученые в области социальных наук обычно выступают против нее.

Так, модернисты видят нацию как конструкт, который был сформирован силами политических элит, а национальную идентичность, как контролируемую посредством социальных институтов (СМИ, образование и др.) государства для достижения политических целей.

Согласно *модернизму*, нация и все понятия, которые с ней связаны – национализм, национальная идентичность и т.п., являясь продуктами специфически современных процессов, таких как капитализм, индустриализм, возникновение бюрократического государства, урбанизации и секуляризма, появились в последние два столетия, то есть вслед за Французской революцией. [49, с.29].

Модернистские авторы Андерсон, Хобсбаум и Эрнест Геллнер, воспринимают нации и национальную идентичность как «мифические конструкции» национализма [56, с.96], массовое явление которых стало возможным только с появлением новых передаточных механизмов в современную эпоху [41, с.14]. По мнению этих авторов, нации не могли быть созданы до XVIII и начала XIX веков. Модернисты различаются, однако, акцентом на определенные «современные механизмы». По мнению Андерсона, появление печатного капитализма позволило людям «представить» свое существование в более широком коллективном сообществе [56, с.110]. Геллнер вместо этого подчеркивает важность индустриализации, урбанизации и массового образования в придании нации политической значимости и в распространении «высокой культуры», которая побуждает людей идентифицировать себя с нацией [43, с.27, с.42; 56, с.103].

По мнению британского историка-марксиста, теоретика и критика национализма Эрика Джона Эрнеста Хобсбаума, это «изобретение традиции» государственными элитами, пытающимися управлять быстрыми социальными преобразованиями в современную эпоху, что позволяет создавать, казалось бы, «естественные» нации [41, с.3-15]. Он утверждает, что нации принадлежат к

определенному, исторически недавнему периоду и определяет нации и национализм, как продукты «социальной инженерии». Особого внимания в этом процессе заслуживает *идея «изобретения традиций»*, под которой подразумевается набор практик, обычно регулируемых открыто или неявно принятыми правилами ритуального или символического характера, которые имеют целью привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, что автоматически подразумевает преемственность прошлого [41, с.1].

Согласно концепции Хобсбаума, нация и ее производные наиболее часто возникают из таких «изобретенных традиций», которые, несмотря на их историческую новизну, устанавливают преемственность «подходящего» прошлого, «используя историю в качестве легитиматора действий и цемента сплоченности группы» [41, с.12]. Другими словами, «изобретенные традиции» являются «реакцией на новые ситуации, которые принимают форму ссылки на старые ситуации» [41, с.2]. Ученый выделяет два процесса «изобретения традиций», а именно адаптация старых традиций и институтов к новым ситуациям и намеренное изобретение «новых» традиций в совершенно новых целях.

Особенно актуальными нововведениями этого периода отмечены развитие базового образования, изобретение общественных церемоний и массовое производство государственных памятников [41, с.270]. В результате этих процессов «национализм стал заменой социальной сплоченности через национальную церковь, королевскую семью или другие сплоченные традиции или коллективные самопрезентации, новую светскую религию» [41, с.303]. А большая часть того, что субъективно составляет современную нацию, состоит из таких конструкций и связана с соответствующими и, в общем, довольно недавними символами или подходящим образом адаптированным дискурсом (таким как национальная история). Исходя из этого, национальное явление стало возможным благодаря «изобретению традиции» [41, с.14].

С «изобретением традиций» во многом перекликается идея Бенедикта Андерсона о «*воображаемых сообществах*», которая является наиболее влиятельной и широко цитируемой модернистской концепцией о формировании нации.

Среди важнейших исторических событий, спровоцировавших становление нации, Андерсон выделяет изобретение печатного станка, который, во времена упадка религии, позволил современному человеку представить себе сообщество и ощутить идентичность с ним. Так, книгопечатание создало стандартизированные национальные языки, чтобы охватить лингвистически разнообразных читателей в Европе, породив, в результате, «сообщество читателей» и способствовало формированию национальных государств. Национальной идентичностью «сообщества читателей» стало чувство связи с

людьми, которых они не знают, но которые читают ту же газету вместе с ними каждое утро.

Подобную идею поддерживали советско-российские этнографы Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов, разработавшие *«информационную концепцию»*, которая предполагает наличие двух типов связи между людьми – горизонтальной и вертикальной, где первая относится к нации, а вторая к этносу. Так, согласно данной концепции, этносы – это люди, связанные информацией (мифы, символы, правила взаимоотношений и т.п.), которая передается из поколения в поколение, а нация – это этническая общность, связанная прежде всего одновременным общением, куда входят переписки, переговоры и прочее [125, с.21].

Другими словами, такие социальные конструкции, как нации, живут и развиваются благодаря воображению тех, кто в них верит, и передаются и формируются от поколения к поколению посредством обычных процессов социализации и обучения. Популяризация системы образования, как отмечает Эрнес Геллнер в своей *теории национализма*, способствует формированию нации путем навязывания общей «высокой» культуры и унификацией языка [43, с.42]. Например, образовательные реформы, которые в Китае всегда были направлены на воспитание культурного национализма и патриотизма среди китайского молодого поколения [103; 104].

Говоря о реформе учебников, проведенной в 2017 году, член партийного руководства и заместитель министра образования Чжэн Фужи подчеркнул, что «учебные материалы должны не только полностью отражать духовные взгляды и ценности современного Китая, особенно основные ценности социализма, но также и полностью отражать важные ценности, сформированные китайской нацией за тысячи лет. Необходимо обучить наших учащихся основным ценностям страны и нации, чтобы они могли унаследовать и передать великий национальный дух и дух времени, укрепить китайское происхождение и унаследовать национальные гены» [13]. То есть отмечается важность как традиционных ценностей общей культуры, так и ценностей государственного строя.

Наряду с культурным аспектом Сяо Бин отмечает значимость политического и оценивает нацию, как политико-правовое сообщество и сообщество исторической судьбы одновременно: когда население, либо считает себя гражданами-членами нации, либо рассматривает себя как соотечественников-членов разных этнических групп. В предложенной им *концепции «двойственной структуры национальной идентичности»* оба вида такой самоидентификации относятся к категории национальной идентичности, но имеют четкое различие: первая национальная идентичность носит политический характер, а вторая – культурный [96, с.77]. При этом, сообщество одной исторической судьбы является спонтанным «воображением» народной нации [96, с.77], которое, вступая в отношения взаимных прав и обязательств в рамках национального государства, реализовывает свои интересы (например, защита гражданских прав

государством, получение государственных услуг и т.д. [96, с.78]). В свою очередь, «государство, в целях укрепления сплоченности и центростремительной силы страны / нации, постоянно реагирует на требования граждан», «укрепляя легитимность национальной правящей власти», а также распространяет «универсальную культуру нации», которая делает «страну и этническое сообщество объектом идентификации для граждан» [96, с.81-82]. Вместе с тем, по словам Сяо Бина, учитывая психологическое стремление граждан испытывать привязанность к соотечественникам и гордость за свою страну, люди делают «рациональный» выбор в пользу «универсальных ценностей, выходя за рамки своих особых традиций» [96, с.79]. Так, в результате взаимодействия государства и этносов этническая идентичность постепенно заменяется на национальную.

Пол Р. Брасс тоже указывал на изменчивость культурного характера этнической идентичности и зависимость от политических и экономических обстоятельств. Согласно его *концепции «инструментальной природы идентичности»*, элиты могут принять решение преуменьшать этнические различия и стремиться к сотрудничеству с другими группами или государственными органами [54, с.13-16] в целях мобилизации и трансформации населения в нацию [54, с.19]. В качестве главных условий для формирования национальной идентичности Брасс отмечает рост уровня грамотности, развитие средств массовой информации, в частности газет, стандартизацию местных языков и т.д.

Таким образом, модернистские теории ученых больше подчеркивают политическую природу наций и ее производных, утверждая, что они возникли в современную эпоху в результате строительства национальных государств на основе мифической идентичности, которая включает в себя историю, символы, образы или любые другие аспекты культуры. В отличие от примордиалистов, которые рассматривают этническую принадлежность как «данность» человеческих условий, они утверждают, что этнические и национальные привязанности постоянно пересматриваются и восстанавливаются в ответ на меняющиеся условия и манипуляции политических элит. Однако Энтони Смит напоминает, что не стоит понимать нации и национальную идентичность лишь как политические понятия, «но также и помнить, что они являются культурным явлением, то есть включают такие категории как определенный язык, чувства и символику» [51].

Пытаясь избежать однозначного принятия либо примордиалистской, либо модернистской позиции, *этносимволисты* выбрали средний путь между этими двумя полярными противоположностями.

Этносимволисты, в отличие от примордиалистов, не рассматривают нации как «естественные» или органически отличные друг от друга, а придерживаются мнения, что современные нации лучше всего понимать, как наследников старых этнических или культурных групп, которые всегда существовали в истории человечества, и именно это наследие делает их извечными. Большинство

последователей данной теоретической школы, объясняя возникновение и характер нации, придают гораздо большее значение культурно-психологическим связям, основанным на этническом происхождении, чем модернистским процессам.

Основы этносимволизма были заложены американским историком и политологом Дж.А. Армстронгом, который считал, что нация нового времени является заключительным этапом эволюции этноса (самой ранней формы коллективной организации, которая инициирует себя в процессе дифференциации, то есть путем сравнения «себя» с «чужими» [48, с.4]). Культурные установки этнических сообществ продолжают в нации благодаря сохраняющейся практике стереотипного поведения, становясь своего рода культурными аналогами генов. Национальную идентичность Армстронг называл современным явлением, базирующимся на древних, уже существующих характеристиках группы – «*комплексе мифов и символов*» [48, с.9].

Убедительную аргументацию этносимволистских взглядов на происхождение и существование нации и национальной идентичности можно найти в работах британского социолога Энтони Д. Смита, который продолжил изучение и анализ проблем появления современных национальных идентичностей под долгосрочным влиянием «комплекса мифов и символов», предложенного Армстронгом. Его центральное утверждение заключается в том, что «корни» этничности, которые уже существовали в досовременные времена и основаны на мифах, воспоминаниях, ценностях и символах этноса, продолжают оказывать влияние на нации. Смит предполагает, что нации являются современными, тогда как их «этнические корни» являются досовременными. Эти корни ограничивают попытки современных политических элит направлять процессы формирования нации [49, с.55].

«*Этносимволистская теория Смита*» выделяет роль, которую мифы и символы играют в построении национальной идентичности, и их решающее значение в процессах строительства нации. Сам же Смит называет себя *перенниалистом*, говоря о «повторяющейся природе этносимволических связей» [50, с.6] этносов и наций.

Хотя национальная идентичность является в основном современным явлением, досовременные этнические сообщества и их идентичности по-прежнему широко распространены. Причиной тому служит то, что национальная идентичность современных наций опирается на ранее существовавшую историю «группы», которая была преобразована в чувство общей идентичности. Некоторые исторические события были мифологизированы с целью, например, легитимировать новую власть. Из этого следует, что символическая сфера - это один из способов, с помощью которых национальные политические элиты пытаются консолидировать власть титульной национальности в государстве. Так, Смит полагает, что националистические интерпретации прошлого часто сфабрикованы для оправдания современных политических и этнических позиций.

Например, в Китае, чтобы убедить народ Шан-Инь признать и одобрить власть чжоусцев, была создана мифическая династия Ся, которая стала общим «историческим» прошлым и важным аргументом передачи Мандата Неба новому правителю династии Чжоу [162, с.28]. Следовательно, для формирования национальной идентичности важен факт наследования, так как нация - это «сообщество культурного наследия», которое «территориализирует память» [49, с.9].

Таким образом, этносимволизм, аналогично примордиализму, относится к нации как к исторически продолжающейся общности, но в отличие от примордиалистов, последователи этносимволизма указывают причиной национальной идентичности культурные, а не кровные связи.

Так, например, профессор Сюй Цзепин обращает внимание на то, что самой главной силой национальной идентичности является культура. Согласно его концепции «мягкой силы национальной культуры», национальная идентичность формируется посредством пропаганды общенационального культурного дискурса, который государство осуществляет через образование и средства массовой информации [97, с.88]. Как только культурная идентичность сформирована, она проявляется в стабильности, сплоченности, близости нации, что способствует повышению экономической мощи страны и повышению уровня жизни. Более того, развитие культуры и привлекательного имиджа страны помогает ей в достижениях на международной арене [97, с.90].

В современном мире культурная идентичность как политический ресурс значительно важнее других аспектов идентичности [97, с.90], поэтому «сохранение собственных культурно-цивилизационных основ» является актуальной проблемой для большинства современных стран и даже целых регионов [153, с.10]. Будучи стратегической темой политиков для поддержания единства и национальной безопасности, культурный аспект нации и национальной идентичности проявляется не только в языке, религии, искусстве и философии, но и в политике, дипломатии, идеологии, и, таким образом, пронизывает все аспекты человеческой жизни [97, с.90].

Сегодня в большинстве полиэтнических государств практикуется политика межэтнического согласия и стабильности посредством идеологической пропаганды. [156, с.10]. А национальная «идентичность, как единство ее психоэмоциональной и рациональной сторон, имеет символическое выражение, то есть взаимосвязь индивида и группы находит свое выражение в символах, знаках и т. д.» [156, с.6]. Поэтому этносимволический индикатор действительно является одним из важных факторов, который оказывает влияние на формирование наций и их идентичности. Историческая память, основанная на материальных и духовных символах, является важной составляющей национальной идентичности современных наций, которая помогает сохранить свою самобытность в эпоху глобализации.

Для того, чтобы противостоять негативному влиянию процессов глобализации, которая продолжает бросать вызов границам, разрушая национальное здание [153, с.10], современным государствам следует учитывать все аспекты, составляющие национальную идентичность, для сохранения своих границ. Ван Чжуоцзюнь и Хе Хуалин в концепции «Четыре в одном» предложили рассматривать национальную идентичность как комбинацию, состоящую из четырех составляющих: институциональная идентичность, идентичность интересов, культурная идентичность и идентичность общенационального сообщества.

Китайские ученые подчеркивают, что государству необходимо продвигать все четыре вида идентичности для формирования национального самосознания у своих граждан. Так, для развития институциональной идентичности государству нужно привлекать граждан к участию в политической жизни через общественные институты и решать проблемы индивидуализма, локализма, общинности и наднационализма. Также государство должно соответствовать индивидуальным или коллективным интересам населения для формирования идентичности интересов. Культурная идентичность основана на культурном наследии нации, которое передается через дискурсы посредством образования и СМИ. И, наконец, когда все формы сообщества - нация, государственное сообщество, общественные организации, субнациональные организации и наднациональные организации, будут в полном соответствии с государством, гражданская идентичность будет преобразована в национальную идентичность посредством механизма общинного преобразования.

Что касается российских исследователей, то к концепциям этносимволического характера можно отнести «гражданскую нацию» В.А. Тишкова, который признает важное место «культурного капитала и исторической памяти» в формировании наций и национальной идентичности, а также то, что «границы-маркеры, по которым выстраивается та или иная общность» - это «не навечно закрепленная данность», а динамика, меняющаяся во времени. Отмечая силу этнической идентичности, он указывает на отсутствие монокультуры «даже в таких «старых нациях», как французская или итальянская» [127].

Согласно его концепции, различные этносы нового и новейшего времени, живущие на одной территории и объединенные национальным государством в гражданскую нацию, могут более-менее стабильно сосуществовать при условии осознания «приоритета ценности человеческой жизни, прав личности, представительного правления, при котором допускается и поддерживается культурное разнообразие заключенного в границах государств населения». Для достижения консенсуса между государственным и этноконфессиональным сообществами и была создана идеология национализма [127].

Тишков отмечает, что более успешное «нациестроительство на общегражданской основе» можно наблюдать в Западной Европе, а также

некоторых странах Востока, например, в Индии и Китае. Конечно в этих странах, как и в любых других, не исключено межэтническое напряжение или беспорядки, однако они «научились сдерживать противоречия и конфликты, устраивая внутреннюю жизнь на основе согласия, общих норм и ценностей, а также самого государственного устройства через институты федерализма и внутренних автономий (территориальных и национально-культурных)».

«... единую национальную культуру», как отмечает Л.Г. Ионин, легче прививать в условиях «урбанизированной жизненной среды мегаполисов, куда стекаются большие массы народа, где возникают массовые производства» [163, с.113] и происходит унификация «образа жизни и культурных навыков» [163, с.113-114]. «Вследствие этого создаются крупные единообразные культуры, которые сначала осознают свою культурную идентичность, а затем стремятся и к политической идентичности». Ионин выделяет «культурную» и «мифологическую» идентичности как более фундаментальные, более широкие и более прочные формы. Помимо них, Леонид Григорьевич также говорит о третьей форме – *политической идентичности*, которая является завершающим этапом строительства национальной идентичности, «крышей дома», стоящей на культурных «фундаменте и стенах» [163, с.113].

Таким образом, этносимволисты солидарны с примордиалистами в том, что нации имеют древние «корни», но при этом составными компонентами являются культурные элементы, а не биологические. Как и модернисты, признают существование манипуляций со стороны государственных элит, которые способствуют современным изменениям, но никак не «изобретению» традиций.

Следует отметить, что аргументы ученых рассмотренных теоретических школ были основаны на результатах исследований на базе одной или нескольких наций (чаще всего своей), которые могут быть абсолютно нерабочими в условиях других, в зависимости от исторических и прочих особенностей зарождения и развития нации.

Так как данная диссертация сосредоточена на изучении формирования национальной идентичности китайцев, в следующем параграфе будут рассмотрены концептуальные основы китайской идентичности. Главным образом, будет уделено внимание изучению появления и развития идеи нации и национальной идентичности в Китае, которая зародилась еще в смутные времена Весен и Осеней и получило свое развитие в период Опиумных войн.

Подводя итоги данного параграфа, следует признать, что глобализация является неотъемлемой частью современных международных отношений, которая, с одной стороны, угрожает национальной идентичности, а с другой стороны, бросая ей вызов, способствует усилению политических мер со стороны национальных государств.

Наблюдая усиления национальных государств и неугасающий интерес теоретиков к вопросам нации и национальной идентичности, стоит подчеркнуть, что, несмотря на предсказывание некоторых ученых о том, что глобальная

рыночная культура разрушит границы национальной идентичности [1], люди по-прежнему делятся на «мы» и «они». Поэтому замечание Б. Андерсона, что «конец эры национализма», о котором так долго предсказывали, даже отдаленно не виден. Действительно, национальность - это самая универсальная законная ценность в политической жизни нашего времени» [42, с.3].

1.2 Концептуальные основы теории и методологии формирования китайской идентичности

В полиэтнической стране важной стратегической задачей государственного строительства является постоянное укрепление национальной идентичности граждан всех этнических групп и, таким образом, укрепление ее легитимности. С этой целью усилиями политиков и ученых на протяжении истории выдвигались различные концепции, которые были призваны формировать и поддерживать национальную идентичность.

Сама концепция национальной идентичности появилась во время революции в области поведенческих наук в 1970-х годах в исследованиях в сфере политологии. С тех пор роль национальной идентичности в современной теории построения национального государства становится все более и более заметной. В исследовании национализма существуют три основные теоретические парадигмы: примордиализм часто интерпретирует формирование современных наций как результат долгосрочной исторической эволюции кровных связей, этносимволизм - культурных и этнических связей, а модернизм подчеркивает формирование национальной идентичности посредством политики и дискурса государства и элит.

На сегодня существует множество концепций, из которых наиболее воспринимаемые в обществе, а также пропагандируемые политической элитой для продвижения общенациональной идентичности оказываются примордиалистические и этносимволистские, в то время как методологическую базу часто составляют модернистические подходы.

Наибольший интерес к теории китайской идентичности, несомненно, проявляют китайские исследователи, которые отмечают, что академические круги Китая более склонны принимать «эволюционную теорию» примордиализма, ссылаясь на пяти тысячелетнюю совместную историю, объединяющую сегодня 56 этнических групп в одну нацию «чжунхуа миньцзу».

Большая часть исследований, посвященных изучению китайской национальной теории, рассматривают влияние западной теории национализма, которая проникла в Китай в период завершения его династийной истории [60; 94], а также марксистскую теорию, которая стала идеологической основой с начала создания КНР по настоящее время. Отдельные авторы отмечают зарождение идей национальной идентичности задолго до начала вестернизации.

В данном параграфе представлен обзор главных концепций и идей, которые возникали в Китае на протяжении всей истории и стали основой теории и методологии формирования китайской идентичности.

Анализ литературы по данному вопросу показал, что идея национальной идентичности зародилась еще до прихода западной науки в Китай. Одной из первых концепций стала *идея Конфуция о «Великом объединении»*, которая имеет этносимволистское направление и выдвигает культурную идентичность в качестве основы для единства этносов, живущих на территории Китая. Стоит отметить, что на тот период в Китае не было такого понятия как «нация», однако единство народов, входящих в состав империи, было важной и неотъемлемой частью политики высших правящих кругов.

В смутное время Чуньцю («Весен и осеней») китайский философ Конфуций был обеспокоен внутренними национальными проблемами, обусловленными отношениями между хуася (华夏 - предки китайцев) и этническими меньшинствами. И хотя сам Конфуций не выдвигал идею «Великого объединения» как концепцию, его размышления о национальном вопросе сводились к одной цели - объединение Поднебесной. И, когда конфуцианство стало официальной доктриной государственного управления, идея о «Великом объединении» нации стала политической целью, преследуемой правителями Китая всех последующих поколений [112]. Так, император династии Хань У-ди продвигал «Великое объединение» как главный лейтмотив социальной культуры того времени, которая имела два направления: 1) достичь идейного единства, создать национальную идеологию и добиться политического объединения посредством культурного объединения, 2) сохранить единство территории китайской нации и достичь национального единства путем регионального объединения. Единство культуры и единство регионов являются важными предпосылками формирования общей национальной идентичности [107]. Таким образом, начиная со времен Западной Хань, когда конфуцианство было признано официальной китайской идеологией (156 г. до н.э.-87 г. до н.э.), идея Конфуция о единстве начала проникать в идеологическую культуру китайского государства.

Несмотря на то, что нынешнее китайское полиэтническое сообщество достигло консенсуса по многим аспектам, на практике, из-за различий и споров об интересах, религиозных убеждений и проблем исторического наследия, оно все еще испытывает трудности. Поэтому в современной парадигме лидеры Китая по-прежнему продвигают данную концепцию, подчеркивая, что основной целью является достижение идеального состояния процветания страны и счастья людей, включая объединение территории, политическую ясность, социальную стабильность и экономический подъем [36, с.1396].

В целях эффективной защиты интересов этнических меньшинств и содействия решению национальных проблем, государство выдвинуло стратегию национальной политики, направленную на равенство, единство и общее развитие

этнических групп, которая также является основным принципом для урегулирования этнических вопросов КНР. Подход Конфуция к национальному вопросу согласуется с данным национальным идеологическим принципом, о чем свидетельствует его образовательная концепция «образование — для всех» или «в получении образования нет различий между людьми», согласно которой в обучении необходимо относиться к ученикам одинаково, и не делить их по этническому признаку. В понимании нации Конфуций считал, что разница между хуася и иди (夷狄), то есть между жителями Китая и варварами (неханьские племена на востоке и севере древнего Китая) заключается, главным образом, в уровне культурного развития: этническая группа хуася относительно развита из-за формирования цельной церемониальной культуры, в то время как этнические группы *иди*, по мнению древних китайцев, из-за поздней цивилизации отставали в развитии, и поэтому они культурно отличаются от китайской нации хуася. Философ различал китайцев от некитайцев по степени цивилизации и моральной эволюции, а не по крови или расе. Со временем культурное единство и консенсус в отношении основных ценностей поддерживались благодаря приверженности народа конфуцианству. Кочевые племена за пределами Китая, которые не следовали учению конфуцианской классики, первоначально назывались «варварами», но считались «китайцами», после принятия ими конфуцианства [87, с.7]. Другими словами, китайская национальная идентичность основывалась на культуре, а не на генетике.

Основываясь на конфуцианской идее единства, древние китайские правители придерживались долгосрочной политики ассимиляции зарубежных стран и ассимиляции иностранных общин [90]. Войдя в состав китайской империи, разные этносы объединялись под общим названием нации - «китайцы», которое зависело от режима правления, и на китайском звучало как «хуася» (华夏), «тан» (唐人), «чжуся» (诸夏), и, наконец, «хань» (汉人) [108, с.134]. То есть граждане страны носили имя правящей династии, как например, современные граждане Франции или Соединенных Штатов Америки, независимо от этнической принадлежности, называются французами или американцами.

В середине XIX века Китай был насильственно вовлечен в мировую модернизацию внушительной западной огневой мощью. В то время развитие Китая впервые столкнулось с сильным «другим» - западными державами. Это внешнее «другое» оказало значительное влияние на современную китайскую национальную идентичность.

До опиумной войны китайское правительство считало, что мощная западная огневая сила «не заслуживала похвалы», а была чем-то «неодобряемым и злым». Поражение Китая в опиумной войне привело к нападкам на академическую и политическую элиты, заставив их пересмотреть отношение к западным наукам и технологиям. В результате один из мыслителей поздней династии Цин Вэй Юань предложил *стратегию «усвоения заморских дел»*, которая заключалась в

самоусилении путем «обучения у иностранцев и использования этих знаний против них» (师夷长技以制夷). Вэй Юань выступал за внедрение передовой западной военной техники, науки и технологий [109, с.37], чтобы противостоять их агрессии, утверждая, что «у иностранцев есть три передовых достижения: первый - военные корабли, второй - огнестрельное оружие, а третий - подходы к обучению и поддержанию армии» [109, с.37-38]. Он предложил совершить закупку военных кораблей и пушек с Запада с последующим внедрением и налаживанием собственного производства. Позже стратегия Вэя стала последовательной позицией Движения вестернизации, когда китайцы активно внедряли западные технологии и пытались исправить, благодаря западной науке и технике, недостатки Китая. Это демонстрирует то, что во время конфронтации с Западом китайцы утратили чувство собственного превосходства, но продолжали активно искать пути восстановления и дальнейшего развития своей родины.

Сам Китай, как объект, завоеванный Западом, был исключен из группы цивилизованных стран и стал нецивилизованной страной, которую еще предстоит культивировать. В связи с этим китайская идентичность была нарушена, традиционная система национальной идентичности оказалась в затруднительном положении и была уязвима для внешних вызовов Запада. После свержения последней династии Цин и поражения в Опиумных войнах, в Китай стали проникать западные товары, технологии, а вместе с ними и идеологические теории и практики.

Под влиянием «усвоения заморских дел» Лян Цичао (梁启超) прибег к западной теории и методологии для решения проблемы китайской идентичности. Лян был первым из китайских исследователей, кто стал использовать современные концепции и методы для более систематического изучения истории национальных и этнических отношений. Он провел новое исследование истории Китая, в которой рассмотрел эволюцию и развитие китайской нации как народности хань. Многоэтническая конкуренция и интегрированная история национальной эволюции создали основу для изучения китайской этнической истории, которая оказала важное влияние на будущее изучение истории китайской нации.

В начале XX века передовые интеллектуалы Китая начали заново понимать мир и придавали большое значение распространению современных западных националистических идей. В этот период Лян Цичао выдвинул *концепцию об «объединении одного вида» (同种合体)*. Китайский историк говорил о важности объединения для дальнейшего развития. Изучая историю европейских наций и этносов, он вывел закономерность, по которой большее количество этносов, составляющих нацию, увеличивает шансы победить в историческом эволюционном соревновании. Поэтому для того, чтобы выиграть, ««желтая раса» должна объединиться и конкурировать с «белой расой», сознательно воспитывая

в себе национальную идентичность, чтобы способствовать развитию нации и занять свое место на исторической сцене» [164, с.131]. Наряду с национальным языком, который в марксизме играет роль коммуникатора, облегчающего развитие экономических отношений, Лян Цичао выделял общие национальные ценности в качестве фундаментальной основы национальной идентичности. Среди преимуществ китайской нации, которая еще в древние времена сумела интегрировать в себя соседние этнические группы, он выделял 1) иероглифы - распространенные инструменты передачи идей; 2) хорошо развитую экономику, для ассимиляции и интеграции через экономические организации; 3) культуру и дипломатию, как важные инструменты ассимиляции и пр. [164, с.134].

На основе изучения истории китайского народа и в целях его объединения в кризисный для Китая период, в 1902 году Лян Цичао выдвинул *концепцию «китайской нации» (中华民族)* [165]. «Китайская нация», согласно Ляну, с самого начала не была единой нацией, а фактически представляла собой смесь большинства этнических групп. Впоследствии эта концепция расширялась, дополнялась и уточнялась, но суть оставалась одинаковой – китайская нация плюралистична. Концепция Ляна является составной частью идеологической теории нации по сей день. Так, после 18-го Национального конгресса Си Цзиньпин выступил с речью об общих характеристиках основных политических вопросов национальных отношений Китая, касающихся национальной работы в будущем. В этой речи понятие «китайская нация» (中华民族) чаще использовалось для замены «китайцев всех этнических групп» (中国各族人民) и «китайцев всех национальностей» (中国各民族). Такой акцент сделан генеральным секретарем Си Цзиньпином, чтобы укрепить идентичность китайской нации, воспитывать в обществе понимание судьбы китайской нации, «построенной на общем историческом происхождении, общих реальных интересах и общем видении будущего» [36, с.1095]. Си Цзиньпин отметил: «Китайская нация - это сообщество с общей судьбой, со славой и потерями». Интерпретация Си Цзиньпином китайской национальной идентичности с точки зрения «сообщества судьбы» заключается в расширении применения концепции от области дипломатии к сфере национального единства. Си Цзиньпин далее отметил, что «у всех национальностей [Китая] есть будущее и надежда только в том случае, если они тесно свяжут свою судьбу с судьбой китайской нации» [36, с.1349].

Сегодня академические круги Китая находятся под сильным влиянием концепции «*плюралистического единства китайской нации» (中华民族多元一体格局)* Фэй Сяотуна, а также теории марксизма, которую Китай, взяв курс на строительство социалистического государства, унаследовал еще в начале своего пути.

Концепция Фэй Сяотуна используется в качестве теоретической основы китайской идентичности в современном Китае. Ее суть заключается в том, что,

хотя в реальной жизни люди принадлежат к разным семьям, этническим и другим группам, все они тесно связаны со страной. Исходя из этого, традиционное китайское общество обычно имеет модель «плюралистического единства».

Предпосылкой к концепции стало исследование основных вопросов состава, происхождения и развития китайской нации в 1934 году Фэй Сяотунем. В своей статье «Методы и попытки анализа этнических компонентов китайской нации» Фэй отметил, что формирование плюралистической интеграции китайской нации прошло долгий исторический процесс. В течение этого периода различные рассеянные этнические группы постепенно образовывали единую китайскую нацию на протяжении тысячелетий непрерывного объединения, дифференциации и ассимиляции, трансформируясь в чрезвычайно сложный кластер [90, с.3], который в процессе исторического развития формируется путем долгосрочной интеграции многих свободных этнических групп.

В 1988 году Фэй подробно проанализировал структуру плюрализма китайской нации с точки зрения ее жизненного пространства, разнообразного происхождения, этнической интеграции, этнически смешанной жизни и регионального плюралистического объединения. На этом основании он сделал вывод, что китайская нация, как свободная национальная единица, формировалась и развивалась в течение всей истории Китая. За этот долгий исторический период в состав китайской нации вошли различные относительно рассеянные этнические группы. Посредством непрерывного «контакта, смешения, связи и интеграции, а также разделения и исчезновения, происходит формирование плюралистического единства этнических групп, каждая из которых имеет свои особенности» [90, с.8]. После анализа процесса формирования плюралистической интеграции китайской нации Фэй обобщил характеристики этой концепции в следующих шести аспектах:

1) Ядро «китайской нации» вначале составляла этническая группа хуася, а затем хань. С развитием общества, транспорта и торговли народ хань постепенно переместился в район проживания групп меньшинств. В процессе непрерывного общения, обмена и интеграции народ хань постепенно сливался с группами меньшинств. Таким образом постепенно формировался плюралистический состав китайской нации.

2) Вид деятельности был разным и взаимодополняющим: ханьцы в основном занимались сельским хозяйством, в то время как меньшинства в основном занимались животноводством. То, что народ хань долгое время жил в районах проживания меньшинств, еще больше укрепило единство всех этнических групп, формируя единое целое.

3) В межэтническом общении используется китайский язык (ханьский язык), т.к. этнические языки, как правило, ограничены для использования в рамках этнической группы. Это играет важную роль в формировании интегрированной китайской нации.

4) Хотя политические факторы нельзя игнорировать, основными условиями этнической интеграции являются социальные и экономические потребности. Преуспевания ханьцев в аграрной экономике имели большую привлекательность и для групп меньшинств, занимающихся животноводством. Поэтому это стало основным стимулом к постоянному взаимодействию этнических меньшинств с ханьцами. В результате этого этническая группа хань укрепляет свои позиции и в конечном итоге становится ядром китайской нации.

5) Численность населения различных этнических групп не является статичной, в ходе исторического развития этнические группы и их состав населения постоянно меняются. По разным причинам представители этнических групп часто переходят из одной группы в другую, что не вызывает у них психологического дискомфорта. Это показывает, что каждая этническая группа в Китае является плюралистической структурой.

6) Процесс объединения китайской нации является долгосрочным и постепенным. Первоначально каждый этнос формировал меньший центр сплоченности внутри группы. С расширением межэтнических контактов ханьцы, как более многочисленная группа, объединили остальные этнические группы, сформировав единую структуру и образовав таким образом самостоятельную национальную единицу китайской нации.

Процесс формирования паттерна единства китайской нации показывает, что каждая этническая группа сначала имеет свой центр сплоченности, а в результате взаимодействия, сосуществования и интеграции этнических групп она постоянно укрепляет взаимоотношения и увеличивает общность, тем самым формируя единое сообщество с единой национальной идентичностью [90, с.8].

В 1997 году Фэй добавил еще 3 аспекта: «Во-первых, китайская нация - это национальное образование, которое включает 56 этнических групп Китая, однако это вовсе не означает, что эти 56 этнических групп, [были просто] объединены под одним названием. Потому что эти 56 этнических групп, уже [давно] объединены взаимозависимым совместным существованием и являются неделимым целым. В целом, все атрибутивные элементы в этом национальном образовании имеют более высокий уровень осознания национальной идентичности, то есть чувства и мораль общего воссоединения, сосуществования и смерти, общей чести и позора, и общей судьбы. Я распространяю этот аргумент на множественные уровни осознания национальной идентичности. В модели плюралистической интеграции 56 этнических групп являются фундаментальным уровнем, а китайская нация – это высший уровень. Во-вторых, это формирование плюралистического интегрированного паттерна. Процесс объединения обязательно имеет конденсирующее ядро. Национальность хань, будучи одним из элементов многоуровневого образования, благодаря своей сплачивающей функции объединила множество в одно целое, и это целое больше не является народностью хань, а стало китайской нацией, страной с идентичностью высокого уровня. В-третьих, идентичность высокого уровня не обязательно заменяет или

исключает идентичности низкого уровня: разные уровни могут быть параллельными, и даже на основе разных уровней идентичностей они могут развивать свои первоначальные характеристики и формировать многоязычное и многокультурное целое» [90, с.8].

Таким образом, Фэй Сяотун утверждает, что разные этнические идентичности не только не исключают и не противоречат, но и дополняют друг друга, составляя богатую основу национальной идентичности (идентичности на высоком уровне) китайской нации.

С точки зрения долгосрочного развития всей нации, будь то воспитание чувства общности, рассмотрение исторической предпосылки и реалистической основы национального развития или достижение великой цели возрождения китайской нации, нельзя игнорировать влияние марксизма на теоретическое и практическое построение китайского национального сообщества.

Фундаментальный принцип координации этнических отношений марксистской национальной теории, основанный на диалектическом и историческом материализме, направлен на свержение капиталистической системы, создание коммунистического общества и освобождение всего человечества. Для достижения этой цели необходимо объединить силы нации и пролетариата в мире, основываясь на равенстве и единстве народов. В процессе работы с национальными отношениями марксистская национальная теория придерживается и практикует основополагающие принципы национального равенства и единства, которые способствуют интеграции народа, помогают преодолеть сепаратистские аспекты этнической идентичности и достичь консенсуса.

Вместе с тем, как отмечал сам Ф.Энгельс, марксизм - это не доктрина, а метод. Поэтому разные страны, как правило, имеют разное понимание, практику и способы реализации коммунизма [95, с.91]. Так, во избежание механического копирования, Мао Цзэдун выдвинул идею «китаизации» идеологического течения и продвижение идей КПК [95, с.90].

Во время Новой демократической революции партия указала: развитие китайской истории показывает, что еще во времена династий Цинь и Хань все этнические группы в Китае сформировали единую структуру китайской нации; история развития китайской нации основана на равенстве и единстве; в истории борьбы все этнические группы внесли огромный вклад в развитие и прогресс китайской нации [101, с.15]. Таким образом, в ходе осуществления китайской социалистической революции, строительства и реформ Коммунистическая партия Китая объединила марксистские и китайские традиционные представления о национальной идентичности, принимая во внимание историю и реальность плюралистического и интегрированного образца китайской нации.

Стоит отметить, что, хотя, некоторые китайские историки изучали марксизм еще с конца XIX в. в Японии (Го Моруо и Фань Вэньлань), многие другие впервые познакомились с марксистской идеей общественного развития

благодаря переводам произведений советских марксистов после основания КНР в 1949 году, в период дружественных советско-китайских отношений. Тогда была воспринята марксистско-ленинская идея реализации национального равенства и единства, которая состояла в том, чтобы уважать и гарантировать основные права всех этнических групп контролировать свою судьбу. В процессе построения национального государства Ленин выступал за федеративную систему, дополненную региональной этнической автономией. В итоге, Коммунистическая партия Китая предложила систему региональной этнической автономии, чтобы эффективно гарантировать основные права и интересы этнических меньшинств [5, с.922].

Изменения во внутренней и международной обстановке в 1980-х и 1990-х годах, когда третья волна национализма охватила весь мир, привели к новой тенденции в развитии национальных проблем Китая. Символом национализма в этот период было сепаратистское движение, а также отрицание марксизма, социализма и лидерства Коммунистической партии, на что повлиял распад Советского Союза и кардинальные изменения в Восточной Европе. В Китае, под влиянием новых проблем в национально-этнических отношениях и международной обстановки, национальная теория и национальная политика Коммунистической партии Китая были в некоторой степени поставлены под сомнение. Поэтому в этот период КПК поставила перед страной вопрос о том, как справиться с основными этническими противоречиями и достичь национального единства, что стало главной задачей после начала политики реформ и открытости [5, с.920].

После третьего пленарного заседания одиннадцатого Центрального комитета партия расширила свое понимание социализма, которое заключается в реализации общего процветания, национального равенства и единства. Процесс побуждения граждан всех этнических групп по всей стране к осуществлению социалистического строительства и реформ сопровождался изменениями в идеологии КПК. Дэн Сяопин высказал сомнение в том, должна ли КПК настаивать на марксизме-ленинизме и мысли Мао Цзэдуна [32, с.292], и отметив важность великого единства всей китайской нации, подчеркнул: «Мы должны формулировать стратегии и политику развития в соответствии с условиями нашей страны, хорошо реализовывать национальное единство и развивать экономику совместными усилиями людей по всей стране» [32, с.289].

Как радикальный марксистский материалист, Дэн Сяопин исходил из идеи верховенства закона, решительно выступал против теократической идеологии и обожествления председателя Мао. Причины, по которым Дэн решительно выступает против культа личности, что было связано не только с недостатками и вредом подобного правления, но и с социальными реалиями того времени.

В процессе модернизации национального управления и систем в национальных государствах, защита прав членов общества и развитие экономики может эффективно решать проблемы жизнеобеспечения людей. Поэтому после

Культурной революции Дэн, учитывая принцип Маркса, который указывал, что все, к чему стремятся люди, связано с их интересами, поэтому политическая идентичность может быть сформирована только на основе реализации социальных интересов, сосредоточился на восстановлении экономики как основной задаче общественного управления.

В первые дни реформ и открытости увязка единства и прогресса по этническим вопросам была не менее важной задачей, которая отражала направленность национального трудового строительства, в то же время обогащая понимание дела национального единства. Выступая за уважение к многообразию народных обычаев и традиций, национальное государство формирует культурную идентичность на основе системы национальных символов - флаги, гербы, гимны, национальные герои и исторические материальные реликвии, которые эмоционально связывают людей. Что касается политической стороны, то, как отмечал Э.Кедури, современное государственное строительство способствует развитию национальной идентичности, содействуя социальному благополучию и защищая гражданские права [55, с.4].

Таким образом, политика реформ и открытости Дэн Сяопина на основе «общего процветания» с социальной справедливостью способствовала формированию и укреплению национальной идентичности китайцев.

Идея классического марксизма о равенстве всех этнических групп для всеобщего процветания, которое должно преодолеть этническую идентичность и сепаратизм, а также понимание нации как «сообщества судьбы», стали предпосылкой и основой для формирования и развития *теории национального единства Дэн Сяопина* [166]. Теория Дэн Сяопина сосредоточена на реализации региональной этнической автономии, укреплении этнической солидарности и привержена общему повышению культурного и экономического уровня всех этносов Китая. В 1979 году Дэн Сяопин отметил, что после многих лет социалистического строительства все этнические группы в Китае «сформировали новые этнические отношения социализма, которые объединяют дружбу, любовь, взаимопомощь и сотрудничество» [21]. В 1980 году в «Протоколе о тибетском рабочем форуме», утвержденном ЦК Коммунистической партии Китая, указывалось, что «отношения между различными этническими группами - это отношения между трудящимися» [22]. Позже его теория получила развитие благодаря вкладу последующих лидеров КПК, превращаясь в национальную теорию, главной целью которой стало формирование китайской идентичности. Среди нововведений в идее национального единства стоит отметить *концепции «трех представительств»* Цзян Цзэминя, *«гармоничного мира»* Ху Цзиньтао и *«китайской мечты»* Си Цзиньпина.

Сегодня Китай во главе с Си Цзиньпином по-прежнему уделяет большое внимание национальному единству путем повышения уровня жизни граждан [5, с.923]. Кроме того, идеи лидера пятого поколения о национальном единстве в целях воплощения «китайской мечты» стали важной частью национальной

теории с китайскими характеристиками. Более подробно идеи Си о национальной идентичности будут рассмотрены в параграфе 3.1 третьей главы данной диссертации.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в настоящее время проблема национальной идентичности является важной для большинства современных государств, включая Китай. Обсуждая вопросы различий между концепциями государственного строительства и национального строительства, ученые сходятся в том, что первое относится к степени развития государственных институтов и соответствующего аппарата, тогда как второе фокусируется на создании национальной идентичности среди населения в государстве [167, с.5] [168, с.15]. Признавая полезность такого концептуального разделения при анализе конкретных аспектов, необходимо подчеркнуть, что большинство политиков и журналистов не проводят дополнительных различий в своей повседневной практике [167, с.5].

Анализ концептуальных основ теории и методологии китайской идентичности показал, что примордиалистические и этносимволистские подходы были использованы при строительстве эмоционально-культурной привязанности, в то время как марксизм, который обеспечивает теоретическую базу сообщества китайской нации с единой судьбой, стал фундаментальным методом формирования политических и экономических интересов граждан страны.

Таким образом, когда Китай подвергся невольной вестернизации, появилась, во-первых, стратегия защиты национальной идентичности, которая пострадала в результате поражения в войне, во-вторых, на основе западных теорий национализма, китайские националисты стали выдвигать свои идеи по объединению разрозненного населения, чтобы дать отпор иностранным империалистам.

Стратегия по самоусилению, выдвинутая Вэй Юанем, предполагала обучение у иностранцев для победы над ними же. Следуя стратегии «усвоения *заморских дел*» Вэя, китайцы стали осваивать не только военную сферу – оружие и технику, но и научную. Одним из первых ученых, который использовал западные теории и методологии для решения проблем китайской идентичности, стал Лян Цичао. Его основной труд – это национальная история Китая, в которой он выдвинул несколько концепций, а также ввел в китайскую науку термин «нация» в его современном понимании и создал предпосылки для так называемого «воображаемого сообщества», основанное на многотысячелетнем совместном проживании.

Еще одной концепцией, которая оказала большое влияние на теорию нации в Китае, стала концепция плюралистического единства Фэй Сяотуна, который, взяв за основу доктрину «китайской нации» Ляна, расширил ее и обобщил характеристики, которые обуславливают китайскую идентичность. Как отмечал сам К.Маркс «вместе с условиями жизни людей, с их общественными

отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, - одним словом, их сознание» [169, с.445]. Следовательно, «общественное бытие» китайцев на протяжении 5000 лет стало фундаментальной базой «национального сознания».

Однако марксизм, который стал основой китайской национальной теории, по- началу был известен как теория «наивного космополитизма», которая просто отвергала национализм как отвлекающий маневр и проповедовала гуманистический посыл братства [58, с.421]. Но когда глобализация не только не способствовала исчезновению наций, а вызвала всплеск национализма и поиск национальной идентичности народов, марксистам пришлось пересмотреть свой взгляд на данную проблему. Теперь, прослеживая происхождение национализма из процесса экономического развития, изменений в социальной структуре и определения классов в обществе, марксисты рассматривали нацию как «сообщество судьбы», чей характер проистекал из долгой истории условий, в которых люди трудились, чтобы выжить, и разделить продукты этого труда (общественное разделение труда) [58, с.117].

Несмотря на то, что марксизм сам по себе не является теорией нации или национальной идентичности, он был воспринят в Китае, прежде всего, как объяснение исторического развития и процессов, которые пережил китайский народ, а также причин для его «возрождения». На этой основе было выдвинуто большинство концепций лидеров КПК, благодаря которым было решено множество проблем, связанных с национальным единством. Однако вопрос конструкции китайской идентичности по-прежнему остается актуальным в современном Китае. Свидетельством тому является выдвижение различных концепций, направленных на укрепление национального самосознания, нынешним президентом КНР.

В свете того, что условия общественной жизни меняются с течением истории, влияя на нации и их идентичности, «каждой эпохе» свойственны свои характеристики, которые формируются не только под действием теоретических концепций, но и других причин. В целях исследования природы китайской идентичности, в следующем параграфе будут рассмотрены некоторые факторы формирования национального самосознания китайцев, которые оказывают влияние на общественное развитие современного Китая в целом.

2 НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КНР И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

2.1 Традиционное и современное в общественном развитии современного Китая. Факторы формирования национального самосознания китайцев

Китай является страной, в которой уживаются древнейшие традиции китайской культуры и самые современные идеи и технологии. Принципы конфуцианской и даосской философий по сей день являются характерной чертой национального менталитета современных китайцев, пронизывая все сферы общественных отношений. На мировой арене Китай фигурирует как одна из древнейших стран с 5000-летней историей и культурой, а также как страна, которая использует современные технологии и экономические реформы, превратившие ее в полноценного участника международных отношений, с которым считается весь мир. Участвуя в интеграционных процессах не только регионального, но и мирового уровня, Китай, так или иначе, подвергается экономической и культурной глобализации. Поэтому современный китаец находится под воздействием как китайской, так и западной идентичностей.

В эпоху активного роста глобализации проблема сохранения национальной идентичности стала актуальной для многих стран, особенно для тех, население которых состоит из большого количества различных этносов. Согласно данным Национального бюро статистики Китая по последней переписи населения КНР, которая была проведена в ноябре 2010 года, этническая группа хань составляет 91,81% [9]. Однако внушительное количество национальных меньшинств (официальное количество – 55 групп), которые имеют свой этнический язык и идентичность, заставляет Китай уделять должное внимание национальному вопросу и поддерживать идентификацию граждан себя как 中国人 (буквально: человек срединного государства), то есть как китайцев.

С проблемой формирования национальной идентичности Китай сталкивается не впервые. За несколько десятков лет до становления республики и перехода к конституционной системе китайские интеллектуалы осознали, что важным аспектом в борьбе за независимость и развитие страны является национальное самосознание ее народа. Сегодня призыв к повышению национального самосознания всех этнических групп по-прежнему звучит в речах лидеров КПК, деятелей научных кругов и других представителей китайской нации.

Несмотря на то, что, пропагандируя повсеместную модернизацию, Китай впускает внутрь и вестернизацию, хорошо организованная работа социальных институтов закладывает крепкий фундамент национального самосознания китайцев. Свидетельством этому являются многочисленные научные исследования, одно из которых было проведено среди студентов, и которое

выявило устойчивость национальной идентичности китайской молодежи, даже в период относительно длительного пребывания за границей [45].

Данный параграф рассматривает влияние таких факторов, как культура и история, на национальную идентичность китайцев, а также влияние экономических и политико-идеологических факторов, укрепляющих естественную привязанность за счет материальных интересов. Указанные факторы имеют тесные взаимосвязи и взаимовлияние. Например, история и культура влияют на перемены и развитие политического и идеологического курса, а вместе с ними и на экономическую жизнь. В свою очередь, культура и история являются объектами информации, которые использовались в политических и идеологических целях на ранних стадиях зарождения национальной идентичности.

Как отмечает Б.Андерсон, совмещение капитализма и печатных технологий фактически подготовило почву для появления новой формы воображаемого сообщества - современной нации [42, с.46]. Информация имеет свойство формировать образ мышления и поведения людей, оказывая влияние на общественное самосознание.

На заре становления КНР историки и политики вели агитационную информационную борьбу с целью пробудить и вдохновить народ на перемены, самосознание и развитие. Так, националистическое течение мысли, родившееся в средствах массовой информации в эпоху поздней Цин, стало отправной точкой современного китайского национализма.

В этот период Китай впервые столкнулся с «сильным варваром» и национальное самосознание китайцев получило активное развитие. Две опиумные войны, Восстание тайпинов и китайско-японская война 1894-1895 гг. заставили некоторых официальных лиц и ученых пробудиться от иллюзии превосходства китайской культуры, положив начало историческим исследованиям, вестернизации и развитию национализма на основе концепции «китайской нации».

Хотя работы историков и политиков до и после колонизации Цин были нацелены на то, чтобы спасти страну от опасности, предупредить Цинский двор и содействовать реформам политической системы, они сознательно не культивировали национальное самосознание на ранней стадии, но, несомненно, способствовали его зарождению. Так, национализм, сместив культурализм как наиболее распространенную идентичность китайского народа [63, с.56], стал доминирующим явлением этого периода.

Поколения интеллектуальных и политических лидеров стремились привить «добродетели» национализма и патриотизма китайскому народу как средство мобилизации сопротивления внешней агрессии [61]. Это был контекст, из которого возникла современная форма китайской национальной идентичности, очень соответствующая западным представлениям о национальности и процессе общественного развития. Однако в отличие от национализма,

сформировавшегося в Европе под влиянием меркантилизма и либерализма, в Китае национализм первоначально сформировался не только под влиянием западных концепций и теорий, но и антиимпериалистских настроений, когда китайские элиты противостояли западному вторжению в конце 19-го века. Французский историк Эрнест Ренан считает, что только когда нация угнетена иностранцем, она может полностью осознать свое существование [170, с.117]. Именно под этим внешним давлением Китай начал строительство нации, постепенно интегрируя население в политическую жизнь через газеты, которые использовали историческую сцену в качестве инструмента для строительства национального государства.

Чувство национального сообщества создается благодаря массовому распространению идей в газетах. Биллиг утверждает, что газеты воспроизводят националистическое мышление через свои различные сообщения, стереотипы и изобразительное искусство [57]. Так, шанхайская газета Шэньбао и другие периодические издания оказали определенное просветительское воздействие на информирование общественности поздней Цин о национальном суверенитете и новых международных концепциях. Подъем национализма в конце династии Цин и начале Китайской Республики, особенно процесс формирования националистического направления мысли, проявился в виде развития националистической историографии, которая является важным фактором, способствующим формированию национального самосознания китайцев.

В исторических работах китайских ученых конца XIX века были представлены события, повлиявшие на развитие или упадок иностранных государств, которые были призваны стимулировать реформы и модернизацию политической системы Цин. Например, история покорения страны «Разрушение Польши» (1896), написанная Лян Цичао, в которой описывается вторжение царской России на территорию Польши. А также «История гибели Польши» (1898) Кан Ювэя, в которой говорится о неспособности Польши провести реформы из-за препятствий со стороны консервативной аристократии, и в результате она была разделена и уничтожена Россией, прусскими и австрийскими странами [33].

Пропаганда реформирования страны, а также усилия Лян Цичао по руководству чувством национальной принадлежности народа повлияли на молодых студентов, заставив их поверить, что индивидуальные ценности могут быть бесконечно усилены на национальном уровне, и сделали национализм теоретической основой этнической сплоченности, то есть когда каждый индивид входящий в этническую группу был также привязан к более крупной группе – национальному сообществу. Внимание людей к истории резко возросло и уроки истории стали использоваться для восстановления национальной гордости, чтобы «униженная родина вновь могла искать пути возрождения и мести» [63, с.22].

После поражения в борьбе с Японией взгляды ученых стали постепенно расходиться, появляется идеология с великоханьским шовинизмом (大汉族主义), направленная на мобилизацию китайского народа для поддержки идеи «антиманьчжурской борьбы», которая заложила академические и идеологические основы для начала революции 1911 года.

В отличие от революционеров, реформисты выступали за то, чтобы Желтый Император стал общим предком этнических групп, а не только этноса хань. После того, как великоханьский шовинизм привел к дифференциации сообщества, традиционно основанного на культурной идентичности, и к этническому разделению, и после революции 1911 года Сунь Ятсен и другие революционеры изменили и скорректировали национальную политику. Теперь поддержание национального единства в стране стало центральной целью новой эры. Сунь Ятсен и другие политики превратились из революционеров «антиманьчжурской борьбы» в реформаторов «республики пяти национальностей» (五族共和), приняв мягкие взгляды историков-реформистов, которые отстаивали идею совместного совершенствования и объединения всех этнических групп в стране, ослабления противоречий между маньчжурами и ханьцами и построения единой полиэтнической страны.

Таким образом, можно сказать, что история стала инструментом стимулирования национальных настроений людей, проявлением национализма и своего рода платформой для связи интеллектуальных элит и остальных граждан Китая в начале XX века.

Войдя в XXI век, Китай по-прежнему использует историю в качестве фундамента китайской национальной идентичности. Как известно, элиты общества часто используют историческую память для создания символов для своих граждан, чтобы они помнили историю нации. Но элиты выбирают, какие части истории нужно помнить, а какие забыть. К примеру, национальные праздники и юбилеи - это всегда больше, чем просто дополнительный день отдыха. Значение этих дат и особое внимание, уделяемое им, используются элитами, чтобы неоднократно напоминать гражданам об их истории как единого народа. Ежегодно каждый из этих праздников как бы «пересказывает», почему это день празднования, и каждый праздник служит напоминанием о части национальной истории. Как известно, ключевые исторические события имеют решающее значение для определения идентичности группы. Также и Энтони Д. Смит утверждал, что коллективная память о прошлом объединяет группу людей [51, с.89].

В Китае в начале 2000-х годов стало расти количество выходных дней, в число которых поначалу входили государственные праздники, такие как «День образования КНР», «День труда», «День победы над милитаристской Японией», а также «Китайский новый год». Со временем к ним стали прибавляться некоторые народные фестивали. Еще в 2004 году китайские эксперты отмечали

необходимость уделять больше внимания не только материальному улучшению жизни, но и духовному развитию [110], формируя «культурное самосознание» (文化自觉) населения. В 2008 году традиционный фестиваль «Драконьих лодок» приобрел статус официального национального праздника и вошел в список Нематериального Культурного Наследия ЮНЕСКО. Этот праздник связан с двумя легендами, первая – поклонение предкам-драконам, вторая – почитание памяти китайского поэта Цюй Юаня, образ которого стал одним из символов патриотизма в культуре Китая. Отсюда видно, что обе легенды этого праздника укрепляют культурную идентичность, напоминая об их общем мифическом происхождении, а также о патриотизме исторических личностей китайской нации.

В том же году фестиваль Середины осени также вошел в список официальных праздников Китая. Фестиваль Середины осени – это день осеннего равноденствия, день, когда предки китайцев, собираясь вместе, поклонялись луне, что заключалось в принесении ей жертвы, восхищении ее красотой и поедании лунных лепешек. Сегодня для тех китайцев, которые находятся вдали от дома или даже за границей, наблюдение за той же полной луной в тот же день вызывает эмоциональный отклик и создает психологическую связь с родными и родиной.

Как отмечает профессор Университета Миньцзу Линь Цифу, «система культурных символов, в основе которой лежит Фестиваль середины осени, сформирована различными обычаями китайских этнических групп», «Фестиваль также помогает создать культурную родословную китайской нации, основанную на повседневной жизни» [113].

Включение традиционных фестивалей в национальные официальные праздники имеет культурные и социальные функции, призванные сохранять и распространять в жизни граждан духовные ценности традиций и обычаев китайской нации посредством систематичной практики социальных ритуалов. Кроме того, ритуальное общение в рамках народных обычаев несет в себе культурные символы и модели поведения, способствуя унаследованию китайской культуры, усилению эмоциональной и национальной идентичности.

Таким образом, поскольку фестивали имеют сильную «ритуальную» составляющую функцию, современные страны, естественно, рассматривают его как средство воспитания и развития преданности граждан стране и народу.

Еще одним инструментом воспитания консолидации национальной идентичности, которое используется государством, является общеобразовательная система. Система образования, в некотором роде, представляет собой средство создания модели идеализированного гражданина с определенной национальной идентичностью.

Как отмечал П. Бурдые в книге «Дух государства: генезис и структура бюрократического поля», государство унифицирует все коды: правовой, языковой и форм коммуникации. Используя систему классификации, вписанную и в образовательные структуры, оно «формирует ментальные структуры и

навязывает общие принципы видения и деления, т. е. формы мышления» [44], которые участвуют в построении национальной идентичности. «Предписывая и внушая повсеместно (в пределах своих сил) господствующую культуру, преобразованную таким образом в легитимную национальную культуру» [44], «система школьного образования, особенно через преподавание истории» [44], внушает ученикам «фундаментальные предположения в отношении образа себя (национального)» [44].

В связи с этим, с целью изучения влияния историко-культурного, а также политического факторов на национальное самосознание современных китайцев, в рамках темы данной диссертации, было проведено исследование, объектом которого стали унифицированные учебники по курсам нравственно-политического воспитания, истории Китая и китайского языка для средних школ, реформа которых прошла в 2016 году. Результаты контент-анализа реформированных учебников, а также анкетный опрос показали присутствие идеологических целей КПК в современных учебных материалах, а также отражение традиционной конфуцианской философии в национальном дискурсе, который направлен на повышение национального самосознания, гражданской ответственности и патриотизма.

Несмотря на то, что конфуцианство больше не является официальной правящей идеологией для Китая, как и католицизм для Европы, они продолжают оказывать влияние как на социальную организацию и межличностные отношения, так и на ценности и убеждения, определяющие формулировку идеологий и дискурсов национального самосознания [171, с.187].

Идеи Конфуция и его последователей распространялись в Китае сначала посредством частных школ, а затем, после того как конфуцианство стало официальной идеологией правительства, посредством внедрения экзаменов государственного уровня. Сегодня традиция соблюдения конфуцианских этических норм в общественных отношениях сохраняется и передается через устоявшиеся нормы семейного воспитания, а также через общеобразовательные школы и СМИ.

Основные правила конфуцианской этики передаются из поколения в поколение, а идея национального единства как «Великого объединения» (пронизывающая размышления Конфуция о национальном вопросе) вплетена в базовые школьные знания, и таким образом формирует стремление к национальному единству с детства. Учитель отмечал, что образование очень важно для политики, так как с помощью образования можно распространять политическую идеологию и этику в народе [64]. Влияние традиционной китайской культуры на современное образование в Китае по-прежнему велико, и это способствует развитию и укреплению политической идентичности, и сохранению национальной идентичности китайцев.

Показательным примером в этом плане стало повышение уровня гражданской активности и национальной идентичности учащихся вследствие

образовательных реформ 2016 года, когда школы всех регионов Китая стали использовать учебники, представленные в «Уведомлении о печати и распространении каталога учебников для начальных и средних школ в 2020 году» (далее «Каталог»), выпущенном Главным управлением Министерства образования КНР [11]. Учебники по трем дисциплинам - «Мораль и верховенство закона» (道德与法治), «История Китая» (中国历史) и «Китайский язык» (语文) были унифицированы согласно «Плану национальных среднесрочных и долгосрочных реформ и развития образования (2010–2020 годы)» Министерства образования КНР [10]. Остальные дисциплины имеют список альтернативных учебников, рекомендуемых в вышеупомянутом «Каталоге» [11].

Общим национальным дискурсом в указанных учебниках стала традиционная культура Китая, что соответствует концепции «Великого объединения» Конфуция, которая заключается в том, чтобы добиться политического объединения посредством культурного объединения. Так, учебник по «Истории Китая» содержит материалы по истории и культуре разных национальностей, как неотъемлемых составляющих китайской истории, способствуя восприятию культурного разнообразия и формированию стремления к единству и национальной идентичности среди учащихся разных национальностей в Китае. Исторические личности, описанные в учебнике, имеют разное этническое происхождение и относятся к разным историческим периодам, они представлены как национальные герои, которые внесли выдающийся вклад в процесс распространения китайской национальной культуры, содействовали национальной интеграции и установлению политической власти. Однако стоит отметить, что диапазон содержания знаний о культуре национальных меньшинств относительно невелик. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного опроса, в котором 43 из 80 респондентов отметили необходимость увеличения материала о культуре и истории различных этнических групп Китая (диаграмма 1).

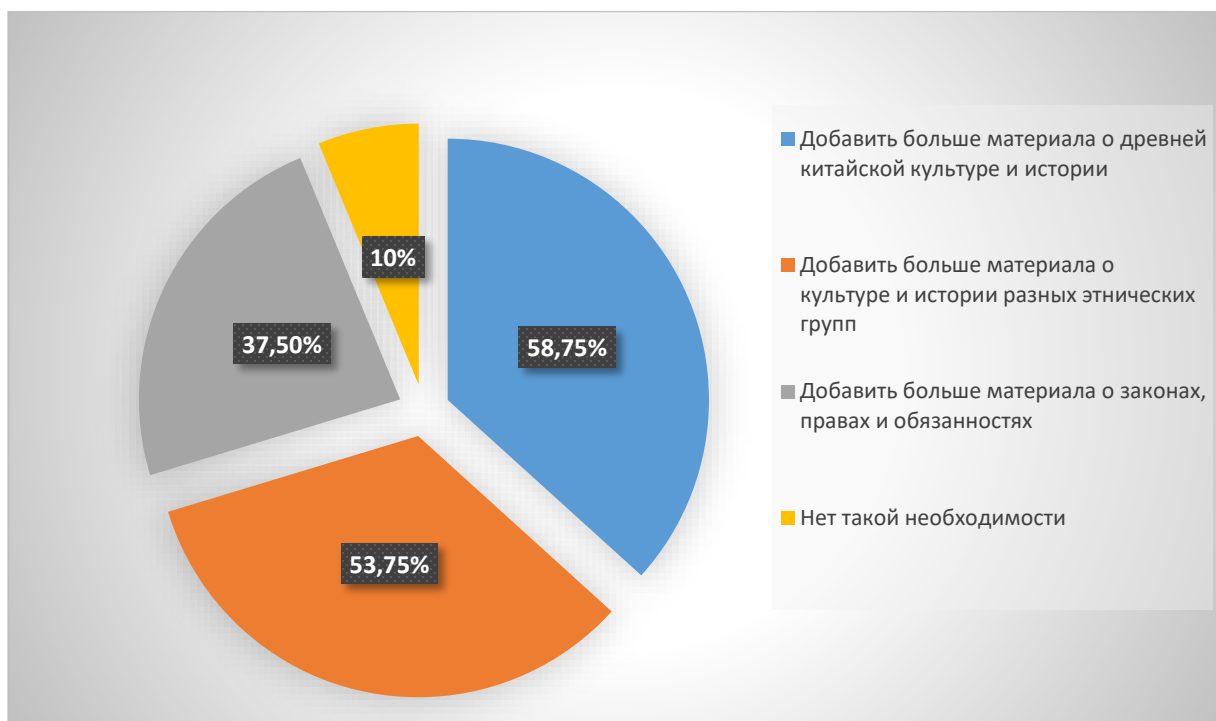

Диаграмма 1 - Вопрос анкетного опроса: Как вы думаете, какой материал необходимо добавить в новые учебники для развития национальной идентичности, национального единства и патриотизма? [7]

Курс «Мораль и верховенство закона» знакомит учащихся с национальной политикой и культурными традициями Китая, таким образом воплощает философию центрального правительства, заключающуюся в том, чтобы управлять страной посредством добродетели и закона.

Проведенный опрос показал эффективность реформы учебников и соблюдение конфуцианского принципа «чжун» - преданность правителю и идеям нравственности: 56,86% опрошенных отметили, что увеличение количества тем, разъясняющих законодательные и нормативные акты, толкование правовых норм (закона) и других конституционных знаний повлияло на рост чувства гражданской и коллективной ответственности; 34,31% указали на повышение правовой грамотности. 83,75% участников опроса подтвердили, что за последние два года у школьников повысился уровень активного участия в восстановлении общественного порядка.

В учебники по «Китайскому языку» и «Морали и верховенству закона» вошли стихи древних поэтов Китая, которые описывают красоту китайской природы, воспевают китайский народ, сочувствуют его судьбе и несут в себе традиционные идеи, а также избранные цитаты из двенадцатой главы «Луньюй», которая содержит классические дискурсы и глубокие философские высказывания Конфуция и его учеников о подходах, методах обучения и самосовершенствовании.

По результатам опроса, проведенного в рамках данного исследования, было выявлено, что добавление большего количества классических и современных стихов китайских поэтов в учебники по «Китайскому языку» и «Морали и верховенству закона», историй о национальных героях в учебник по «Истории Китая», а также других культурных дискурсов стимулировало рост знаний и интереса к китайской культуре (66,25%), и способствовало укреплению чувства гордости за свою причастность к передовой культуре (27,5%).

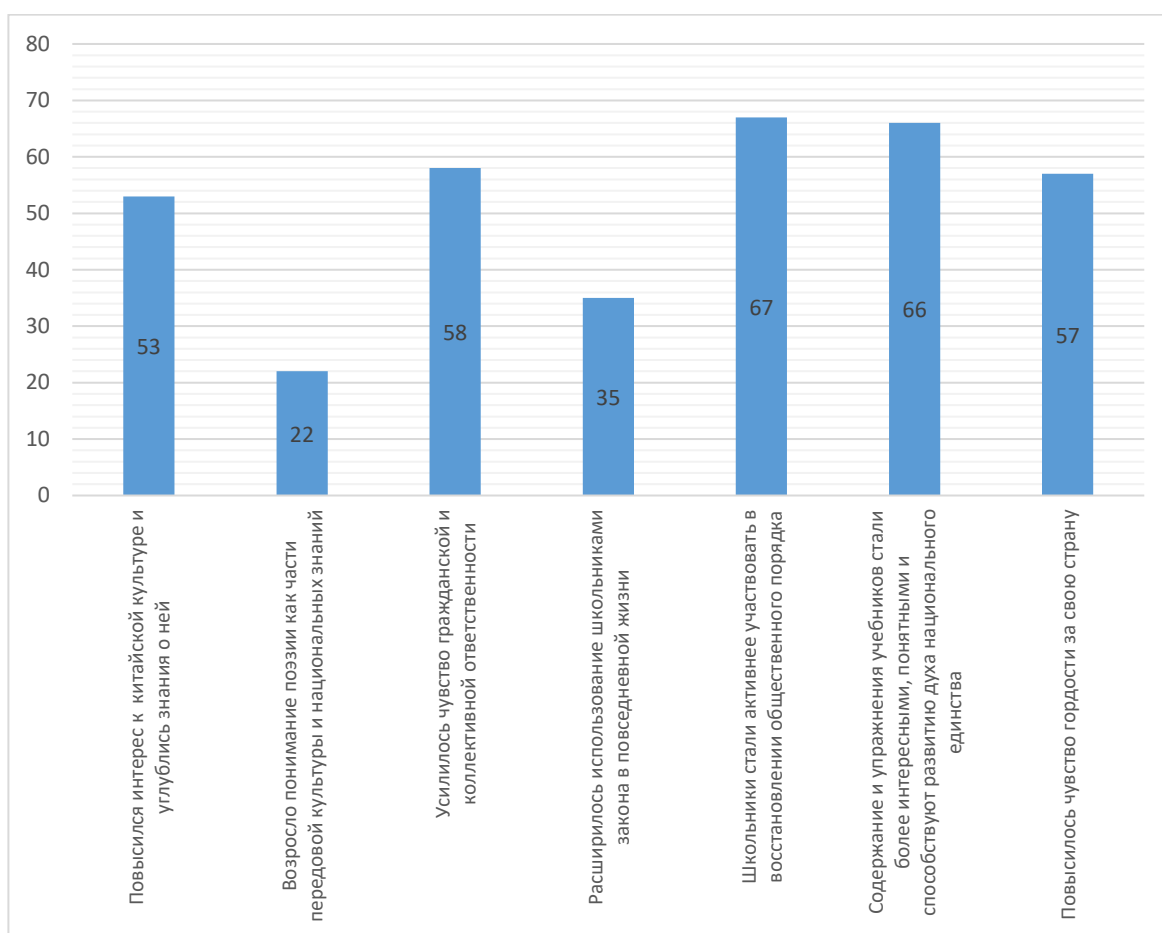

Диаграмма 2 - Результаты обучения по новым учебникам [7]

Помимо содержания учебников, сама реформа учебных пособий также способствовала сплочению нации. Для подготовки и разработки трех учебников были сформированы две группы. Одна из них - учителя и учащиеся начальных и средних школ, а также преподавательский и исследовательский персонал и руководители образования всех уровней, то есть те, кто непосредственно имеет дело с этими учебниками, является их пользователем либо исследователем. А другая – члены общества, не связанные с образовательной сферой, включая родителей нынешних и бывших учеников. Таким образом, возник диалог, происходило взаимодействие и обмен мнениями.

Проведенный опрос показал, что несмотря на то, что реформа учебников вызвала как положительные, так и отрицательные отзывы, она вдохновила патриотический энтузиазм молодежи и всего общества в целом. Более 80% опрошенных проявили заинтересованность в принятии участия в составлении и редакции школьных пособий, из них 42,5% причиной интереса указали свою гражданскую ответственность, 39% - желание внести вклад в усиление воспитания национальной идентичности в последующих поколениях.

В дополнение к учебным материалам стоит отнести также саму систему школьного образования, в соответствии с которой обучение проходит в две смены (утром проходят основные предметы, а после обеда – занятия спортом, музыкой и трудом), благодаря которой дети большую часть дня проводят в школе. С одной стороны, такое расписание снимает нагрузку с родителей, которые заняты на работе, дети всегда находятся под присмотром учителей, с другой – большую роль в воспитании молодого поколения берет на себя школа, способствуя стандартизации мировоззрения китайской молодежи и формированию коллективной идентичности. Также стоит отметить свод правил, предназначенный для учащихся начальных и средних школ, контент которого ярко иллюстрирует конфуцианский принцип «Ли» (禮), который буквально означает «почтительность и ритуал». Учитель говорил: «Благородный муж требователен к себе, низкий человек требователен к другим» [172, с.340]. Самосовершенствование для Конфуция было весьма важным аспектом и первым правилом в обучении, оказывающим огромное влияние на моральные и нравственные устои народа, глубоко влияющим на традиционную культуру Китая в целом, а также на развитие человеческой личности, и пропагандируется современной китайской педагогикой.

«Кодекс для учащихся начальных и средних школ» и «Кодекс норм повседневного поведения учащихся начальных и средних школ» издаются для начальных и средних школ Китая, а для высших учебных заведений существуют справочники студента, которые являются основным требованием партии и государства к идеологической, моральной и поведенческой грамотности современных учеников. В обязанности учащихся входят следующие виды требований: «соблюдать закон, нормативные правила, повышать правосознание и соблюдать социальную мораль», «любить науку, усердно учиться и быть готовым исследовать», «уважать родителей», «быть честным, последовательным в словах и делах, оправдывать доверие, проявлять ответственность», «любить природу и заботиться об экологии», «дорожить жизнью, обращать внимание на безопасность и физические упражнения», «проявлять самоуважение, уверенность в себе и стремиться к самосовершенствованию», «соблюдать равенство и проявлять доброту к окружающим», «проявлять взаимное уважение, понимание и терпимость» [102].

В целях практического соблюдения этих и других подобных правил учебные заведения часто проводят различные мероприятия, призванные воспитывать в

учащихся указанные в кодексах и справочниках постулаты. На еженедельных собраниях, организуемых учителями (в школах) или старшими учащимися (в университетах), ученики и студенты обсуждают свои учебные цели и достижения, а также планы, касающиеся предстоящих мероприятий, в которых явно прослеживаются главные идеи конфуцианской доктрины – бережное отношение к природе, сыновнее почитание родителей, стремление к самосовершенствованию, практика физического воспитания и развитие знаний и навыков. А главным правилом проводимых конкурсов, спартакиад и других мероприятий является участие всех без исключения, таким образом, воспитывается командный дух, сплоченность и коллективное мышление.

Кроме основного принципа «Ли», в стенах учебных заведений заметно применяется еще один конфуцианский принцип «чжэн-мин» - выправление имен. Конфуций считал, что сын должен вести себя как сын и не перечить отцу, в противном случае он не будет соответствовать своему «имени», что повлечет за собой ряд негативных последствий. Поэтому он выступал за приведение названий в соответствии с сущностью вещей и явлений: «Да будет государем государь, слуга – слугой, отцом – отец и сыном – сын» [172, с.253]. В разных социальных взаимодействиях каждый всегда находится в определенной позиции и имеет определенные функции, которые определяют его «имя». Например, в образовательной сфере во всем мире существуют такие понятия как ученики или студенты и преподаватели, а также другие, в том числе и административные позиции, которые определяют права и обязанности. Тогда как в Китае помимо иерархии в кругах ППС (преподаватели, заведующие, директора или деканы и т.д.) существует иерархия среди учащихся с наличием «имен» - 学长、学哥、学姐、学弟、学妹 (староста, старший и старшая по классу или курсу, младший и младшая по классу или курсу) и определенными поведенческими и функциональными особенностями: старшие учащиеся должны помогать учителям в управлении младшими, организовывать еженедельные собрания, активно участвовать в общественной жизни школы и университета, а также быть примерным учеником/студентом. Конечно, реальность несколько отличается от конфуцианских идеалов, однако в целом каждый действительно соблюдает внешние церемонии, которые требуют от них «имена».

В современном мире постоянно появляются новые вещи, предметы и понятия, обновляется лексика, в связи с чем принцип «чжэн-мин» стал применим и к китайскому языку. В эпоху глобализации и распространения научно-технической терминологии повсеместно стали использоваться заимствованные слова, в основном из английского языка. Однако китайская языковая политика, опираясь на вышеупомянутое правило, предусматривает создание новых слов для подобных понятий. Все иностранные, пришедшие извне понятия не копируются, а переводятся на понятный для китайцев язык, обретая смысл и порядок [173, с.66]. Например, такие слова как *интернет*, *компьютер*,

программа переводятся на путунхуа и буквально означают 网络 сетевой путь, 电脑 электронный мозг, 程序 последовательность, порядок соответственно и употребляются не только на уроках информатики: они используются с целью поиска дополнительной информации и выполнения домашних заданий для любых предметов, для устного общения и поддержания связи в социальных сетях и т.д. Терминология гуманитарных и естественных наук – *глобализация, корреляция, катализатор* (全球化, 相关, 催化剂, буквальный перевод: обретение всемирности, относиться к (быть связанным с), средство для стимулирования соответственно); названия, имеющие отношения к физической культуре и спорту (篮球, 排球, 足球 - баскетбол, волейбол, футбол, буквальный перевод: корзина и мяч, отталкивать мяч, нога и мяч соответственно) и другие имеют свои китайские аналоги. Таким образом, язык не только развивается, но и сохраняет самобытность, не засоряется иностранными словами. А сохранение чистоты языка является одним из действенных механизмов сохранения национальной идентичности в условиях всемирной глобализации.

Язык сам по себе играет важную роль в формировании национальной идентичности, так как он является инструментом культуры, который «формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т. п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [174, с.14]. Так, в соответствии с языковой политикой КНР, диалекты в повседневной жизни этнических меньшинств Китая по-прежнему остаются важными носителями культурного наследия мультикультурного населения страны, а официальный язык – путунхуа (普通话) распространяется и внедряется с помощью таких социальных институтов, как образование и средства массовой информации, а также посредством увеличения его роли в жизни общества.

На сегодня путунхуа является символом способности режима осуществлять местный контроль и определяет удобство общественной деятельности. Дальнейшее развитие или модернизация общеупотребительного языка позволяет ему выразить современные понятия и становиться современным средством коммуникации.

В построении национальной идентичности также стоит отметить роль национальных СМИ. В статье «Становление единства, празднование китайскости» Вэй Дунчжан утверждает, что государственные СМИ функционируют как идеологический государственный аппарат, интерполирующий людей с доминирующей идеологией через их гегемонистские дискурсы [114, с.83].

В целом, все китайские премьер-министры после смерти Мао Цзэдуна и введения реформ, включая нынешнее руководство Китая при Си Цзиньпине, имеют сильные амбиции в отношении внутренней стабильности страны. Центральный принцип пропаганды общего прошлого и общей мечты о

настоящем и будущем Китая сочетается с коммерческими, культурными и даже этнополитическими целями, привнося новые формы ностальгического аффекта в отношения между телевидением, нацией и населением Народной Республики.

Образы традиционной китайской культуры, известные в Китае как 中国元素, то есть «китайские элементы», сегодня продвигаются и используются в развлекательной, торговой, туристической и модной индустрии страны. Под ними понимаются культурная символика и традиции, которые представляют «культурный код» китайской национальной идентичности.

Как отмечает Цуй Синьцзянь (заместитель Генерального секретаря и директор исследовательского бюро Постоянного комитета Пекинского муниципального народного конгресса), «культурная идентичность относится к признанию общей культуры между людьми или отдельными лицами и группами. Использование одних и тех же культурных символов, следование общим культурным концепциям, соблюдение общих моделей мышления и поведенческих норм являются основой культурной идентичности. Одна из основных функций, присущих культуре, - это наличие общей культуры, которая часто является основой национальной идентичности и социальной идентичности» [106, с.105].

К примеру, такие программы, как «Китай на кончике языка», проецируют нюанс изображения Китая, прежде всего, для внутренней аудитории. Идя в ногу с национализмом партийно-государственного Китая, данный телевизионный документальный фильм строит фундамент культурной идентичности на основе общей китайской культуры «питания». Разные регионы и разные этнические группы имеют разные пищевые культуры. В свете данного факта, в целях сохранения целостности государства, народу необходимо знать, что, несмотря на все различия между десятками этносов, у них, все же, есть много общего. Это общее и становится национальной идентичностью, подтверждающей их историческое родство. Здесь свою значительную роль в знакомстве, принятии, выявлении и демонстрации общности и идентичности культуры различных этносов Китая играют СМИ. Средства массовой информации освещают события, происходящие вне аудиовизуального восприятия, интерпретируя реальность, влияют на наше мировоззрение. Играя развлекательную роль в жизни людей, средства массовой информации становятся механизмом эффективного и активного влияния на общественное мнение и самосознание, направляя и формируя целые поколения.

Так, «Китай на кончике языка» выбирает самый распространенный традиционный китайский образ жизни и питания. Кроме того, в фильме представление еды включает введение в историю еды, что позволило зрителям расширить свое понимание истории нации при просмотре документального фильма, а также увеличило самоидентификацию китайской аудитории с долгой историей культуры Китая. Знакомство с различными национальными культурами в программе «Китай на кончике языка» углубило понимание и признание культур

друг друга между этническими группами и между людьми, а также повысило терпимость к культуре друг друга [175].

В эпизоде «Вкус времени» был представлен особый продукт юго-западного побережья Тайваня, солёно-вяленая икра кефали-лобана. Эта серия подробно знакомит зрителей с едой Тайваня, включая методы обработки, хранения и приготовления кефали. «Китай на кончике языка» включает тайваньскую пищевую культуру в ряды китайской пищевой культуры наряду с другими провинциями и посредством идентификации тайваньской пищевой культуры показывает неразрывную культурную связь между Тайванем и материковым Китаем, углубляет идентификацию людей с Тайванем с точки зрения географии, еще более укрепляя понимание китайцами границ страны.

Представление различных «культур питания» И, Мяо, Чжуан и Тибета в эпизоде «Наши поля» раскрывает сходства и различия в пищевой культуре многих провинций Китая и в полной мере демонстрирует богатые культурные различия этнических групп. Объясняя разницу, «Китай на кончике языка» исследует общие черты разных этнических групп: самосовершенствование, усердие и мудрость. Изначально еда выступает важным элементом процесса выживания, постепенно искусство китайской культуры питания сублимируется в национальный уклад жизни и формирует «национальный дух».

В документальном фильме национальный дух пробуждается через единство, выражающееся в сходных пищевых привычках и вкусах, способах приготовления и хранения и так далее, и это направляет сознание людей, формируя общую идентичность.

Таким образом, представляя общий образ мышления, культурные символы, традиции и национальный дух, документальный фильм «Китай на кончике языка» в значительной степени компенсировал недостатки визуального общения и позволил людям углубить понимание культурной истории различных этнических групп в Китае.

Наряду с духовным объединением посредством культурного и исторического фактора, стоит отметить политический и экономический факторы, которые являются взаимосвязанными. Так, например, политика реформ и открытости, направленная на экономическое развитие, постепенно расширяла экономические, торговые и культурные обмены Китая с другими странами мира. В результате КНР интегрировался в глобализованную мировую экономическую систему, став одним из ведущих игроков в международной политике.

С развитием экономики после реформ Дэн Сяопина и непрерывным улучшением социального статуса современного Китая, китайский народ становится все сильнее и увереннее. Гордость за достижения своей страны способствует усилению национальной идентичности, которая подпитывается пропагандой национального единства и самобытности через средства массовой информации.

Так, в 2018 году Китай отметил 40-летний юбилей проведения политики реформ и открытости, который напоминает гражданам об их истории, успехах, их общем пути и будущих целях. Начиная с 1978 года, формировалась новая китайская идентичность граждан страны с быстро растущей экономикой, а призыв КПК к людям по всей стране стремиться к лучшей жизни, к воплощению «китайской мечты» стимулировал повышение запросов населения, формируя современное китайское общество.

Резкий подъем экономики Китая спровоцировал рост урбанизации, присущий всем современным государствам. Как известно, города сближают людей, облегчают наблюдение и обучение, общение и сотрудничество и в значительной степени способствуют обмену идеями, культурному обмену и технологическим инновациям. Также жизнь и работа в городах предоставляет людям беспрецедентные возможности трудоустройства и делают общество более мобильным.

Вместе с тем стоит заметить, что города, особенно крупные мегаполисы, обычно имеют многоэтнический и многокультурный ландшафт, способствующий преобладанию одного общего языка и культуры для взаимодействия его жителей. В процессе урбанизации происходит миграция населения из сельских в городские районы. Уезжая из менее развитых регионов страны, люди, в той или иной степени, теряют свою этническую идентичность, которая, со временем, частично или полностью заменяется на идентичность более крупной группы (национальную).

То, что процесс урбанизации помогает в решении этнического вопроса в полиэтнической стране, также подтверждается исследованием китайских ученых Лу Шоутинг, Гуань Цзе, Сунь Цзин, Сун Куи «Исследование трансформации национальных отношений в процессе урбанизации».

В результате комплексного исследования уровней урбанизации различных провинций и этнических групп в Северо-Восточном Китае, ученые пришли к выводу, что те этнические группы, уровень урбанизации которых превысил 60%, имеет тенденцию к постепенной замене этнической идентичности на профессиональную, классовую, географическую (город), социальную и другие. В процессе урбанизации этнические отношения групп постепенно трансформировались в социальные отношения отдельных граждан. Коммуникация, изменение образа жизни и другие аспекты трансформации этнических отношений в городах ускоряют и укрепляют общение между этническими группами, усиливая их общность и интеграцию. Также ученые отмечают, что в работе с городским этническим населением важно создавать условия рассредоточенного проживания этносов, что будет способствовать естественной интеграции населения в одну нацию [116].

Таким образом, миграция населения в города, культурный обмен, использование единого языка в общении друг с другом, а также стремление к экономическим выгодам, как правило, создают общую идентичность. Кроме того,

улучшение материальных условий и повышение авторитета на мировой арене стимулирует рост идентичности страны и ее граждан.

Стоит отметить, что за это время Китай добился больших успехов. Согласно официальным данным Мирового Банка, с тех пор, как Китай начал открывать и реформировать свою экономику в 1978 году, рост ВВП в среднем составлял почти 10 процентов в год и более 850 миллионов человек были спасены от бедности [176].

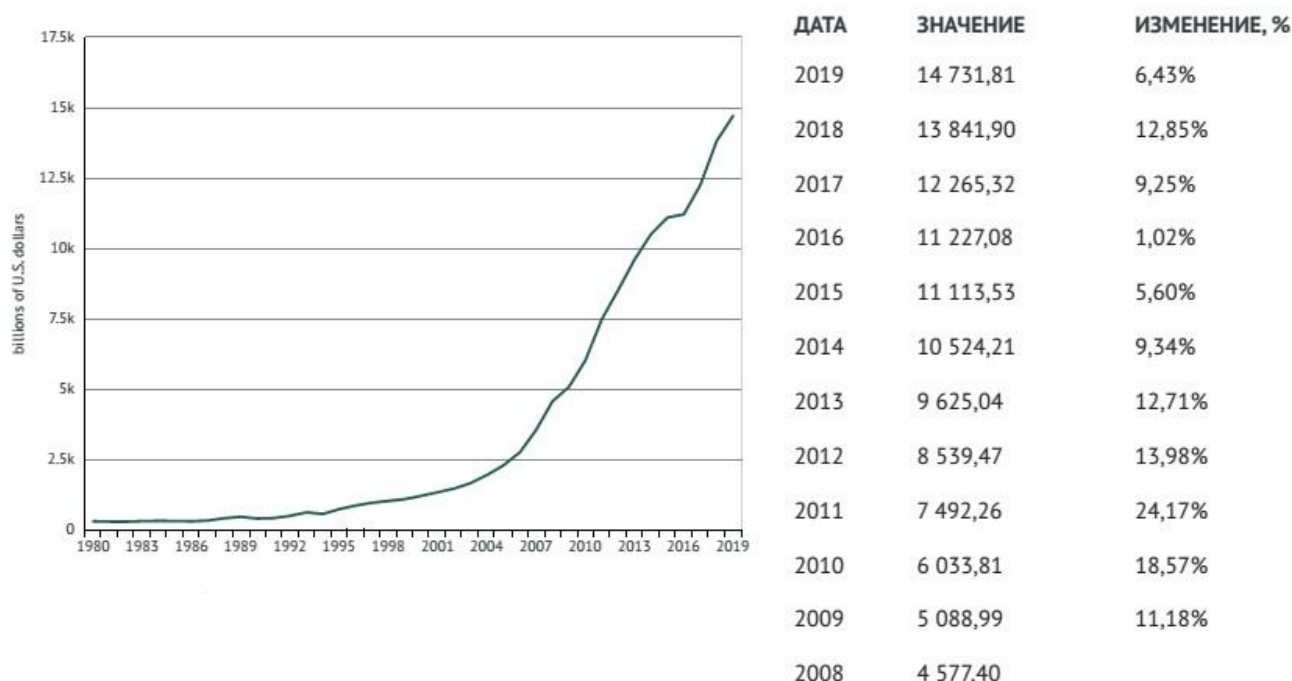

Диаграмма 3 - ВВП Китая за период 1980-2019 гг. [255]

Однако, высокие темпы роста Китая привели к экономическому и экологическому дисбалансу. Существование экономического неравенства регионов Китая является серьезной проблемой, которая может изменить индивидуальные политические взгляды на национальную идентичность и легитимность КПК. Поэтому после начала реформ достижение экономического благосостояния и создание среднезажиточного общества является главным лейтмотивом политики лидеров Китая, в том числе и Си Цзиньпина.

В 2018 году в своей юбилейной речи по поводу празднования 40-й годовщины реформ и открытости Си Цзиньпин отметил, что более 40 лет совместного труда дали свои плоды: «ВВП Китая увеличился с 367,9 млрд. юаней до 82,7 трлн. юаней в 2017 году со среднегодовым темпом реального роста в 9,5%, что намного выше, чем среднегодовой темп роста мировой экономики в 2,9% за тот же период. Доля ВВП Китая в мировом ВВП возросла с 1,8% в начале

реформы до 15,2%, а его вклад в мировой экономический рост за последние годы превысил 30%» [36, с.1270]. Кроме того, «в Китае построена крупнейшая в мире система социального обеспечения, включая пенсии, медицинское обслуживание, суточные и жилье. Базовое пенсионное страхование охватывает более 900 миллионов человек, а медицинское страхование - более 1,3 миллиарда человек. Уровень урбанизации постоянного населения достиг 58,52%, увеличившись на 40,6 процентных пункта» [36, с.1270-1271]. Все эти и другие достижения Китая освещаются в СМИ, способствуя постоянному укреплению гордости нации, и играют решающую роль в определении национальной идентичности.

Отметив успехи, которые страна добилась за 40 лет реформ, Си Цзиньпин сообщил о дальнейших планах и призвал граждан совместно решать задачи будущего развития страны. Позже, в 2020 году, было объявлено о сборе мнений граждан по планированию 14-й пятилетки на онлайн-платформе (см. параграф 3.2). Активное участие граждан в данном мероприятии свидетельствует о существовании взаимодействия между государством и населением.

Помимо достижений, в юбилейной речи Си прозвучало символическое словосочетание «век унижения», которое также является частью исторической памяти китайцев. Как утверждает Вамик Волкан, в то время как избранная слава просто повышает самооценку членов группы, передача выбранных травм инициирует гораздо более глубокие психологические процессы, поскольку выбранные травмы сильнее связывают членов группы [47].

Современное историческое сознание Китая находится под сильным влиянием «века унижения» с середины 1800-х до середины 1900-х годов. Китайцы помнят этот период как время, когда на Китай нападали, запугивали и раздирали империалисты. Политолог Питер Хейс Грайс подчеркивает особое значение этого периода для истории и памяти Китая, отмечая, что «в Китае прошлое живет настоящим в такой степени, которая не имеет себе равных в большинстве других стран» [177, с.15].

Успешное экономическое развитие современного Китая, смешиваясь с памятью о потрясениях в прошлом (неравноправные договоры иностранных держав с Китаем, «культурная революция») формирует своеобразный национальный характер, который, как отмечал Гумилев, меняется в зависимости от эпохи, но все же сохраняет традиционные модели, не противоречащие современным тенденциям.

Традиционные формы социальной организации в Китае и их представления сегодня по-прежнему взаимодействуют с современностью и оказывают когнитивное, мотивационное и поведенческое воздействие на национальное самосознание, межгрупповые отношения китайцев, а также на политику Китая в целом. Так, скромность китайского характера, которую подчеркивал Дэн Сяопин, в свете современной парадигмы дополнена ответственностью. Представляя новую политическую концепцию «сообщество единой судьбы человечества» (人

类命运共同体), Си Цзиньпин указывает на «миролюбие» Китая, которое определяет ее стремления не к мировой гегемонии, а к ответственности за общечеловеческое развитие и поддержание мира [36, с.146-349]. Данная концепция отражает традиционную идею конфуцианской философии о «гармоничном мире» в условиях глобализирующегося общества.

Исходя из всего вышесказанного, следует заключить, что политический фактор определяет основные национальные ценности, которые распространяются и культивируются посредством социальных институтов (СМИ, общеобразовательная система). Повседневные новости, ежегодные праздники, мифы, воспоминания, традиции и символы национального очевидны в национальных СМИ, школьных программах, официальных правительственных документах и выступлениях, популярной литературе и истории. Политическая элита использует культурный и исторический факторы для формирования национального образа и укрепления исторического сознания людей в отношении национальных побед и поражений.

Таким образом, формирование национального самосознания китайцев происходит под влиянием сложного переплетения культурных, исторических, экономических и политических факторов. Вместе они определяют направление общественного развития и ценностную ориентацию современных китайцев.

2.2 Национальная психология китайцев в процессе модернизации

За последние 100 с лишним лет Китай, движимый модернизацией, претерпел одни из самых значительных изменений за весь период его 5000-летней истории. И каждый этап модернизации проявлялся в виде различных социальных, политических и экономических изменений, результаты которых оказывали непосредственное влияние на национальную психологию китайцев.

Согласно историческому материализму общественное бытие определяет сознание людей или группы людей, например, этноса или нации. Нация, в свою очередь, является продуктом истории, а живой национальный характер, проявляющийся в каждом из его членов, является остатком исторического развития [58, с.152]. Как отмечает Гнатенко П.И., для выявления национальной психологии необходим набор фактов, которые «дает нам история культуры наций и народов... Жизнь народов на различных этапах их исторического бытия: культура, обряды, традиции являются неисчерпаемым источником для становления и развития этнической психологии» [128]. Таким образом, способ зарождения «общности характеров» исторически обусловлен.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению национальной психологии китайцев в процессе модернизации, следует остановиться на разъяснении терминологии. В качестве источников определений понятий были использованы электронные версии толкового словаря русского языка Кузнецова [254], Оксфордского толкового словаря английского языка (OED - Oxford English

dictionary) [252] и Большого справочного словаря китайского языка (汉语大辞典) [253].

Термин *психология* объединяет в себе такие понятия как характер и менталитет и определяется как «особенности характера, душевный склад» [254] в словаре Кузнецова, проявление влияния сознания на поведение в определенной сфере жизни [252] в Оксфордском словаре. В китайском языке это понятие относится к внутренним мыслительным процессам и ощущениям и объясняется как отражение объективной реальности в сознании человека [253].

Что касается понятий, составляющих суть термина психология, то согласно толковым словарям Оксфорда и Кузнецова слово *характер* происходит от греческого *charakēn*, которое переводится как «отличительная черта, признак» [252; 254]; в китайском языке слово *характер* состоит из двух иероглифов 性质 (xìngzhì, где 性 -характеристика, 质 -качество) и понимается как основное свойство чего-либо или кого-либо, отличающее его от других [253]. В отношении характера человека также используется слово 素质 (sùzhì, где 素 -основное свойство; характер, 质 -качество), которое относится к морали, интеллекту и физическому состоянию, описывает сформированные привычки человека и сводится к надлежащему этикету и общепринятому образу поведения в обществе.

Понятие *национальный характер* используется для описания устойчивых личностных характеристик и уникального образа жизни, характерных для населения отдельных национальных государств. Такое поведение иногда рассматривается на абстрактном уровне, то есть как культурное поведение без фактической ссылки на обязательно разные модальности личности [252].

Термин *менталитет* является относительно новым и происходит от немецкого *mentalität* – «склад ума»; в словаре Кузнецова оно определяется как «особое сочетание психических свойств и качеств, определяющее характерные черты умонастроения и мировосприятия человека, социальной группы или отдельного народа». В Оксфордском словаре менталитет – это «особое отношение или образ мышления человека или группы»; в китайском языке это слово близко к понятию психология или психологический склад личности или группы.

Психологические особенности национального менталитета основаны на опыте, который формирует определенные модели поведения, концепции и традиции. Вместе с тем, в социальной области, в противоположность прогрессу в технической области, прогресс совершается намного медленнее. Поэтому, несмотря на то, что национальный характер не является статичным, он все же сохраняет в себе традиционные шаблоны, которые не противоречат нынешним тенденциям.

Национальная психология формируется в рамках различных факторов, среди которых геополитические, экономические, социальные, культурные, и

проявляется в типичных образах действий (характер) и мышления (менталитет) представителей нации в определенных ситуациях, которые подкрепляются культурой, языком, семьей, школой, окружающей средой и пр.

Таким образом, с точки зрения этимологии понятие национальная психология (характер и менталитет) подразумевает собирательный образ национального проявления, основанный на общих чертах, которые присущи членам нации.

Вследствии того, что большинство исследований часто используют рассмотренные понятия как тождественные, в данном параграфе они трактуются как синонимы.

Большая часть исследований, изучающих национальный характер или менталитет китайцев, сосредоточены на национальной психологии, проявляющейся в китайской дипломатии и политике. Также есть работы, в которых можно встретить отдельные главы или части глав, где рассматриваются особенности национального менталитета разных регионов – например, южан и северян [133]. Так, в своей книге «Китай и китайцы. О чем молчат путеводители» А.А. Маслов отмечает горячий характер южан и холодность северян. Автор отмечает, что из числа северных китайцев «вышли многие правители Китая», тогда как южные китайцы «исторически всегда были более развиты в торговом и экономическом отношении» [133, с.5]. В целом, Маслов выделяет «ассимилирующую силу» китайской культуры, которая китаизирует «пришлых», в том числе и «формальных завоевателей» Китая – «кидании, и чжурчжэни маньчжуры, и монголы» [133, с.11]. Что касается общенационального характера китайцев, Маслов отмечает, глубинное «ощущение древности своей истории, своей культуры и цивилизации» [133, с.16] и «ощущение центрального положения» по отношению к другим культурам и цивилизациям» [133, с.14], которое сохранилось по сей день. «Китайская карта XVIII в. так изображала мировое пространство: в центре располагается Китай (его очертания даны очень точно), а вокруг разбросаны в виде неправильных окружностей без всякой привязки к масштабу все другие страны» [133, с.16]. Сегодня это выражается в такой политической концепции как «сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体), согласно которой Китай выступает в качестве ответственного лица за общечеловеческое развитие и поддержание мира [36, с.346-349]. Таким образом, не претендуя на мировую гегемонию официально, Китай, по-прежнему, выделяет себе патерналистскую роль по отношению к остальному «периферийному» миру. Вместе с тем, Маслов отмечает «прагматичное и потребительское» отношение к иностранцам в народе и традиционный китайский прагматизм во внешней политике государства – «следует делать то, что выгодно Китаю» [133, с.13].

Также относительно политики авторы учебного пособия «Особенности дипломатии современного Китая» Н.В.Козыкина и К.Г.Муратшина отмечают, что «стратегичность стала чертой национального характера китайцев и

особенностью национальной психологии» [136, с.31]. Древние стратегии китайской цивилизации по-прежнему применяются «во многих областях жизни, и, главным образом, в разработке планов развития собственной страны и внешней политики» [136, с.32]. Одним из источников стратегий современного Китая является «Трактат о 36 стратагемах» [136, с.32], который основан на древних китайских военных мыслях и богатом опыте. Также-авторы выделяют трактат «О военном искусстве» китайского военного мыслителя IV в. до н. э. Сунь-цзы [136, с.31], стратагема которого представляют собой «стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость» [136, с.31]. Отличительной особенностью от других народов является то, что «нигде в мире нет такого, как в Китае, свода стратагем, на протяжении тысячелетий заучиваемых с детства, как таблица умножения» [136, с.31], которые применяются «в политике, дипломатии, ведении бизнеса» [136, с.31]. Наряду с этим, древние учения конфуцианства и даосизма также продолжают влиять на национальный характер китайцев, который проявляется в сфере бизнеса [137, с.90] - этикет ведения бизнеса, переговоров и так далее. Действительно, церемониал присущ китайскому характеру и проявляется он не только у бизнесменов, но и у китайцев любой другой профессии, хотя и не у каждого отдельно взятого человека.

Психологию китайской нации рассматривают китаевед Н.А. Спешнев в «Китайцы. Особенности национальной психологии» [134], а также миссионер А.Х. Смит в «Китайские добродетели» [180], в которых авторы отмечают характерные особенности китайцев, проявляющиеся в концепциях, традициях, мышлении и этике. Так, Спешнев отмечает важность таких концепций как «лицо» или имидж и «гуаньси» в коммуникативных привычках китайцев, а также рассматривает национальные обычаи и традиции китайцев, сравнивая их с западными. Например, указывает на различие в воспитании детей и формирование коллективизма и зависимости у китайцев и индивидуализма и самостоятельности у европейцев [134, с.15]. Спешнев отмечает, что нельзя строить психологический портрет нации, основываясь на описании полумифических и других «идеальных» личностей [134, с.77], так как это сделал, например, Ван Юйбо в книге «Доблестные русские», взяв в качестве объекта исследования «таких «идеальных» русских героев, как Иван Грозный, Петр Первый, Екатерина Вторая, Сталин, Хрущев» [134, с.77]. Однако проанализировав качества, которые «традиционно приписывают легендарным китайским императорам» [134, с.78], автор обнаружил, что «идеальными» для китайцев являются такие качества как «прагматичность и здравомыслие, конкретные деяния, а не разговоры о них» [134, с.81-82], как например у правителей Древней Греции и Рима, описывая которых европейцы выделяли их навыки ораторского искусства, писательский талант и увлечение другими видами искусства [134, с.81].

Что касается работ, посвященных китайскому менталитету в условиях модернизации, то существуют лишь отдельные статьи. Например, часть статьи С. Н. Айзенштадта «Трансформация социально-политических и культурных порядков в процессе модернизации», в которой он рассматривает влияние предыдущей социально-политической и культурной структур на трансформационные возможности модернизирующихся обществ Китая, Японии, Индии и исламских обществ. Говоря о Китае, Айзенштадт, прежде всего, представил основные причины слабости начальных этапов модернизации Китая, отмечая, что при имперской системе китайское общество было относительно стабильно, и было не способно модернизироваться даже под влиянием реформирования имперской системы или развернувшейся против нее первоначальной революции [65, с.661]. Первой причиной тому автор указывает «тесное переплетение, почти идентичность культурных и политических центров» с доминирующей конфуцианской идеологией [65, с.661]. Вторая причина – «фамилизм» китайского общества, который заключался не столько в «семейности как таковой», сколько в «характере внутренней сплоченности семьи и ее связей с другими институциональными сферами» [65, с.662]. В результате, лишь после того, как империя рухнула и традиционные устои были несколько дезориентированы, появилась возможность модернизации Китая и его общества.

Цзяхун Сун и Эндрю Г. Райдер рассматривают психологические последствия социокультурной трансформации в Китае после 1980-х, выделив два основных - растущий индивидуализм как результат быстрого развития Китая, и рост заболеваемости депрессией, особенно в сельской местности. Ученые пришли к выводу, что модернизация Китая сопровождается параллельными сдвигами в индивидуалистических ценностях, стиле воспитания, нормах самовыражения, а также в переживании и выражении депрессии [62].

Таким образом, литературный обзор показал, что большая часть исследователей рассматривает периоды модернизации и изменение в экономической жизни страны, и лишь невзначай упоминают том, как это сказалось на национальной психологии китайского общества. С целью более подробно рассмотреть этот вопрос, в данном параграфе предпринята попытка проследить изменения, а также выявить сохранившееся, традиционное в национальном характере на каждом этапе модернизации.

В данном исследовании основные этапы модернизации условно были разделены на следующие периоды:

1. Вестернизация – период Опиумных Войн в XIX веке
2. Капиталистическая модернизация – период создания республики (1912)
3. Социалистическая модернизация (1 этап) – коммунистический период, создание КНР (1949-1976)
4. Социалистическая модернизация (2 этап) – капиталистический подход, период экономических реформ Дэн Сяопина (1978)

5. Социалистическая модернизация (3 этап) – под руководством Си Цзиньпина с 2010 года

Каждый период модернизации был направлен на некоторые конкретные сферы жизни общества – экономика, письменность, информационные технологии и так далее, которые так или иначе отражались на жизни и характере нации.

Относительно национального менталитета до начала модернизации, то есть в династийный период Китая, существуют разные мнения. Так, Ян Лю, автор статьи «Беседа о китайском характере - как китайцы стали современными китайцами», отмечает, что повторяющийся сценарий смены династий породил в китайской психологии преверженность к объединению, нежели к разделению. В период упадка очередной династии народ ждал того, чтобы новая династия образовалась как можно скорее и положила конец беспокойным временам, а интеллектуалы в свою очередь принимали активное участие в борьбе за возвращение гармонии в общество и часто делали это собственной жизненной целью. Тогда как Лян Цичао отмечает разрозненность и отсутствие национального самосознания среди масс в сравнении с европейцами [88].

Вестернизация. Характерной чертой менталитета китайского общества домодернизационного периода было позиционирование себя, как наиболее цивилизованного в мире по сравнению со всеми другими народами, которые считались низшими в культурном отношении «варварами». Это китайское представление о культурном превосходстве отражалось и на внешней политике страны, что представлялось в идентификации себя как «культурного сюзерена» по отношению к периферийным землям, жители которых не знакомы с культурой [133, с.44]. Однако такое видение мира в значительной степени было подорвано поражениями и унижениями со стороны западных держав. После подписания «неравноправных договоров» в результате поражения Китая в Опиумной войне в середине XIX века китайский народ столкнулся с психологическими вызовами в отношении своего традиционного консерватизма. Именно на этом историческом фоне Китай был вынужден стремиться к оборонительной модернизации, чтобы противодействовать огневой мощи Запада, приняв позицию «ученика».

Однако в процессе модернизации психологическая трансформация человека имеет тенденцию быть постепенной, так что изменения происходят в одних аспектах его жизни, но не в других, или разные аспекты меняются с разной скоростью или в разной степени. В результате некоторые аспекты жизни могут быть значительно модернизированы, а другие остаются вполне традиционными.

Так, для того, чтобы пережить психологическое поражение в культурном превосходстве, китайцы были вынуждены прибегнуть к специфическому механизму, который обычно задействован в адаптации людей к социальным изменениям. Было бы невыносимо болезненно для людей, которые сильно гордились своей собственной культурой, признать, что духовные элементы их собственной культуры уступают элементам западной культуры. Самый простой

способ предотвратить неприятное чувство непоследовательности - это психологически разделить свою собственную, а также западную культуру на две удобные области: материальную и духовную. Посредством такого психологического разделения китайцы смогли принять превосходство западной материальной культуры и в то же время постоянно настаивать на превосходстве своей собственной духовной культуры. После этого раскола материальная культура стала меняться намного легче, чем духовная.

В целом, в истории модернизации Китая ведущую роль в просвещении, критике и продвижении играли китайские интеллектуалы. Их мысли и действия в этом отношении представляют собой реакцию важных слоев китайского населения на модернизацию. Более того, их ответы оказали огромное влияние на формулирование или направление этих откликов со стороны широкой публики.

Как отмечалось в предыдущих параграфах данной диссертации, в период упадка имперского Китая историки-реформаторы и революционеры в многочисленных статьях на страницах газет предлагали модернизацию старого Китая посредством «обучения у варвара», выступая за политику национального самоусиления, которое предполагает сохранение китайской духовной культуры при изучении западной материальной культуры.

Начиная с первой модернизации Китая, основной нитью, проходящей через историю реакций китайских интеллектуалов, стал национализм, а также широкий спектр различных идей, импортированных из западных теорий, включая либерализм, консерватизм и марксизм, большинство, если не все, из которых ориентированы на националистический характер [178, с.86]. В поисках путей мобилизации народного самосознания было проведено множество исторических исследований и написано немало различных статей, которые объясняли суть понятий нация и национальный характер. Среди этих работ стоит отметить статью Лян Цичао «О характере граждан Китая (1903 г.)», в которой он выделил основные недостатки китайцев - отсутствие патриотизма, дисциплины и самоуважения, бесхребетность, зависть и доминирование личных интересов перед общественными, ставших причиной поражения перед агрессивным и амбициозным западом [88]. Признание своих недостатков сменило китаеццентристскую идеологию «изменение варварских племен ханьской культурой» на «усвоение иностранных знаний для победы над ними».

Национализм китайской интеллигенции в период западной оккупации был в основном реактивным или оборонительным, с погоней за национальной независимостью в качестве основной цели. Для достижения национальной независимости китайский народ должен развивать сильное чувство национальной, политической и культурной идентичности. Именно под преобладающим влиянием такого национализма стремление к модернизации и растущее стремление к национальной или этнической идентичности стали двумя тесно связанными движущими силами в историческом развитии современного Китая [179, с.5].

В психологическом плане эти исторические события заложили основы парадоксального чувства величия и унижения в национальный характер китайцев, которое сегодня проявляется в желании «взять реванш» на международном уровне в неустанной конкуренции Китая с Западом, в частности с США, в таких сферах, как экономика, наука, технологии и т.д.

Стоит заметить, что и в «эпоху конкуренции великих держав», когда Китай показывает стремительное развитие как современное государство, и в период «насильственной вестернизации», выбирая стратегию «中体西用» («китайский по содержанию, европейский по оформлению»), Китай всегда старался «сохранить лицо» (面子).

Как отмечают Артур Х. Смит и Н.А. Спешнев, «лицо» является одним из самых значимых черт китайского национального характера, которое «может дать мужчине или женщине чувство собственного достоинства» и является «дороже любого обыкновенного земного богатства» [134, с.127]. Как указывают многие китаеведы, концепция «лица» стала структурной составляющей национальной психологии китайцев, которая играет важную роль «в формировании типичных поведенческих реакций» [134, с.127]. Иногда, для того, чтобы не «потерять лицо», «какими бы очевидными ни были доказательства недостатков, вы должны всем сердцем отрицать их» [180, с.21-22].

Концепция «лица» в условиях старого Китая была особенно важна, так как традиционная социальная психология китайцев формировалась и развивалась в обществе малых групп, основанном на традиционной цивилизации, где отношения родства заменяли экономические и социальные отношения. Феодалная, закрытая структура общества могла послужить еще одной причиной слабости начальной модернизации китайского общества, о которой говорил Айзенштадт, присущая домодернизационному периоду Китая.

Закрытая структура обладает чрезвычайно сильной способностью сохранять свою структуру и инертность из-за отсутствия новых элементов. Основываясь на самодостаточной натуральной экономике, Китай сформировал уникальный закрытый социальный образ жизни. Культура традиционной замкнутой структуры Китая также была связана с его природной географической средой - горные преграды на западе, пограничное море на юго-востоке, которое было естественным прикрытием для обороны, когда морское судоходство было очень слабо развитым, а на севере династия Цинь построила Великую стену. Однако после иностранного вторжения в Китай проникли совершенно новые идеи, которые оказали значительное влияние на национальную психологию китайцев.

В китайском обществе, основанном на натуральной экономике и характеризующемся патриархальной этикой и культурой, ценностная психологическая ориентация морального поведения и моральных обязательств в основном направлена на группу и общество. Если смотреть на людей с точки зрения общества и группы, все моральные права принадлежат обществу и группе,

а все моральные обязательства принадлежат отдельному человеку. Развитие модернизации пробудило в людях самосознание и индивидуальное ценностное сознание. В связи с историческими условиями первой модернизации, в китайском контексте это понятие подразумевало процесс подражания и принятия западной модели технологического развития. Позднее масштабы модернизации были расширены и включили в себя модернизацию традиционной китайской социально-экономической и политической системы, чтобы она соответствовала росту общества в современную эпоху.

Капиталистическая модернизация (1912). Синьхайская революция считается вторым поворотным моментом в развитии современной социальной структуры Китая. Революция имела в основном политическое значение, потому что она не искоренила феодальную экономическую основу, на которой покоилось бюрократическое авторитарное правление.

После свержения династии Цин в 1911 году и изменения политической структуры Китая с имперской на республиканскую систему, большинство неравноправных договоров было последовательно отменено, и Китай взял курс на национальную модернизацию. Период с 1912 по 1937 известен как «Золотой век» [181], который был прерван вторжением Японии.

В 1912 году после Синьхайской революции, свергнувшей династию Цин, последнюю имперскую династию Китая, положив конец 5000-летней монархии в Китае, партия Сунь Ятсена Гоминьдан учредила национальное правительство в Гуанчжоу при поддержке молодой коммунистической партии Китая (КПК) и основала Республику Китай.

На фоне урбанизации западного образца в Китай были внедрены современные товары, технологии, культурные и политические институты, а также «концепции модернизирующегося прогрессивного промышленного города на Западе XIX века» [117, с.3], что изменило структуру и моду местного общества [117, с.1]. Активный экономический рост сопровождался созданием гражданского общества, городской культуры и идентичности. Несмотря на заимствование модели промышленного города, в Китае, благодаря разнообразию местных условий, модернизация, инициированная Западом, приобрела широкий спектр вариаций [117, с.1]. Портовые города (Шанхай, Тяньцзинь и др.) стали авангардом вестернизации, тогда как внутренние районы, например, провинциальный город Цзинин развивался в компромиссе традиционной и современной культуры.

Что касается национального менталитета, китайской элите присуща такая характерная черта как активная позиция в социально-политической жизни и развитии страны. Как отмечает Цзинь Хао Сун, молодая элита города Цзинин установила «тесные связи с местными политическими властями, чтобы справиться с резко изменившейся политической ситуацией» [117, с.12], «повысить свой социальный статус в своей общественной деятельности, улучшить благосостояние, образование и культуру» [117, с.12]. В результате

экономическая власть новой городской элиты стала постепенно превращаться в политическую. А новые виды деятельности и явления, «торговые палаты, бюро по продвижению промышленности, образовательные ассоциации и новые добровольные ассоциации», а также собрания и самоуправление были формальными или неформальными представительными учреждениями, которые давали элитам возможность узаконить свой контроль над местным населением [117, с.14]. Таким образом, они не только проводили традиционные мероприятия благотворительности и общественные проекты по социальной интеграции, но и преследовали политические и социальные цели путем организационных реформ и движений мобилизации.

Установление связей для достижения личных или общественных целей является неотъемлемой составляющей национального менталитета китайцев, известное как *гуаньси* - «关系», то есть использование личных межличностных ресурсов (социального капитала) для поиска политических или экономических выгод. Как отмечает Спешнев, в эпоху модернизации «面子» и «关系» стали одними из важных стратегических инструментов ведения конкурентной борьбы в своих (коллективных) интересах [134, с.138].

В процессе модернизации социальные изменения вызывают необходимость изменения многих традиционных идей и / или поведения. Так, понятие «关系» как «отношения между людьми» существовало в Китае на протяжении тысячелетий, однако в условиях модернизации постепенно превратилось в концепцию «关系», которая содержит более сложную структуру.

Как концепция данное понятие было представлено в качестве социального продолжения семейных уз, разработанное в поздний республиканский период (в конце 1930-х годов) в ходе социологизации конфуцианской мысли, в исследовании Фэй Сяотуна [66, с.184]. Проведя анализ традиционного китайского общества, он представил принцип «иерархии» (差序格局), который проявляется в родстве, геополитических отношениях и других социальных отношениях [89, с.29]. Позже, в эпоху третьей модернизации при Мао и в период постмао «关系» стали рассматриваться как инструментальные особые связи для достижения целей [66, с.185], а сегодня данный термин чаще фигурирует в сферах бизнеса и менеджмента.

Социалистическая модернизация (1). Пережив перерыв экономического развития в связи с китайско-японской войной, Китай вступил в новую эру модернизации – эру председателя Мао. После борьбы за независимость увеличились усилия по достижению модернизации с целью войти в ряды процветающих, влиятельных и мирных стран, в результате чего в 1949 году была образована КНР. Создание Китайской Народной Республики может считаться третьим поворотным моментом в структурном развитии современного Китая.

В колониальную эпоху европейцы и американцы выдвигали теорию «расы высших и низших» и «теорию неполноценности цветных людей» в своих

собственных интересах. Через различные прямые и косвенные средства массовой информации они влияли на национальную психологию китайцев. В результате китайский народ потерял веру в мудрость своей нации, которая была предметом гордости и «несомненной истиной» в период династийного Китая [122, с.87]. Поэтому, как отмечал Мао Цзэдун, с обретением суверенитета китайский народ не приобрел чувство независимости автоматически и по-прежнему чувствовал себя ниже других. Это стало одной из причин слепого копирования чужой модели развития без анализа и учета своего исторического опыта и условий [182].

В этот период китайские историки и политическая элита для решения национальных вопросов ориентировалась на марксистскую теорию, которая уже практиковалась в таком сильном на тот момент государстве как Советский Союз. Поэтому в начале своего пути Китай во многом подражал советской социалистической модели, однако вскоре Мао Цзэдун пришел к выводу, что Китаю «необходимо учиться на передовом опыте зарубежных стран, но нельзя думать, что все зарубежное обязательно хорошо» и «только исходя из реальных национальных условий и основных ценностей социализма, можно учиться на зарубежном опыте, не сбиваясь со своего пути» [182].

Как отмечает автор статьи «Девять основных реформ, проводимых Мао Цзэдуном!» Цзун Хэ, одной из задач, которые поставил перед собой Мао Цзэдун, была реформа народных ценностей [183], которые пришли в состояние упадка за «сто лет унижения» и распространения наркомании и других подобных пороков. Главными социалистическими целями стали приверженность расширению возможностей и равенству для всего своего народа, в качестве проводника которых выступила мощная коммунистическая бюрократия.

В целом основными событиями эпохи Мао стали земельная реформа, Большой скачок и Культурная революция, которые оказали большое влияние на национальную психологию китайского народа. В результате социальных и культурных программ Мао в стране произошла трансформация: во-первых, средства производства были переданы от частных государственным предприятиям, а экономику контролировало государство (аналогично экономике Советского Союза). Путем социалистической трансформации сельского хозяйства, ремесел и капиталистической промышленности и торговли Китай создал относительно законченную социалистическую экономическую систему. После своего основания Китайская Народная Республика добилась больших успехов в различных областях, но нельзя отрицать, что в процессе реорганизации социальной структуры, особенно экономической, слишком много внимания уделялось производственным отношениям и надстройке, в то время как сама производительность игнорировалась. Можно сказать, что народная община была «большой по размеру и коллективной по своей природе», и из-за экономии за счет масштабов производительности в качестве стандарта все еще преобладали крестьянские методы производства и уровни производства [184]. Очень трудно

разрушить старую социальную структуру, а еще труднее установить и реорганизовать новую социальную структуру.

Во-вторых, культурно-образовательная и здравоохранительная реформы обеспечили обязательное образование для всех, а также улучшение медицинского обслуживания, «сосредоточив внимание прежде всего на медицинской работе в сельской местности» [183]. Благодаря этим реформам в период с 1950 по 1980 годы было зафиксировано снижение смертности и рост продолжительности жизни, что считается одним из самых быстрых и устойчивых приростов в задокументированной мировой истории [185].

Несмотря на большие достижения и подъем с 1949 по 1959 годы, период Мао известен большими потрясениями – Большой скачок, Культурная революция и земельная реформа, которые повлияли на национальный менталитет и характер китайского народа.

Коммунистическая революция в Китае была революцией на основе классов, основными сторонниками которой были крестьяне. Чтобы поддерживать классовые интересы во вновь созданной Китайской Народной Республике (КНР) в 1949 году, китайское правительство зарегистрировало каждого гражданина как принадлежащего к одному из трех классов в соответствии с предполагаемой ролью в революции:

1) «хороший класс» - революционные кадры «красного класса», революционные солдаты и революционные мученики, а также промышленные рабочие, бедняки и крестьяне из низшего среднего класса;

2) «средний класс» - крестьяне из среднего и высшего среднего звена, городской рабочий персонал, мелкие предприниматели, интеллигенция и специалисты;

3) «плохой класс» - также называемый «черный класс», включал помещиков, богатых крестьян, капиталистов, капиталистических путешественников, контрреволюционеров, правых и преступников [186].

Одной из наиболее заметных и наиболее последовательных мер политики было введение коллективного владения путем создания «сельскохозяйственных производственных кооперативов», передача права собственности от бывшего класса землевладельцев китайскому государству, а также образовательных ресурсов в пользу детей из «хорошего класса» в ущерб детям из «плохого класса» [186, с.69]. Представители «плохого класса» были подвержены моральным и физическим нападкам со стороны общества и партии. И к 1958 году частная собственность была полностью упразднена, домашние хозяйства по всему Китаю были организованы в управляемые государством коммуны.

Репрезентативным проявлением национальной черты «面子» является то, что несмотря на широко распространенный голод в сельской местности, Китай пытался сохранить лицо, убедив внешний мир в успехе своих планов [187].

Попытки государства, в частности Мао, доказать успешность «Большого скачка», были направлены также и на народ. С этой целью лидеры партии

публично обсудили роль интеллигенции в новых задачах национального строительства и приняли кампанию «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Поскольку среди интеллектуалов в Китае были выпускники средних школ, а также те, кто получил высшее или высшее профессиональное образование, политика затронула огромное количество людей. Кампания «сотни цветов» явно поощряла «свободные» дискуссии и исследования с предположением, что это докажет превосходство марксизма-ленинизма и ускорит обращение интеллигенции к коммунизму. Однако, вместо того, чтобы принять марксизм, многие использовали возможность переводить и обсуждать западные работы и идеи и беззаботно обсуждали «реакционные» доктрины и антикоммунистические взгляды. В итоге интеллигенты, откликнувшиеся на призыв Мао к открытой критике, стали первыми жертвами антиправой кампании, что вселило страх в народ.

Между 1966 и 1976 годами Китай пережил десятилетие жестоких политических потрясений. Культурная революция началась, когда Мао Цзэдун начал кампанию против самой Коммунистической партии Китая вместе с остальной институциональной структурой китайского общества. Десятки миллионов людей подверглись критике, физическому насилию, самоубийствам и убийствам. Древний хребет китайского общества - бюрократический порядок, смещен; фракции сражались друг с другом в больших и малых рабочих единицах; семьи были разбиты; системы связи, транспорта, правосудия, общественной безопасности, здравоохранения и социального обеспечения фрагментированы. На родителей напали дети; учителя подверглись нападению со стороны студентов. К концу 1970-х годов, хотя армия и партия и восстановили порядок, цинизм, деморализация и отчуждение были широко распространены. Все эти события стали причиной подрыва доверия между людьми и нежелания выражать свое мнение четко (не говорить да или нет). Сегодня многие иностранцы расценивают это как «уклончивый» характер китайцев [138, с.5], тогда как одни ученые называют это избеганием ответственности и желанием предотвратить возможные конфликты [115], а другие – дипломатией или этикетом, уважением к чувствам и проявление культурности человека [72].

Социалистическая модернизация (2).

Первые успехи Дэн Сяопина проявились еще в 1962 году, задолго до политики реформ и открытости, когда «Большой скачок» потерпел неудачу. Новая программа в промышленности возродила индивидуальное сельское хозяйство и сделала усилия рабочего более согласованными с его вознаграждением. Аналогичная политика была принята и в других областях. В целом Китай в 1961–65 годах проделал замечательную работу по оживлению экономики, по крайней мере, восстановив уровень производства 1957 года почти во всех секторах.

С началом политики реформ и открытости Дэн Сяопина Китай приступил к самой смелой экономической реформе, когда-либо проводившейся при

коммунистическом режиме. Благодаря внедренной открытости во внешней политике, которая позволила осуществление международной торговли и прямые иностранные инвестиции, в период с 1978 по 1988 годы национальный доход Китая рос на 14 процентов в год, что более чем вдвое превышает темпы, зарегистрированные в период с 1952 по 1978 годы, и намного быстрее, чем средний мировой рост в 3 процента. Рост наблюдается в секторе сельскохозяйственного производства, а также в легкой и тяжелой промышленности.

Отрицательным последствием, отразившемся в обществе, стали приверженность к деньгам и гедонизму, которые особенно распространились после внедрения социалистической рыночной экономики. А быстрая модернизация привела к разрыву между богатыми и бедными, идеалами и реальностью. Идеал – «китайская мечта», продолжает вдохновлять каждого китайца, вселяя в людей надежду, однако реальность часто неудовлетворительна. Причина неудовлетворенности в начале реформы и открытости была вызвана дифференциацией доходов между различными группами в обществе. Несмотря на то, что современный Китай добился больших успехов в сокращении бедности и в создании гомогенного общества, близкого к эгалитаризму, и терпимость людей к разрыву между богатыми и бедными значительно возросла, неудовлетворенность по-прежнему осталась. Это обусловлено тем, что быстрые социальные изменения не только продолжали улучшать условия жизни людей, но и значительно повысили их порог счастья. С одной стороны, это повысило их социальные ожидания, с другой - значительно снизило их удовлетворенность [188, с.4].

Наряду с этим, одной из социальных реформ, затронувших национальный менталитет китайцев, стала политика планирования семьи «Одна семья — Один ребёнок», которая проводилась с 1979 года по 2015 год. Стоит отметить, что большая семья никогда не была основным образцом для городской китайской семьи [189, с.7], однако в деревнях количество детей было жизненной необходимостью для помощи пожилым родителям в сельскохозяйственных работах. Традиционная китайская семья считается большой в связи с тем, что она состояла не только из нуклеарной, но и расширенной семьи (три поколения) [189, с.7].

Введенная политика одного ребенка на одну пару оказала большое влияние на воспитание и характер будущего поколения. Так, исследование психолога Синь Мэн и ее коллег из Австралийского национального университета в Канберре показало, что почти все китайцы, родившиеся после 1979 года, были более инфантильными, чем те, кто родился до этой реформы [190]. Как отмечает Мэн, без братьев и сестер отпала необходимость делиться, в результате чего поколение политики рождаемости отличается избалованностью и эгоистичностью (маленькие императоры) [190].

Таким образом, данная политика сформировала новую форму семьи, а также оказала значительное влияние на формат и стабильность браков. Укрепленный идеологией конфуцианства и административными мерами, китайский институт брака имел стабильную структуру, о чем свидетельствует очень низкий уровень разводов [189, с.10]. Однако после 1980-го года количество разводов возросло, что объясняется увеличением свободного времени от дополнительных забот, связанных с воспитанием детей и, как результат, ослаблением брачных уз [189, с.10]. Кроме того, политика реформ и открытости улучшило экономическое положение многих жителей Китая, что способствовало большей независимости молодых пар друг от друга и более вероятным решением развестись в случае возникновения конфликта интересов [189, с.10].

Еще одним изменением в китайском менталитете стали перемены в гендерном предпочтении в отношении детей. В то время как согласно конфуцианству, одной из важных составляющих сыновней ответственности было родить сына, а традиционно идеальная китайская семья состояла из как можно большего числа братьев и поколений по мужской линии, с начала 2000-х годов, согласно исследованиям ученых, произошел сдвиг в сторону принятия нормы одного или двух детей и меньшего гендерного предпочтения, что стало главным отличием от конфуцианской идеологии [189, с.11]. В то же время, неизменным в китайском менталитете, как на уровне общественных норм, так и в практике государственного управления, остаются патерналистские отношения. Так, КПК выступает в качестве «доброжелательного» органа власти, который предоставляет единственные средства для управления нацией и защиты людей от внешней угрозы. А принятие Дэн Сяопином системы «социализма с китайскими характеристиками» стало не просто «социализмом с капиталистическими характеристиками», а с формой капитализма, которая в значительной степени контролируется сверху вниз через авторитет Коммунистической партии Китая. Наряду с патерналистским лидерством и апелляцией к конфуцианским нормам сыновней почтительности и гуманизма, использование общественного мнения для внушения чувства стыда за плохое поведение являются традиционными средствами для китайцев, чтобы привить и культивировать желаемое поведение не только среди простых людей, но и среди политических элит. Такое регулирование подчиняется рассмотренным ранее чертам китайского характера, «сохранению лица» и «отношениям между людьми», а также этической системы социальных ролей и обязанностей личности конфуцианской философии, которое оказывает широкое влияние на традиционное и современное китайское общество.

Вместе с тем, исследование Цзяхун Сун и Эндрю Г.Райдера показало на снижение уровня коллективизма, присущего китайцам, и повышение индивидуализма в характере поколения реформ и открытости, которое сопровождалось сохранением традиционных ценностей в контексте быстрой модернизации [62, с.6]. Стоит помнить, что индивидуальные ценности современного человека воспитываются в нем обществом, другими словами

индивидуальные и коллективистские ценности тесно взаимосвязаны. Так, согласно Гань Яну, в современном Китае сосуществуют три основные традиции. Одна из них - это традиция рынка и свободы, сформированная в период реформ и открытости, другая - это традиция подчеркивать равенство и справедливость, сформировавшаяся в эпоху Мао Цзэдуна с момента основания республики, которая согласуется с конфуцианским понятием «гармоничного общества». По утверждению Гань Яна, основная цель «гармоничного общества» состоит в «общем процветании», которое является «основным стремлением социалистической традиции и не может быть достигнута за счет исключения» первой традиции – «рыночных механизмов» [191].

И, наконец, третья - «цивилизационная традиция, сформированная китайской цивилизацией на протяжении тысячелетий, так называемая китайская традиционная культура или конфуцианская традиция. Основное проявление в повседневной жизни китайцев - это просто сосредоточение внимания на человеческих чувствах, родном городе и семейных отношениях» [191]. Гань Ян указывает на отражение третьей ценности в «телевизионных сериалах о семейной жизни» [191].

В целом, предполагается, что «реформы Китая должны привести к новой эре «трех универсальных объединений», что означает, что традиция Конфуция, традиции Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина представляют собой один и тот же континуум китайской исторической цивилизации» [191].

Социалистическая модернизация (3).

Постепенно эти «три универсальных объединения» дополнялись идеями всех последующих лидеров КПК, которые неуклонно следовали этим взглядам и поддерживали коллективное руководство Коммунистической партией Китая, которое отстаивал Дэн Сяопин и впоследствии разработали Цзян Цзэмин и Ху Цзиньтао. Коллективное руководство является ярким примером характерного для китайцев коллективизма, проявляющегося на государственном уровне, который основан на принятии решений за счет достижения консенсуса между членами Политбюро ЦК КПК, генеральным секретарем которого сегодня является Си Цзиньпин.

Сам Си Цзиньпин отмечает, что Китай «не должен останавливаться в стремлении к реформам и открытости ни на мгновение» [36, с.394]. Таким образом, современный Китай продолжает свой путь модернизации, в процессе которого меняются одни и сохраняются другие особенности китайской психологии. Нынешний президент КНР отличается амбициозностью и имеет грандиозные планы по «пятой модернизации» страны, которая приходится на две юбилейные даты – столетие КНР и КПК, и заключается в достижении главных «целей двух столетий». Более подробно его идеи будут рассмотрены в третьей главе данной диссертации. Здесь же стоит отметить, что одна из этих целей заключается в увеличении «по численности прослойки "новых китайцев"» [192] - среднего класса. Образование среднего класса традиционно было фактором

социальной и политической стабильности [192], для достижения которой экономический рост сам по себе больше не является решением: только посредством «всестороннего человеческого развития и всестороннего социального прогресса» (人的全面发展和社会的全面进步), разработанного и координируемого партийным руководством, можно разрешить противоречие. (противоречия, порожденные индустриальной цивилизацией, стремясь к гармоничному сосуществованию человека и природы) [36, с.1020-1021].

Национальный характер, менталитет или психология проявляются в общем поведении и привычках, которые в свою очередь являются социальными установками, принятыми в определенном обществе (например, в нации). Они меняются в процессе социальных изменений, поддерживаются социальной структурой, которая может стать силой, способствующей или препятствующей процессу социальных изменений и модернизации. Таким образом, успех завершения модернизации зависит от этих установок. Поэтому, говоря о «китайской мечте», как главной программе модернизации при Си Цзиньпине, в статье, опубликованной на сайте китайской академии наук, «Модернизация личности - основа модернизации Китая» отмечается, что корнем модернизации Китая является модернизация личности [115].

Как отмечает Чжоу Сяохун, современное китайское общество имеет характерную особенность, которая заключается в сочетании традиционных и современных ценностей [8, с.14]. В области социальных наук такая двойственность называется «гибридностью». Гибридность китайского менталитета в наше время обусловлена быстрыми темпами модернизации Китая и глобализации внешнего мира, которые происходили одновременно. По словам американского социального психолога Д. Лернера, «если большинство людей в обществе становятся «переходными» или «гибридными людьми», общество начинает переходить от традиций к современности» [8, с.15]. Таким образом, возможно предположить, что данный период имеет положительную почву для модернизации китайской личности, так как нынешние ценности и социальный менталитет китайцев имеет «двойную природу»: сочетание конфуцианских семейных и межличностных традиций с современными индивидуализмом и гедонизмом, «открытости, мобильности, конкуренции, предприимчивости, терпимости и стремления к миру» с «гибридными желаниями, поклонением деньгам, порывистостью, безразличием, отсутствием честности, ненависти к богатым и демонстрацией богатства» [8, с.14].

Согласно исследованию Чжоу Сяохуна, сочетание двойных ценностей имеет не только отрицательное, но и положительное влияние на национальный характер [8, с.14]. Так, одной из характерных черт китайцев является конфуцианский принцип обучения на опыте прошлого, которое в оригинале называется «любить и уважать старину» и сводится к следованию мудрости древних добродетельных правителей. Сегодня эта традиция дополняется «перениманием» не только «добродетельных качеств» древних правителей, но и

извлечением опыта из пережитых страной неудач или ошибок прошлого, которые интерпретируются как «уроки». Поэтому период Мао Цзэдуна принято не подвергать критике, а использовать как «уроки» прошлого, которые включают в себя как отрицательные, так и положительные последствия.

В целом, период модернизации принес изменения в экономическую и общественную жизнь, которые повлияли на национальный характер, привнеся новый взгляд и новые ценностные ориентиры. Сохранение себя и адаптация к новым условиям помогают человеку идти дальше в ногу со временем. Претерпевая различные периоды, национальный характер адаптируется к реалиям новой эпохи, сохраняя память, общие психологические привычки и обычаи, т.е. культурную идентичность, которая является фундаментальной основой национального менталитета, вне зависимости от времени и кризисов отрицания своей культуры.

Таким образом, все предыдущие периоды модернизации оставили след в китайском характере. Так, некоторые китайцы отмечают, что в современном китайском обществе по-прежнему существует некоторая осторожность и недоверие друг к другу (кроме близких друзей и родственников), традиционные принципы «лица» и «межличностных связей» играют большую роль во всех сферах жизни китайцев, помогая поддерживать «гармонию», вместе с тем, дихотомия унижения и гордости присутствует в общем менталитете, которая подпитывается современным образованием (подробнее в 2.1), и является одним из двигателей модернизации и стремления к воплощению «китайской мечты» и «возрождению китайской нации». Более подробно «китайская мечта» будет рассмотрена в 3-ей главе, здесь же отметим, что на сегодня идея «китайской мечты» вошла в новую стадию своего развития при Си Цзиньпине, который подкрепил ее «духом конфуцианства» [193, с.387]. Примером могут служить, как отмечает Гуров Д. В., и как могут заметить многие, кто побывал в Китае последние несколько лет, «бесчисленное множество красочных плакатов, которые олицетворяют принципы Конфуция» [193, с.388]. Помимо плакатов, конфуцианскую идеологию можно заметить в речах председателя, в которых присутствует «огромное количество конфуцианских выражений» [193, с.387].

В целом Гуров отмечает, что «Новая эра» Си Цзиньпина сделала Китай более амбициозным и активным игроком мировых дел, способным «на взвешенные риски» [193, с.388]. Так, Китай стал одной «из лидирующих держав мира, и каждый китаец знает об этом и чувствует за собой успех и силу» [133, с.13], что оказывает психологическое влияние на всю нацию, делая китайцев все более уверенными в себе и в своем праве «диктовать свои условия». Однако, как отмечает Маслов, они «очень редко это делают напрямую – здесь сказывается фактор «мягкой силы»: вежливого, но очень настойчивого проникновения в экономики и жизненные пространства других стран. Здесь важен фактор времени, Китай никогда не торопится, ощущая за собой и перед собой тысячелетнюю историю и прекрасно зная, что «плод созреет и сам упадет в руки» [133, с.13].

Во внешней политике Китай придерживается курса добрососедства и мирного сосуществования, который необходим Китаю «для того, чтобы сосредоточиться на своем экономическом развитии, эффективно справиться со своими внутренними проблемами, которые могут привести к нестабильности и социальным потрясениям» [136, с.114]. Добрососедство также является вспомогательным аспектом концепции «лица», и «КНР тщательно оберегает свой имидж на мировой арене, активно финансируя различные проекты, щедро помогая развивающимся экономикам и зорко следя за исполнением этих проектов» [136, с.112].

Подводя итоги, стоит отметить, что некоторые выделенные черты национального характера А.Смитом более ста лет назад все еще присутствуют в современном китайском обществе, о чем свидетельствуют труды таких современных исследователей-китаеведов как Маслов А., Спешнев Н.А. и другие. Вместе с тем, модернизация наряду с глобализацией оказали влияние на менталитет китайцев, в результате чего китайская психология обрела маргинальный характер.

2.3 Идеология культурного национализма как основа культурной идентичности современного Китая

Зачастую, в связи с тем, что политика является неотъемлемой чертой национализма, это заставляет людей игнорировать важное значение культурного национализма, поэтому в академической среде редко обращают на него внимание. Однако в контексте подъема национализма в эпоху глобализации возросло продвижение культурного самосознания как важной составляющей идеологии культурного национализма, который фокусируется на национальной идентичности, сформированной культурными традициями для культивирования нации. Культурный национализм обычно относится к идеям и практикам, связанным с культурным возрождением национального сообщества. Таким образом, культурный национализм призван дать представление об идентичности, истории и судьбе нации не как политической организации, а как морального сообщества.

«Культурный национализм» как идеологическое движение направлено на возрождение «традиционной культуры» и превращение его в основу построения национальной идентичности. Под традиционной культурой обычно понимается доминирующая культура, к которой относятся общая символическая система, ценности и нормы [50, с.45], которые являются результатом уникальной национальной истории. «Культура» наделена символической силой того, что Дюркгейм называет логическим конформизмом, то есть «однородной концепцией времени, пространства, числа и причины», которая позволяет различным интеллектам достигать соглашения» или «консенсуса относительно значения социального мира, консенсуса, который способствует воспроизводству общественного порядка» [194, с.166]. По мнению Э.Д. Смита, весь национализм

имеет культурное измерение, включающее набор мифов, символов, воспоминаний и ценностей, которые часто уходят корнями в досовременную эпоху, а также определяют конкретный путь страны к модернизации.

Вместе с тем, большинство ученых (Э.Хобсбаум и Т.Рэнджэр, Б.Э.Гидденс, Д.Д.Лейтин, М.Манн, Ч.Тилли, Дж. Брейли) сходятся в том, что националистические призывы к культуре являются средством достижения политической цели, то есть достижения легитимации государственной власти [41, с.273].

В Китае на протяжении большей части прошлого столетия, начиная с движения 4 мая 1919 года, которое также известно под названием «Движение новой культуры» и до движения 4 июня 1989 года - События на площади Тяньаньмэнь, традиционная культура широко осуждалась как препятствие для развития, которую необходимо искоренить. Так, в мае 1919 года были объявлены условия Версальского договора, завершившего Первую мировую войну, согласно которому, территориальные права Германии в Китае не были возвращены китайцам, как ожидалось, а были переданы японцам. Излияние народного возмущения вылилось в новый национализм с неоднократными призывами к «новой культуре», которая вернет Китаю его прежнее международное положение. Многие считали, что выход из проблем Китая состоял в том, чтобы принять западные представления о равенстве и демократии и отказаться от конфуцианского подхода, который подчеркивал иерархию в отношениях и повиновение.

В период 1920-30-х годов китайские интеллектуалы становились все более политизированными, большинство из них становилось на сторону коммунистов или националистов, в зависимости от того, кого они считали более способным «спасти нацию». Таким образом, несмотря на то, что движение было антитрадиционным, оно носило националистический характер, в нем участвовали не только студенты, но и рабочий класс, давший ему новую силу. В результате, под давлением «Движения 4 мая», Версальский договор не был подписан, а также произошло постепенное вытеснение классического китайского языка и распространение современного разговорного языка – байхуа.

Что касается традиционных конфуцианских ценностей, то они были вновь использованы в 1934 году лидером Националистической партии и Китайской Республики Чан Кайши для провозглашенного им «Движения новой жизни», что должно было сплотить китайский народ против коммунистов и поднять боевой дух в стране, охваченной коррупцией, фракционностью и опиумной зависимостью. Вместо того, чтобы отвернуться от конфуцианских ценностей, как это произошло с «Движением 4 мая», Чан Кайши использовал конфуцианское понятие самосовершенствования и правильного образа жизни для своего движения [195, с.1]. Взяв за основу 4 конфуцианских добродетели – ритуал или этикет, долг, честность и чувство стыда, в качестве основы для развития нравственности, а также для спасения и восстановления нации, Чан Кайши

призвал народ «применять их к обычной жизни в отношении пищи, одежды, жилья и действий» [195, с.3].

Эти четыре добродетели традиционно считаются основой китайской нации и интерпретируются следующим образом:

Ритуал или этикет (礼) является естественным законом природы, в социальных отношениях становится правилом;

Долг (义) заключается в порядочности, то есть соблюдении закона (естественного и социального), надлежащее цивилизованным и культурным людям.

Честность (廉) означает проявлять объективность, признавая правильным то, что соответствует долгу и ритуалу, и неправильным то, что не соответствует им.

Чувство стыда (耻) должно возникать при несоблюдении трех предыдущих добродетелей, побуждая к самоконтролю.

В завершение своей речи Чан Кайши указал на то, что соблюдение этих четырех добродетелей может помочь «заменить иррациональную жизнь рациональной» [195, с.5], так как следование им «исправляет проступки людей и является правильным методом достижения изобилия» [195, с.4].

Таким образом, «Движение новой жизни» продвигало конфуцианство, и когда националистическая партия Гоминьдан во главе с Чан Кайши пришла к власти, она очистила систему образования Китая от западных идей, включив конфуцианство в учебную программу и установив государственный контроль над университетами, учебниками, экзаменами, степенями и преподавателями [196, с.39].

В свою очередь, первый лидер КПК и КНР Мао Цзэдун, будучи ярким критиком традиционной китайской культуры, пропагандировал идеи Маркса и Ленина (которые являются западными). И все же, применяя марксизм к Китаю, предупреждал, что китайские коммунисты не должны забывать свою собственную историю и что коммунистическая идеология должна иметь китайские особенности, что способствовало китаизации марксизма.

После основания КНР в 1949 году социалистический антитрадиционализм вырос до официальной идеологии, которая оправдывала правление КПК [118, с.75]. И злая судьба традиционной культуры достигла своего апогея во время «Культурной революции» в 1970-х годах. Однако даже после начала политики реформ и открытости в 1978 году роль традиции в китайском национализме все еще оставалась отрицательной. В течение 1980-х годов в китайской интеллигенции и среди некоторых политических лидеров рос сильный антитрадиционный либерализм, что, по мнению основателя и редактора журнала «Современный Китай» Суйшэн Чжао, привело к движению 4 июня [119, с.136], когда студенты собрались на площади Тяньаньмэнь. Основные требования, выдвинутые студентами, имеют разные варианты. Так, в западных источниках утверждается, что они выступали за права и свободы человека и демократизацию

системы, в российских – за демократизацию и гласность и против коррупции и безработицы, в то время как в китайских источниках сообщается о пагубном влиянии иностранных, особенно западных, идей, направленных против власти КПК.

В своей книге Суйшэн Чжао отмечает, что немаловажную провокационную роль сыграло телевизионное шоу «Река Элегия» (河殇), в которой критиковалась китайская культура и утверждалось, что замкнутая цивилизация «Желтой реки» Китая, основанная на реках и земле, ведет к консерватизму, невежеству и отсталости, и, чтобы выжить, Китай должен изучить цивилизацию «Голубого океана» Запада и создать экономическую систему, основанную на рыночной экономике [119, с.135]. После выхода передача вызвала противоречивые споры среди политических лидеров и получила широкое одобрение среди более радикальных молодых студентов, которые с энтузиазмом обсуждали будущее и развитие Китая [119, с.136].

Как отмечает А. Девятков, именно поколение, пережившее «культурную революцию», которое хорошо понимало, что подобные движения могут принести в страну лишь смуту и анархию, могло удержать «Китай от западных соблазнов демократии, «прав человека», безмерного потребления», которые размывают «устой традиционной конфуцианской этики» и сохранить «государственный стержень бюрократии», которая ставит своим приоритетом не отдельного человека, но семью и клан, «а также умеренность и ограничения, исходящие из государственных интересов» [135, с.172]. Поэтому, после жестокого подавления митингующих, Пекин снял «ограничения с процесса возрождения конфуцианских традиций и обрядов» [135, с.174].

После инцидента, произошедшего на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, основные средства массовой информации в материковом Китае подвергли критике телевизионное шоу «Река Элегия». Фильм рассматривался как образец для пропаганды идей буржуазной либерализации, нигилизма и плана контрреволюционных беспорядков [119, с.136]. С тех пор в Китае стали восстанавливаться культурные традиции, что поначалу наиболее активно происходило в деревне.

Таким образом, начиная с 1990-х годов традиционная культура получила беспрецедентное возрождение, и культурный национализм быстро превратился в одну из самых сильных идеологических тенденций в современном Китае, особенно. 1990-е годы стали периодом активного изучения китайской культуры, когда каждая провинция Китая изучала свое культурное наследие [120].

Традиция, которая раньше считалась отсталой и которую необходимо было искоренить или реформировать, теперь была переосмыслена и почитаема как воплощение великой мудрости и даже принята для борьбы с идеологической агрессией Запада. Культурные националисты в этот период боролись с марксизмом как с западной идеологией с целью возрождения традиционной культуры. А в качестве образца традиционной культуры выступало

конфуцианство. В области изучения конфуцианцев произошел внезапный всплеск конфуцианской лихорадки среди академиков и быстрый рост новых конфуцианцев или неоконфуцианцев в материковом Китае. Эти неоконфуцианцы, представленные Цзян Цинем, Ло Ицзюнем и Чэнь Кэцзянем, написали обширные научные дискурсы для продвижения своей цели - восстановления конфуцианской китайской нации. Они утверждали, что самой серьезной проблемой для Китая сегодня является не экономическая отсталость или отсутствие политической демократии, а рассеяние национального духа и утрата духовной консолидации нации. Они описали современный им Китай как место, где «более миллиарда душ были лишены духовного руководства и бесцельно бродили» [197, с.34]. И главной причиной было уничтожение конфуцианства и вторжение импортированной идеологии марксизма, «который стал национальной религией под опекой государства» [120, с.76]. И поэтому неоконфуцианцы видели своей основной целью возрождение конфуцианства и замену марксизма национальной ортодоксальной идеологией, питающей национальный дух. Для неоконфуцианцев центром их борьбы с западной идеологией был упор конфуцианства на гармонию против акцента марксизма на антагонизм и борьбу, о которых говорил Маркс: «без антагонизма нет прогресса» [169, с.96].

Конфуцианство же утверждает, что, несмотря на то, что мир дуалистичен, «два составляющих элемента не являются враждебными или несовместимыми друг с другом, и, наоборот, они сливаются в единое целое и мирно сосуществуют во взаимозависимости как гармоничный организм, как в случае с Инь и Ян» [120, с.79]. Кроме того, неоконфуцианцы пытались интегрировать свои философские принципы в современные политические институты и моральное восстановление. Но в этот период их усилия в основном оставались в научных дискурсах, а не в конкретных практиках.

Антизападный культурный национализм, как упоминалось ранее, помимо антимарксизма, был также доминирующей темой в культурном национализме. Антизападные, особенно антиамериканские настроения были показаны в академических дискурсах о массовой коммуникации, культурных и лингвистических исследованиях. По утверждениям культурных националистов, «доминирование западной культуры в международных культурных обменах угрожает культуре развивающихся стран, таких как Китай» [198, с.735]. Они также утверждали, что западная военная колонизация уступила место «электронному колониализму» посредством спутниковых и телевизионных передач [198, с.735-736]. Ли Сюгуан и Лю Кан, два влиятельных представителя..., говорили о том, что «западные страны искренне стремятся превратить Китай в такую страну, как Индия и Мексика» [198, с.736]. Громким заявлением видного деятеля Гуань Шицзе, директора Программы международных и межкультурных коммуникаций в Пекинском университете, стало следующее: «пришло время Западу учиться у Востока.... Конфуцианская концепция универсальной гармонии будет доминирующей в следующем столетии» [198, с.736]. В области

культурологии такие культурные националисты как Чжан Иу и Чэнь Сяомин, которые были первопроходцами, использовали ориентализм Эдварда Вади Саида (в своей книге «Ориентализм» Э.В. Саид обличает западную науку о востоке, которая имеет исторически покровительственные представления Запада о восточном обществе и народах) в качестве своего идеологического оружия для борьбы против вторжения западной идеологии. Они утверждали, что «модернизация Китая со времени Движения 4 мая была интернационализацией ориентализма, развернутого этими западными учеными» [198, с.737], которая не соответствовала китайской культуре. Как решение сложившейся проблемы, культурные националисты предлагали закончить процесс ориентализации и заменить его процессом синизации с нативистским сознанием (нативизм - политика продвижения интересов коренных жителей), в результате чего Китай мог бы наладить равноправный диалог с Западом.

Культурная индигенизация произошла и в языковой сфере, когда в 1990-х культурные националисты выступили против дальнейшего упрощения китайских иероглифов, которое было начато после движения 4 мая 1919 года в период антитрадиционных настроений. Тогда участники движения требовали упростить или алфавитизировать их, чтобы они служили более эффективному государственному образованию для изучения широкой публикой. Систематическая реформа была начата в 1956 году, китайские иероглифы были упрощены, а пиньинь, латинизированная форма символов, использовалась для помощи в изучении языка. Первый этап упрощения китайских иероглифов был направлен на повышение грамотности в Китае. Так появилось два вида китайских иероглифов – упрощенные, которые используются в материковом Китае по сей день и традиционные, которые используются в Тайване, Макао и Гонконге.

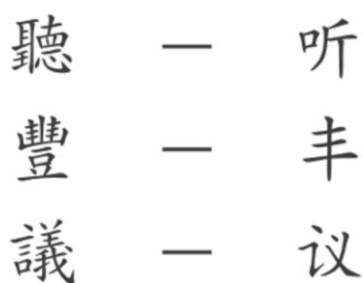

Рисунок 1 - Пример традиционных (слева) и упрощенных (справа) иероглифов [199]

Позднее были инициативы по упрощению, направленные на полное искоренение иероглифов и установление пиньинь в качестве официальной письменной системы КНР. Теперь же, в период роста националистических взглядов, китайский язык стал одним из символов традиционной культуры,

который не нуждается в упрощении и алфавитизации. А последователи национализма «пытаются продемонстрировать, что нецелесообразно и вредно реформировать китайский сценарий в любом случае, поскольку он является продуктом китайского мышления, кристаллизацией «китайской интеллектуальной особенности» и, следовательно, ключевым компонентом национальной идентичности» [120, с.97]. В 2001 году был обнародован первый в Китае Закон о языке и письменности (中华人民共和国国家通用语言文字法), который гласил, что «национальный стандарт устной и письменной речи, упомянутый в этом законе, - это путунхуа и стандартные китайские иероглифы» (Глава 1, Статья 2) [14], а пиньинь «должен использоваться в качестве инструмента орфографии и фонетической записи» (Глава 1, Статья 18) [14]. Что касается традиционных символов, то, согласно закону, они «могут быть сохранены или использованы в следующих случаях:

- 1) культурные реликвии и исторические места
- 2) различные символы в фамилиях
- 3) каллиграфия, вырезание печати и другие художественные произведения
- 4) рукописные надписи
- 5) необходимость использования в издательской деятельности, при обучении и в исследованиях
- 6) особые обстоятельства утверждаются соответствующими департаментами Государственного совета» (Глава 1, Статья 17) [14].

В 2009 году была предпринята новая попытка упростить китайские иероглифы, и языковой орган объявил период открытого обсуждения для получения отзывов от общественности по измененному списку упрощенных символов китайской письменности для дальнейшей стандартизации языка.

条 → 条 茶 → 茶 刹 → 刹
 蜃 → 蜃 褥 → 褥 杀 → 杀

九、本字表以《印刷通用汉字字形表》的笔形变异规则为依据，对《现代汉语通用字表》中与规则不一致的 44 字作了字形微调，调整后的字形如下：

琴、瑟、琵、琶、徵、魅、余、余、寨、衾、巽、撰、馐、嘏、亲、椽、杀、刹、脉、铢、秫、条、淙、绦、鲛、茶、搽、新、薪、杂、寨、惠、瞥、弊、愆、唇、蜃、蓐、潴、缚、褥、褥、蓐、毅

Рисунок 2 - Пример упрощенных иероглифов, представленных для опроса [199]

В данном списке были представлены 44 иероглифа, которые были подвержены незначительной коррекции, например, как показано на рисунке ниже в иероглифе 琴 нижняя горизонтальная черта графемы 王 была заменена на откидную влево:

Рисунок 3 – Пример коррекции иероглифа 琴 [199]

Однако, по мнению Тан Юня, председателя Тяньцзиньской ассоциации каллиграфов, нет необходимости менять китайское письмо, а «лучше сохранять относительную стабильность письма в долгосрочной перспективе» [199]. Еще один из опрошенных, Чжан Цзюнь, отметил, что «такое упрощение китайских иероглифов с помощью небрежных и абсолютно необдуманых набросков, равносильно превращению здорового человека в инвалида» [199]. В результате более 90% опрошенных выразили свой протест и данные изменения были

отменены. С тех пор в официальных документах больше не упоминалось об упрощении или алфавитизации китайского письма.

В целом, все культурные националисты в своих дискурсах разделяли общую тему - отстаивание традиционной культуры в современной политической и культурной жизни Китая и противодействие вторжению разрушающей западной идеологии.

Что касается языковой политики Китая, то, согласно 1 пункту 1 статьи вышеуказанного закона, китайский язык был стандартизирован «с тем чтобы общенациональный устный и письменный язык мог играть более важную роль в общественной жизни и способствовать экономическим и культурным обменам между всеми этническими группами и регионами» [14]. В соответствии с этим пунктом, для продвижения китайского языка, правительство Китая решило отправить в Синьцзян китайцев из разных провинций. Таким образом, китайцы из разных провинций и меньшинства Синьцзяна не имели другого способа общаться друг с другом, кроме как использовать официальный язык. Чтобы сделать более удобным изучение общенационального языка для национальных меньшинств Синьцзяна, мандаринский диалект был введен в начальной школе в качестве второго языка, в дальнейшем они продолжают свое образование в средней школе и университетах только на китайском языке. Это привело к резкому сокращению национального языка в сферах высшего образования и, как следствие, в научной сфере, в результате чего языки национальных меньшинств перестают развиваться, теряя способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции. Из-за этого государственный язык становится более удобным для использования во всех сферах жизни для всех этносов Китая.

Одним из самых больших изменений культурного национализма в новом столетии является то, что он постепенно отбросил свои антимарксистские, антизападные покровы и превратился в чистый «культурный консерватизм», нацеленный на стремление к традиционной китайской культуре. В течение этого периода тема возрождения традиционной культуры была распространена в основном в академических рассуждениях 1990-х годов, где обсуждалась возможность внедрения традиционных культурных мероприятий в повседневную жизнь населения. Примером может служить популяризация конфуцианства в таких мероприятиях, как «чтение классических конфуцианских текстов» среди учащихся начальных и средних школ. Уже в 2005 году в мероприятиях приняло участие более 10 миллионов студентов по всему Китаю. Другим показательным примером служит большая популярность профессора медиа-исследований Ю Дан и ее книги «Понимание «Бесед и суждений»» (于丹 «论语» 感悟) и телевизионного шоу «Что нужно знать о «Беседах и суждениях»» (于丹 «论语» 心得) в 2006 году, цель которых состояла в помощи людям справиться с давлением современного общества посредством понимания конфуцианской мудрости. Ю Дан утверждает, что конфуцианство учит людей не

беспокоиться о статусе или деньгах, а только о своем внутреннем самосовершенствовании. Тираж продажи книги профессора Ю превзошел любые другие книги в истории китайских книг нового времени, начиная с «Красной книги Мао» (хотя на самом деле большинство книг Мао были распространены бесплатно)» [64, с.XV]. Кроме того, традиционная культура также была распространена на китайскую популярную культурную продукцию, такую как сериалы, музыка, телевизионные программы и фильмы.

В качестве примера можно привести большое количество исторических сериалов и фильмов, продолжающее расти и пользоваться популярностью по сей день, в которых используется китайская культурная символика (одежда, утварь, архитектура и пр.), а также показаны исторические события или даже повседневная жизнь простых людей в древнем, средневековом Китае и недавнем прошлом, переживания и ценности которых схожи с современным поколением. Все это сопровождается музыкой на традиционных музыкальных инструментах, которая используется не только в сериалах, кино, передачах и музыкальных концертах, но и на различных фестивалях и праздниках. Также существуют фильмы о современной жизни в Китае, повествующие о дружбе и взаимопомощи между этническими меньшинствами и ханьцами.

Как отмечалось в параграфе 2.1, культурные элементы используются развлекательной индустрией, находя отклик у местного населения как знакомое и родное и направлены на формирование культурной идентичности граждан. Кроме того, сегодня культура также применима и во внешней политике. Примером может служить развитие и популярность развлекательной индустрии Восточной Азии (музыка, кино, телевидение). Южнокорейские звезды К-поп, как отмечает BURO (современный новостной ресурс, посвященный самым актуальным событиям в мире моды, культуры и общественной жизни) вносят свой вклад «в имидж и безопасность страны, который соразмерен исполнению армейского долга» [200]. Так, фанаты по всему миру часто формируют коллективную идентичность, поддерживая идеологию, передаваемую образом звезд [201, с.91].

В настоящее время, вслед за корейцами, свою популярность обретает все более активно развивающаяся китайская индустрия шоу-бизнеса. Песни С-поп часто содержат традиционную народную музыку в сочетании с поп-музыкой. Кроме того, за последние несколько лет большое количество молодых звезд, а также старшее поколение популярных актеров, певцов и ведущих приняли участие в развлекательных программах, направленных также на сплочение нации и повышение национальной идентичности. К примеру, программа под названием «Сражайтесь вместе и побеждайте» (极限挑战) состоит из 12 серий, каждая из которых содержит темы патриотизма, объединения, трудолюбия и взаимопомощи, представленные в развлекательной, игровой форме. Подобный контент имеет еще одна популярная в Китае передача «Продолжай бег» (奔跑吧),

в которой активные игры и конкурсы также несут смысловую нагрузку, например, события, заставляющие вспомнить прошлые достижения страны (первое открытие месторождения нефти, первая победа волейбольной команды на международном уровне и др.) или поучительные назидания о дружбе, социальной ответственности и традиционных моральных принципах. Таким образом, «...культурное истолкование «мягкой силы» – сознательный выбор. Пока Америка несёт в мир свои политические ценности, Китай делает ставку на культуру, вследствие чего их «мягкие силы» оказываются в разных интеллектуальных измерениях» [202].

Помимо развлекательной индустрии, в распространении культуры участвуют различные образовательные учреждения, такие как Институт Конфуция, который сегодня имеется почти во всех странах [203, с.172]. Институты Конфуция, открытые для широкой публики, начиная с 2004 года продвигают китайский язык, а также проводят уроки культуры - от каллиграфии и кулинарии до тай-чи. На фоне нестабильных отношений между Китаем и США, Институт Конфуция подвергался критике и подозрению в шпионаже и распространении политической идеологии Пекина. Однако после годовичного расследования в 2019 году был опубликован отчет GAO (Управление подотчетности правительства США), в котором не удалось найти никаких доказательств. Вместе с тем, в США к Институтам Конфуция по-прежнему относятся настороженно.

Что касается причин, лежащих в основе роста современного культурного национализма в Китае, выдвигаются различные объяснения. Некоторые ученые-модернисты утверждали, что активная манипуляция со стороны китайского правительства является основной причиной распространения культурного национализма. Например, В. Мейснер отметил, что государственное финансирование крупномасштабной исследовательской деятельности и программ по развитию неоконфуцианства в Китае было ничем иным, как использованием конфуцианства китайским правительством в качестве «инструмента противодействия западному влиянию» [59, с.18]. Точно так же Мин Линь и М. Галиковский утверждали, что «конфуцианская традиция была восстановлена властями как важный культурный источник, из которого можно построить новую национальную идентичность» [204, с.160]. Однако такие объяснения явно недооценивают роль массовой общественности (в том числе неправительственных элит и интеллигенции) в росте культурного национализма, предполагая, что простые люди были восприимчивы ко всему, что навязывало им государство, без их собственного чувства усмотрения. Эти исследователи игнорировали то, что население может быть чувствительным или восприимчивым только к ограниченному количеству культурных элементов, которые они и их предки уже определили в прошлом как свои.

Ученые-примордиалисты, напротив, склонны преуменьшать роль партийного государства в культурном национализме. По их мнению, рост

культурной национальной идентичности происходит именно из общих культурных истоков, которые ведут к массовому культурному националистическому движению. Например, Го Иньцзе считает, что культурный национализм представляет собой «идентификацию с нацией, особенно с национальным духом или национальной сущностью» [120, с.17]. Джон Макхем также утверждает, что «убежденность в том, что уникальная культура, связанная с нацией, составляет основу национальной идентичности» и является одной из наиболее важных тем в современном китайско-конфуцианском дискурсе. «Идея о том, что «мысль и культура конфуцианства (儒学、儒家) представляют собой форму культурного выражения, неотъемлемую часть китайской идентичности», была распространена в дискурсе о конфуцианстве в современном Китае и охватывает широкий круг участников - академических и официальных на материке и за рубежом» [205, с.9]. Хотя эти объяснения могли дать некоторые, казалось бы, убедительные аргументы о центральном месте культурной идентичности в построении культурного национализма, они, однако, не объясняли, почему культурная национальная идентичность внезапно укрепилась среди китайской общественности именно в это конкретное время, а не в 1980-е или некоторое время назад, поскольку общие культурные истоки/рамки, в конце концов, существовали с давних времен. Некоторые ученые связывают рост культурного национализма с развитием глобального капитализма. Например, Ариф Дирлик утверждает, что «глобальный капитализм» должен быть главной причиной возрастания степени распространения конфуцианства в Китае, потому что конфуцианство послужило «идеологией, соответствующей его явно новой децентрированной структуре» [205, с.237]. Он связал «конфуцианское возрождение среди китайского населения» с «возрождением в последние годы фундаменталистского национализма или культурного развития» против «евроамериканского идеологического господства в мире», утверждая, что «китайский успех в капиталистическом развитии» показывает, что «конфуцианская этика равна, если не превосходит, «протестантской этике», которой Макс Вебер приписал причинную силу в возникновении капитализма в Европе. «Веберизованное» конфуцианство, в свою очередь, выступает в качестве маркера китайцев независимо от времени и места» [206, 245]. Однако в этом объяснении также есть некоторые недостатки, поскольку оно не может объяснить, почему это культурное движение произошло после 1990-х, тогда как Китай был вовлечен в глобальный капитализм с 1980-х годов.

На этот вопрос отвечает теория Хантингтона о «модернизации и культурном возрождении». Так, согласно этой теории, модернизация в незападных обществах может способствовать возрождению культуры коренных народов, в данном случае традиционной китайской культуры. Для незападных обществ, таких как Китай, столкнувшихся с влиянием Запада, вестернизация на ранней стадии, по утверждению Хантингтона, способствует модернизации. Тогда как на более поздних этапах модернизация способствует де-вестернизации и возрождению

культуры коренных народов двумя способами: на уровне общества модернизация повышает экономическую, военную и политическую власть общества в целом и побуждает людей этого общества иметь уверенность в своей культуре и быть культурно напористой. На индивидуальном уровне модернизация порождает чувство отчужденности и аномалий по мере того, как традиционные связи и социальные отношения разрушаются, что приводит к кризисам идентичности, который может быть преодолен посредством традиционной культуры.

Теория Хантингтона объясняет фактический путь, по которому пошла традиционная культура в Китае с тех пор, как Китай принял политику открытости и реформирования в 1978 году. Первоначально, с 1978 по начало 1990-х годов, вестернизация и модернизация были тесно связаны с тем, что китайское общество впитывало существенные элементы западной культуры и медленно продвигалось к модернизации. И в течение этого периода традиционная культура все еще широко рассматривалась как препятствие для процесса модернизации Китая. Однако по мере роста темпов модернизации, особенно после 1990-х годов, темпы вестернизации снизились, и культура коренных народов пережила возрождение. Это было вызвано тем, что дальнейшая модернизация привела к тому, что китайцы поверили в свою силу, свою страну и в свою культуру, и, в результате, в обществе возродился интерес к традиционной культуре [207].

Таким образом, культурный национализм является естественным результатом экономических, политических и социальных событий, происходящих в нынешнем Китае, который сегодня обостряется еще и ростом процессов глобализации.

Культурный национализм рос не только на уровне нации, но и на уровне этнических групп. Как упоминалось выше, каждая провинция стала изучать свою культуру, что подкрепляло этническую идентичность, которая не совпадала с национальной идентичностью в наиболее отличающихся этносах, таких как казахи, уйгуры, тибетцы и др. А быстрый, но неравномерный экономический рост, породил новое неравенство и возмущение среди меньшинств и большинства населения. Распад СССР в 1991 году и новый цикл этнических волнений привели к серьезному переосмыслению партийной политики [208, с.10].

Как отметил в своей статье китайский политик, председатель комитета по этническим и религиозным вопросам ВК НПКСК (Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая) Чжу Вэйцюн, из-за узкой ориентации на экономическое развитие в прошлом Китай оказался уязвимым перед вмешательством извне, когда «враждебные иностранные силы» получили возможность эксплуатировать этнические настроения и различия, чтобы ослабить и дезинтегрировать Китай [209]. Решение данного вопроса партия увидела в усилении акцента на общности и активном продвижении доктрины «*чжунхуа миньцзу*», то есть китайской нации с общей китайской культурой, отметив, что «китайская культура - это собрание культур разных

национальностей» [36, с.1348]. В своей сентябрьской речи Си Цзиньпин призвал партийных чиновников «посеять семена любви к «чжунхуа» глубоко в душе каждого ребенка» [36, с.1349]. Также Председатель Си отметил, что «культура - это душа нации, а культурная идентичность - это корень национального единства», для укрепления которой необходимо поощрять наследование, защиту и инновации всех этнических культур, устанавливая и выделяя китайские (ханьские) культурные символы и образы китайского народа, как общие для всех этнических групп, а также повышать признание китайской культуры среди людей всех этнических групп.

Сегодня идеологическая работа по формированию культурой идентичности в Китае ведется «по всем фронтам». Школы являются основным «полем битвы» в образовании этнического единства, и партийные чиновники призваны работать над тем, чтобы патриотизм «входил в классные комнаты, поступал в учебные материалы и в умы учеников, чтобы семена национального единства могли укорениться и расцвести в молодежи и учениках всех слоев общества» всех этнических групп [12] (подробнее в 2.1). И эта просветительская деятельность «продвигается во всех направлениях», работа ведется во всех партийных органах, предприятиях, общинах, деревнях, местах отправления культа и в Интернете, где используются технологии больших данных для содействия межэтническому культурному обмену.

Стоит отметить, что культура прошлого всегда имеет политические последствия, когда включается в такую современную категорию, как национальная идентичность. Еще до образования КНР реформаторы Лян Цичао и Кан Ювэй отмечали, что введение западного обучения в плане науки и техники может сделать страну сильной, но и позволить западной культуре расти в Китае достаточно, чтобы подчинить ей страну. Поэтому они выступали за конфуцианскую культуру в борьбе с церковной [121]. Сегодня в Китае никто больше не выступает за «полную вестернизацию» или «полную традиционализацию», так как в условиях глобализации оба варианта нецелесообразны. Так, в своем выступлении на симпозиуме по литературному творчеству 15 октября 2014 г. Си Цзиньпин отметил, что «китайская культура не только придерживается своих корней, но и продолжает идти в ногу со временем», а в докладе на 19-м Национальном конгрессе Коммунистической партии Китая 18 октября 2017 г., разъяснил, что «развивать социалистическую культуру с китайскими особенностями - значит руководствоваться марксизмом, придерживаться точки зрения китайской культуры, опираться на современные китайские реалии и сочетать условия нынешней эпохи для развития национальной, научной, массовой социалистической культуры, стоящей перед модернизацией, миром и будущим». Другими словами, современный китайский культурный национализм развивается в соответствии с формулой «西体中用», которая была предложена учеными 80-х годов - западное обучение как основной принцип и китайское обучение как практическое применение. В этом контексте

западное обучение интерпретируется как современная материальная цивилизация, современные методы научного управления и т. д., включая марксизм, который также был заимствован с Запада. Эта формула требует применения всего этого в сочетании с конкретными китайскими условиями и традициями, например, этикой межличностных отношений, знание и соблюдение которой в китайском обществе является показателем воспитанности.

Таким образом, культурный национализм в современном Китае - это глубоко укоренившийся национализм, подчеркивающий национальный дух и культурные традиции, влияющий на развитие современной политики и культуры. Так, использование культурного национализма в этнополитике КНР, по словам Джеймса Лейболда, сегодня направлен против всякого инакомыслия, представляющего «экзистенциальную угрозу для партии и нации» [208]. В своем выступлении на «Национальной конференции благодарности за национальное единство и прогресс» Си Цзиньпин отметил, что «приверженность к культурной идентичности - это глубочайшая идентичность и создание общего духовного дома для китайской нации», и «призвал к удвоению усилий и к более активной и энергичной роли партии в продвижении процесса слияния и формировании общинного сознания чжунхуа» [36, с.1348] (中华民族共同体意识). Следовательно, провозглашенная Си Цзиньпином «Новая эра» предполагает не только усиление «реализации социалистической модернизации» и «построения благополучного общества» [36, с.1393-1394], но и «новый уровень уверенности в попытках партии построить «духовную родину» (精神家园) для хрупкого политического единства Китая перед лицом глубокого внутреннего сопротивления на периферии Синьцзяна, Тибета и Гонконга» [208]. С этой целью были задействованы такие культурные символы и церемонии как «продвижение «красного туризма», церемоний поднятия флага, памятных мероприятий и празднования традиционных фестивалей и культуры чжунхуа» [208]. При этом, как отмечает Джеймс Лейболд, «этнические меньшинства должны соответствовать ханьским нормам», например, во время празднования китайского Нового года все этносы (включая казахов, уйгуров и тибетцев) должны были есть китайскую новогоднюю еду (пельмени) и носить «ханьскую одежду» (汉服, ханьфу) «во имя сохранения традиционной культуры чжунхуа» [208].

В целях стимулирования культурного возрождения ханьского Китая, в 2003 году, началось Движение Ханьфу [210, с.13], инициированное студентами и распространенное посредством интернета. По утверждению китайских исследователей, ханьфу - это современная концепция, так как в истории, нет данных, указывающих на то, что существовала какая-то конкретная одежда под названием ханьфу, и сам термин объединяет китайскую одежду в целом, стиль которой менялся на протяжении истории. Современные же ханьфу, которые носят участники движения, были смоделированы в современное время и

используются в фильмах и видеоиграх жанра фэнтези. Данное движение вызвало неоднозначную реакцию исследователей. По мнению одних, Движение Ханьфу отражает ханьский шовинизм, который может иметь негативные последствия политизации движения для общества [210, с.13]. Другие же считают, что оно имеет «патриотический оттенок», но «большинство энтузиастов ханьфу в большей степени заинтересованы в моде, чем расовой или ксенофобской мотивации» [68]. Так или иначе, это движение играет свою роль в росте культурной идентичности, доказательством чего является его популярность среди китайцев, живущих за границей [68].

В Китае национализм часто приравнивается к патриотизму и используется как инструмент стабильности и единства. Именно культурный национализм с доминирующей ханьской культурой, по мнению китайских ученых Ма Жуна, Ху Аньгана и Ху Ляньхэ, является лучшим решением этнического вопроса районов Китая с большим количеством национальных меньшинств [211]. В своей статье профессор политологии Д. Скидмор также отмечает, что «в поисках внутренней легитимности правители Китая продвигают нисходящий и все более узкий национализм, основанный на лояльности КПК и приверженности ханьской культуре и самобытности» [211].

Поскольку языковое единство традиционно считалось основой политического единства, путунхуа, также называемый мандаринским, был выбран в качестве стандартного общего языка, широко распространенного центральным правительством, особенно после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. Это политическое решение было направлено сверху вниз и осуществлялось довольно интенсивно не только для развития национального единства, но и для обеспечения эффективного управления и социально-экономического развития, а также для создания централизованной системы образования в Новом Китае. На местном, региональном и национальном уровнях в связи с лучшими возможностями трудоустройства, а также существованием смешанных браков с разными диалектами, росла коммуникативная роль путунхуа. В 2010 году официальная позиция региональных властей продвижения политики «двуязычного образования» для школ во всех районах проживания меньшинств в Китае заключалась в развитии этнического и китайского языков и предоставлении права выбора приоритетного языка в качестве среды обучения. Однако начиная с сентября 2020 года, в школах Китая, включая Тибет, Внутреннюю Монголию и другие районы этнических меньшинств, были введены унифицированные учебники и языком обучения официально стал стандартный китайский язык [212, с.5].

Помимо языка стоит указать на еще один культурный элемент – религию, которая всегда конкурировала с государством за идеологическую власть над людьми. Современную историю конфликта между религией и государством можно найти в официальном документе, опубликованном в 1928 году, который называется «Стандарты сохранения и отказа от богов и святынь» [63, с.108]. Этот

документ стал важной вехой в процессе легитимации одних форм религии и делегитимации других. Некоторым «богам», таким как Конфуций, Гуанди, Лаоцзы и Будда, разрешалось поклоняться, в то время как другие «боги», такие как «бог города» и «бог богатства», были запрещены. Некоторым «богам» было место в храме национализма, а другие «боги» рассматривались как подрывники общей повестки дня государства.

В 1930 году борьба с местными религиями началась с перекалфикации их в суеверия – 迷信, к которым были отнесены некоторые конкретные виды, указанные в правилах по их устранению, а именно «Процедуре отмены занятий гаданием, астрологией, физиогномикой и хиромантией, колдовством и геомантией», «Процедуре запрета и управления суеверными предметами и профессиями» и «Запрете на гадательную медицину» [63, с.110]. Все эти формы «суеверий» связывает общая философия природы, диаметрально противоположная идеологии науки и рациональности, на которой современное китайское государство строило свой авторитет.

Нападки на суеверия продолжались в современном Китае вплоть до коммунистического периода. На XI-ом съезде партии в 1979 году свобода религии была восстановлена только для нескольких санкционированных государством религий Китая - ислама, буддизма, христианства, даосизма, конфуцианства [15], католичества и протестантизма [140]. Все другие формы первобытного поклонения и культы религиозной культуры попадали в категорию суеверия, в которые человек, обладающий элементарными знаниями, не может верить. В целом, кампании против суеверий и местных религий были борьбой за установление центральной власти над местностями.

В современном Китае религиозные пространства часто прочно удерживаются внутри туристических зон экономического развития и это ясно показывает, что священное является вторичным по сравнению с экономическим. Таким образом, религиозная деятельность продолжает подчиняться рациональным, экономическим функциям и становится все более неспособной противостоять моральным или этическим вызовам доминирующим ценностям государства, которые рисуют четкую картину места религии в светском пространстве китайского государства.

В Китае XXI в. почти половина (67%) китайцев являются атеистами. Что касается религиозных китайцев, то они часто исповедуют синкретизм, который состоит из традиционной философской школы конфуцианства и религиозных учений буддизма и даосизма [15]. Школа конфуцианства имеет четкую политическую программу сплочения нации вокруг цели построения богатого и могущественного Китая для обеспечения его национальной безопасности в конкурентной и враждебной международной среде. Акцент буддизма и даосизма на морали, альтруизме и спокойствии и упор конфуцианства на культивировании гражданской добродетели стали частью повседневной жизни китайцев, а также используются в политических целях государства, например, для стимулирования

культурной и политической национальной идентичности. Кроме того, заполняя духовную сферу жизни, они являются мощным противовесом от социальных и моральных недугов современности и постмодерна среди людей.

Таким образом, социальные принципы, продвигаемые тремя философскими течениями, не противоречат принципам Коммунистической партии Китая, которая официально является атеистической. В связи с этим, согласно «специальным инструкциям ЦК КПК по развитию партийных организаций и вербовке членов партии из меньшинств, особенно в Синьцзяне» [99], созданным еще при Мао Цзэдуна, «члены религиозных суеверий, вступающих в партию, люди других этнических групп, которые верят в религию, должны отказаться от своих религиозных убеждений, прежде чем им будет разрешено присоединиться к партии» [99]. Позже кадрам этнических меньшинств, которые присоединились к партии, «не оторванным от масс», было разрешено участвовать в богослужении и вышеуказанное положение было заменено на следующее: «Пока другие этнические группы признают свою веру в коммунизм и готовы бороться за реализацию программы партии, им разрешается вступать в партию» [99]. Однако после 1958 года отказ от религиозных убеждений стал важным условием для принятия в партию [98].

Как отмечает Ли Сяоя, достаточно сложно отличить религиозную деятельность от этнических обычаев и привычек, так как многие религиозные ритуалы глубоко проникли в повседневную жизнь как верующих, так и неверующих [98, с.25].

Например, как указывает автор, такие церемонии как свадьбы, похороны, религиозные праздники и многие другие традиционные церемонии, а также и социальный этикет, вносят дифференциацию в привычки и традиции населения, однако определять религиозные правила (например, никах, талаяк) [16], предписанные для исполнения этих церемоний, как относящиеся к категории «незаконной религиозной деятельности», не стоит, так как в многокультурном обществе нельзя надеяться на полную унификацию.

Управление религиозной деятельностью Синьцзяна влияет не только на верующих, но также, в значительной степени, влияет на этнические отношения и социальную стабильность. В то же время, оно стало важным оценочным фактором для реализации национальной этнической и религиозной политики. В последние годы интенсивность, плотность и жесткость управления религиозными делами в Синьцзяне увеличивались, пространство для законной деятельности сужалось, соответственно постоянно усиливалась политика управления религиозными делами Синьцзяна.

Опасаясь потенциальной угрозы сепаратизма [98, с.32], официальный Пекин в последние годы практикует «профилактику террористической деятельности» в «центрах образования и профессиональной подготовки». Как сообщается в официальном документе на тему «Образование и обучение профессиональным навыкам в Синьцзяне», в связи с тем, что «религиозные экстремистские силы

используют простые религиозные чувства верующих», «произвольно искажают и используют религиозные убеждения, этнические различия и политические идеологические системы» [17] , появилась необходимость «создания образовательных и учебных центров в соответствии с законом, а также систематическое обучение и подготовка стажеров» «для предотвращения частых случаев насильственных террористических актов (инцидентов) и ликвидации рассадников религиозного экстремизма», а также «для достижения социальной стабильности и долгосрочной стабильности в Синьцзяне» [17]. В центре преподают общенациональный язык, юридические знания, среди которых религиозная политика и разъяснение опасности терроризма и религиозного экстремизма, а также проводят профессиональную подготовку для дальнейшего трудоустройства [17]. Таким образом, «официальная причина развертывания системы лагерей – попытка интегрировать мусульман в китайское общество с целью устранить исламский экстремизм в регионе» [213].

Проблема интеграции меньшинств в Китае сегодня является одной из самых обсуждаемых тем и за границами КНР. Большинство зарубежных исследователей причиной создания вышеуказанных центров называют ускорение ассимиляции в целях достижения «китайской мечты» о возрождении китайской нации, которая согласно плану, должна осуществиться в ближайшие несколько десятилетий [214]. В целом, рост культурного национализма как основы культурной идентичности современного Китая сегодня во многом связан с идеями нынешнего Председателя КНР о национальной идентичности и о воплощении в реальность «китайской мечты», что будет рассмотрено более подробно в следующей главе. Здесь же стоит отметить, что несмотря на то, что роль культуры в национальной жизни государства привлекла ученых лишь в конце XX века, когда рост глобализации спровоцировал рост национализма, культура всегда была сильным политическим инструментом, обладающим мягкой силой, который эффективен в продвижении многих идеологий, включая национализм и глобализацию.

3 КИТАЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИДЕОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

3.1 Идеи Си Цзиньпина о национальной идентичности и «китайской мечте»

Большинство стран по всему миру обладают определенной степенью национального и конфессионального разнообразия, что обычно приводит к некоторым общим проблемам, а именно к проблемам соответствия и интеграции в обществе, состоящем из множества различных этнических групп, религий, языков и культур. Существует множество способов решения этих широких и долгосрочных проблем, и разные страны действуют в соответствии с разными идеями и концепциями, выбирают разные пути и разрабатывают разные политические стратегии, системы и нормативные акты.

С момента создания национального государства в Китае проблема национальной идентичности была выделена из-за ее крайней важности в политической жизни страны. Поскольку этнический состав Китая очень сложен, китайская национальная идентичность подвергается сомнению во многих отношениях и существуют некоторые проблемы в автономных районах, где живут этнические группы с сильной религиозной и этнической идентичностью. В целях поддержания социальной стабильности и предотвращения потенциальной угрозы сепаратизма, Коммунистическая партия Китая всегда продвигала идеи равенства, совместного развития и процветания для всех этнических групп Китайской народной республики, представляя их в идеологических лозунгах, концепциях, экономических и политических инициативах и программах.

Претерпевая «периодические политические неудачи, социально-экономические и социально-политические потрясения», Китай перешел «от маоистского «коллективного социализма» к «рыночному социализму» Дэн Сяопина и «трансформировался из полуфеодального и полуколониального общества в современную независимую державу» [215, с.513]. Сегодня Китай «воспринимается одновременно как «экономическая возможность» и как «угроза безопасности» в мировом порядке» [215, с.512]. Поэтому, чтобы показать миру, что Китай нацелен на мирный подъем, Си Цзиньпин объявил о «китайской мечте», как о долгосрочной цели, которая направлена на реализацию процветания страны, возрождения нации и построение взаимовыгодных отношений с внешним миром. В своих выступлениях о «китайской мечте» Си Цзиньпин также несколько раз подчеркивал, что Китай, как великая держава, должен иметь правильное представление и подход к отстаиванию «справедливости» (义) и поиску «интересов» (利) [36, с.944]. Что подразумевает, что, преследуя свои собственные интересы, важно принимать во внимание и других, что иногда может означать отказ от своих собственных выгод ради справедливости и чести. Давая определение сложной концепции,

Председатель подчеркивает, что «мир во всем мире и разделение великой гармонии - это идеалы китайской нации, которые существовали на протяжении тысячелетий», поэтому «китайская мечта» - это мечта о достижении мира», которым дорожит китайский народ, переживший много страданий в прошлом [215, с.513]. Вместе с тем, Си Цзиньпин отметил, что Китай будет придерживаться пути мирного развития, однако никогда не станет отказываться от своих законных прав и интересов и не будет жертвовать основными национальными интересами [215, с.513].

Таким образом, с приходом к власти Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в 2012 году, Китай начал усиление схемы построения и повышения уровня китайской национальной идентичности у своих граждан, взяв курс на осуществление «китайской мечты», главной целью которой стало «великое возрождение китайской нации».

Можно сказать, что сама «китайская мечта» зародилась еще 180 лет тому назад, когда Китай потерпел поражение в борьбе с западным «варваром», а затем и в войне с Японией [215, с.512]. Именно тогда появилась мечта о возрождении былой силы и славы развитой цивилизации и установлении авторитетного положения в мировой политике. Неслучайно Си Цзиньпин впервые представил концепцию «китайской мечты» на выставке «Путь возрождения» в Пекине в ноябре 2012 года, которая была посвящена борьбе за национальную независимость и национальное возрождение Китая от Первой опиумной войны до сегодняшнего дня, с особым акцентом на историю «века унижения» (百年国耻), где Китай подвергся нападкам и издевательствам со стороны иностранных империалистов. Период «百年国耻» начинается с Первой опиумной войны (1840-1842) и заканчивается вместе с окончанием китайско-японской войны в 1945 году.

Резюмируя исторический путь, пройденный Китаем, включая периоды поражения и упадка, до выбора нового пути развития, когда был создан КНР, Си Цзиньпин заключил: «Сейчас мы ближе к цели великого возрождения китайской нации, чем когда-либо в истории, и мы более уверены и способны достичь этой цели, чем когда-либо в истории» [36, с. 69].

После выступления Си Цзиньпина концепция «китайской мечты» стала самой обсуждаемой темой в стране и за рубежом. Постепенно она превратилась в главную стратегическую идею, которая отражает концепцию правящей партии по управлению страной и стала основным политическим дискурсом в Китае сегодня. Профессор Российского университета дружбы народов Ю.В. Тавровский называет «китайскую мечту» долгосрочной стратегией развития или крупномасштабной программой КНР, которая включает в себя такие стратегические концепции, как «Один пояс и один путь», «Управление государством при помощи закона», «Новая норма» [216], а самого Си Цзиньпина – крупным стратегом, который «имеет цельное представление об истории, о современности и о будущем» [141, с.59].

Из выступлений Си Цзиньпина следует, что «китайская мечта» - это, прежде всего, «признание и стремление к ценностям китайской нации» [36, с.211]. В различных выступлениях Председателя и других китайских лидеров общая направленность «китайской мечты» трактуется как достижение великого национального возрождения, делается постоянный упор на национальное единство и партийное лидерство, а также на привлекательный международный имидж страны, выступающей за «мирное развитие» всего человечества.

«Свою программу «китайская мечта» и ее составные части Си Цзиньпин продумывал и готовил вместе с единомышленниками в течение пяти лет пребывания на постах заместителя генерального секретаря ЦК и заместителя председателя КНР (2007–2012)». Основными источниками для формирования идеи Си Цзиньпина о «китайской мечте», национальной идентичности и единстве нации стали:

1) идеологическая система марксизма-ленинизма, идеи Мао Цзэдуна и других лидеров Коммунистической партии Китая, а также философия конфуцианства.

2) личный опыт практики в национальной работе до прихода к власти, а затем и опыт руководства КПК и КНР.

В современном Китае придерживаются теоретической системы социализма с китайскими характеристиками, что означает строго придерживаться марксизма по-китайски. Синизация марксизма или марксизм по-китайски означает, что основные принципы марксизма сочетаются с реалиями Китая. Сейчас Китай придерживается пути противостояния догматизму и фундаментализму, используя марксистские точки зрения, идеи и методы для решения практических проблем китайской революции и строительства, а также содействуя локализации, модернизации и популяризации марксизма. «КПК - это политическая партия, вооруженная марксизмом, а марксизм - это душа идеалов и убеждений наших коммунистов. Чтобы развивать марксизм в XXI веке и современный китайский марксизм, мы должны опираться на Китай, смотреть на мир и идти в ногу со временем» [36, с.1127], - говорит Си Цзиньпин во втором томе своей книги «Си Цзиньпин о государственном управлении». В опубликованной серии важных речей Председателя, предлагающих множество новых идей и стратегий, явно прослеживается китаизированность марксистских философских мыслей. Говоря о пути достижения «китайской мечты», он отмечает следующее: «Мы должны сосредоточиться на практических проблемах реформы, открытости и модернизации Китая, а также на том, что мы делаем, сосредоточиться на применении теории марксизма, сосредоточиться на теоретическом осмыслении практических проблем и сосредоточиться на новой практике и новом развитии» [36, с.43].

Теория марксизма-ленинизма основана на материалистической диалектике, которая предполагает, что вещи универсально связаны, то есть вещи и все элементы вещей влияют и ограничивают друг друга, и весь мир является единым

целым. В соответствии с диалектикой марксизма, КПК намерена создать систему, в которой люди являются хозяевами, и развивать социал-демократическую политику, чтобы отражать волю людей, защищать их права и интересы и стимулировать творчество. В культурном строительстве поддерживается и развивается социалистическая культура - основная система ценностей социализма, культурные инновации и творчество всей нации. Социальное строительство предполагает укрепление и обновление социального управления, улучшение условий жизни людей, продвижение социальной справедливости, чтобы люди могли чувствовать себя более удовлетворенными, счастливыми и более защищенными. Строительство экологической цивилизации - это корень стратегии. КПК пропагандирует гармоничное сосуществование человека и природы, ускорение реформ системы экологической цивилизации, нацеленной на формирование новой модели модернизации для гармоничного развития человека и природы.

Стоит учитывать, что любая теоретическая база должна сочетаться с практикой, то есть любая идеологическая система базируется на реалиях общественной жизни в стране и является ответной реакцией на современные потребности. Поэтому, наряду с марксистской теорией, Си Цзиньпин формировал свои идеи о национальной идентичности и «китайской мечте», руководствуясь личной политической практикой, во время которой он уделял много внимания национальной работе. Так, в июне 1989 года Си Цзиньпин, тогда еще секретарь партийного комитета префектуры Ниндэ (провинция Фуцзянь), после посещения народности Ше (畲族) резюмировал свои мысли по национальным вопросам в статье «Укрепление национального единства. Основы размышлений о проблеме содействия общему процветанию и богатству национальных меньшинств» («巩固民族大团结的基础——关于促进少数民族共同繁荣富裕问题的思考»). В этой статье он систематически представил общую политику, отмечая, что для успешной работы на национальном уровне «нельзя игнорировать такой важный аспект, как национальные меньшинства. ... необходимо глубоко задуматься над несколькими вопросами, касающимися общего процветания и процветания национальных меньшинств». Также Си Цзиньпин отметил, что наличие проблем в этом вопросе часто становится источником социальных волнений и даже политической нестабильности, поэтому «отправная точка и цель - укрепление основ национального единства», которое, «будь то в прошлом, настоящем или будущем, является обязательной гарантией социалистического строительства» [34].

В качестве стратегической борьбы с бедностью, а также для того, чтобы осуществить социалистический принцип равенства, Си Цзиньпин выделил «ускорение экономического развития районов проживания этнических меньшинств и предоставление им возможности догнать или приблизиться к уровню развития народности хань». С этой целью он предложил повысить

производительность, развивать ресурсы и открывать рынки в соответствии с местными особенностями, то есть сочетать рынок, технологии и ресурсы с характеристиками горных районов этноса Ше. Таким образом, изучив и проанализировав проблему бедности в Ниндэ, Си Цзинпин выдвинул два пути для ее решения:

1) «Двустороннее открытие» - одновременное открытие внутрь и наружу. С одной стороны, активно участвовать в рыночной конкуренции в регионе и в экономически развитых прибрежных районах, укреплять внешние и внутренние связи, активно внедрять информацию, капитал, технологии и таланты; с другой стороны, активно участвовать в международном рынке и стремиться к развитию экспортно-ориентированной экономики, которая будет способствовать общему экономическому развитию региона.

2) «Двустороннее развитие» - одновременное развитие ресурсов и рынков. Энергично осваивать природные ресурсы региона, открывать связанные с ними перерабатывающие и третичные отрасли промышленности, способствовать развитию сельской сырьевой экономики; необходимо развивать рынки, открывать каналы товарооборота и стремиться развиваться в соответствии с потребностями рынка, что будет способствовать созданию новых рабочих мест в регионе [34].

«Для выработки оптимальных решений» Си Цзиньпин ввел «новую систему взаимоотношений партийного аппарата с населением под девизом «идти в низы»» [141, с.40], которая предполагала прием жалоб и предложений от людей, постоянный мониторинг экономической и политической ситуации, регулярные совещания и активную политико-пропагандистскую работу, то есть тесную совместную работу властей с народом. Таким образом, укреплялось «доверие общества к органам власти», которое является основой политической идентичности населения.

После перевода в город Фучжоу (провинция Фуцзянь) в 1990 году Си Цзиньпин продолжил работать с национальными меньшинствами, что содействовало постоянному развитию его национальных идей. В январе 1993 года, с одобрения комитета префектуры Ниндэ и административного управления, в данном районе была создана зона национального экономического развития.

В 1994 году в 6 номере журнала «Фуцзяньские меньшинства» он опубликовал статью «Мы должны поставить экономическое развитие на первое место в регионах проживания меньшинств и продвинуть реализацию этнической политики на новый уровень» («搞好民族地区经济工作，开创我市民族工作新局面»), где он указал, что «экономическое развитие этнических районов напрямую связано с модернизацией всей страны», отметив, что «реализация амбициозной цели строительства социализма... это не только экономический вопрос, но и политический» [35].

Как известно, провинция Фуцзянь имеет выгодное географическое расположение как исторический центр торговли Морского Шелкового пути [141, с.38], а также соседствует с «азиатским тигром» Тайванем [141, с.43], откуда приезжало большое количество «заморских китайцев» - хуацяо [141, с.38]. Патриотические чувства хуацяо помогли приморским провинциям Китая, одной из которых является Фуцзянь, встать на ускоренный путь развития, и благотворительное строительство школ, больниц и дорог постепенно превратилось в бизнес-строительство небольших фабрик, торговых компаний, а затем и крупных банков [141, с.39], способствуя развитию мелкого и среднего бизнеса и экономики в целом.

В течение своего 17-летнего пребывания в провинции Фуцзянь Си Цзиньпин всегда придерживался линии национальной работы по борьбе с бедностью национальных меньшинств, их обогащению, развивая идеологию национального единства. Он сосредоточился на диалектических отношениях между национальным развитием и единством, используя развитие для решения национальных проблем, а также общее процветание для укрепления основы национального единства. Это, в свою очередь, положило начало формированию идеи национального единства и идентичности, а также «китайской мечты» в будущем.

На 17-м съезде КПК в 2007 году Си Цзиньпин был избран в состав «деяти членов Постоянного комитета Политбюро ЦК, коллективного руководства партией и страной» [141, с.52], а «также вошел в Секретариат Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и по совместительству стал ректором партийной школы ЦК» [141, с.52]. Так начался подготовительный процесс к избранию в председатели КНР, одним из испытательных заданий которого стала подготовка и проведение Олимпийских игр 2008 года в Пекине. Эти Игры, как отметил британский исследователь международных отношений К.Р.Хьюз, стали олицетворением современности, китайских традиций и национализма, что нашло свое отражение во время церемонии открытия Олимпийских игр 2008 года в шоу с использованием цифровых технологий [71, с.74].

«Спорт - это безошибочная призма, через которую национальные государства проецируют свой имидж на мир и на свой собственный народ», более того, достижения в спорте могут повлиять на «образы национальной идентичности и самоуважения» больше, чем может себе представить политика» [70, с.2]. Так, Олимпиада стала не только возможностью для объединения нации и продвижения национального имиджа, но и позволила Си и другим китайским лидерам продемонстрировать историю глобального успеха Китая, а также изложить политическое видение будущего Китая по отношению к внешнему миру. Если проанализировать слова песни, написанной Линь Си и Сяо Кэ и исполненной сотнями звезд на церемонии открытия игр, то становится очевидным позиционирование Китая как страны, где сбываются все мечты, страны будущего [217, с.16]. Став событием, предшествующим этому будущему

прежде всего для Китая, событием, сделавшим Китай ведущей спортивной державой в мире, возглавляющей таблицу олимпийских медалей на соревнованиях в 2008 году, Олимпийские игры в Пекине позволили китайскому правительству подчеркнуть свою исключительную силу и таким образом показать свою роль хранителя китайской национальной идентичности.

29 ноября 2012 года, после 18-го съезда партии, когда Си Цзиньпин стал высшим партийным и государственным лидером, он официально выдвинул идею «осуществить великое возрождение китайской нации, величайшую мечту китайской нации нового времени» [36, с.69, с.275]. Руководствуясь этой идеей, партия и государство продолжают осуществлять задачи политики «реформ и открытости», сосредоточивая свои усилия на построении «среднезажиточного общества», «обогащении национальных меньшинств и избавлении от нищеты». При Генеральном секретаре Си Цзиньпине новое партийное центральное руководство провело углубленный анализ положения дел в районах проживания национальных меньшинств, неоднократно созывало заседания Политбюро Центрального комитета и проводило постоянные заседания Госсовета, детально обсуждая и организовывая национальную работу, подчеркивая ориентир на строительство умеренно процветающего общества, охватывающее все народы страны без исключения [36, с.50, с.1513, с.580].

Объясняя путь реализации «китайской мечты», Си Цзиньпин сказал: «Чтобы реализовать китайскую мечту, мы должны идти по китайскому пути, мы должны продвигать китайский дух и объединять китайскую мощь» [36, с.73]. Как отмечает Ю. Тавровский, Си Цзиньпин стал первым руководителем Китая, который поставил долгосрочную стратегическую задачу перед всей китайской нацией с самого начала своего правления [141, с.67], нарушив неписанное правило партийной элиты не оглашать новые концепции до «проведения экспериментов и успешного применения на практике» [141, с.68]. Однако «китайская мечта» включает в себе главную цель всех предыдущих концепций – «чтобы жизнь стала лучше» [141, с.72], эксперименты и практика которых могут быть включены в копилку ее теоретической основы. К тому же, возрождение китайской нации позиционируется ни как ханьская мечта, ни как мечта любой другой определенной этнической группы, а как общенациональная мечта, которая несет в себе интересы каждой из 56 этнических групп по всей стране, а также общий идеал, к которому они стремятся. Данная концепция также направлена на усиление социальной сплоченности, которое занимает видное место в китайском политическом дискурсе.

Таким образом, «китайская мечта» Си Цзиньпина совпадает с идеями старого поколения революционеров о содействии национальному единству. Так, Дэн Сяопин также говорил, что единство народов страны способствует «достижению цели общего развития и процветания всех этнических групп, что, в свою очередь, сближает их еще сильнее» [32, с.303-304]. А идеологической основой китайского национального единства являются идеи марксизма, среди

которых стоит упомянуть укрепление «четырех идентичностей» (идентичность родины, идентичность китайской нации, идентичность китайской культуры и идентичность социалистического пути с китайскими характеристиками).

На втором Центральном Синьцзянском симпозиуме, состоявшемся в мае 2014 года, Си Цзиньпин подчеркнул: «Хорошая национальная работа требует от людей всех этнических групп укрепления их признания великой родины, китайской национальной идентичности, китайской культурной идентичности и признания социалистического пути с китайской спецификой» [23].

Ориентируясь на постоянное укрепление признания китайской национальной идентичности народами всех этнических групп, КПК стремится поддерживать национальное единство. Си Цзиньпин отметил, что необходимо «привести массы всех этнических групп к тому, чтобы твердо установить правильное представление о родине, истории и нации» [36, с.1349]. Правильное представление о родине означает, что необходимо учитывать основные национальные условия Китая как единой полиэтнической страны. Объединение страны - это реальность нынешних национальных условий, а полиэтничность - главная особенность, а также главный фактор развития Китая. Только понимая эти условия, можно понять национальные условия, и «придерживаться сохранения национальной идентичности и единства как высших интересов всех национальностей» [36, с.1347].

«Правильный взгляд на историю» заключается в том, чтобы рассматривать Китай как единую полиэтническую страну, сформировавшую в период династии Цинь модель «великого объединения». В течение тысячелетий этносы Китая сознательно поддерживали единство и территориальную целостность родины, и даже в самый критический момент, когда крупные державы пытались превратить Китай в колонию, они по-прежнему защищали национальный суверенитет и национальное достоинство. Такое видение своей истории культивирует тенденцию к демократическому единству.

Что касается «правильного представления о нации», то оно заключается в понимании того, что население Китая содержит большой процент ханьцев и большое количество этнических меньшинств. Хотя районы этнических меньшинств относительно отстают от общенационального уровня развития, они имеют свои уникальные региональные преимущества. Поэтому развитие ханьцев и национальных меньшинств фактически очень хорошо дополняют друг друга, что также является сутью идеи «трех представительств» Цзян Цзэминя. Си Цзиньпин также отметил, что при установлении правильного национального взгляда Китай должен «решительно противостоять ханьскому национализму и узкому национализму и сознательно защищать высшие интересы страны и национальное единство» [36, с.1349].

Содействие национальному единству путем укрепления национальной идентичности Китая было постоянным регламентом страны на протяжении

многих лет. В 1939 году Коммунистическая партия Китая сформулировало научное объяснение и определение китайской нации следующим образом:

«Население Китая составляет сорок пять миллионов человек, образуя китайскую нацию. Китайская нация включает в себя ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй, тибетцев, мяо, яо, фан, десятки этнических групп, таких как ли и йи, которые являются самыми трудолюбивыми и миролюбивыми нациями в мире. Китай является полиэтнической страной, а китайская нация - это общий термин, представляющий все этнические группы в Китае» [92, с.483].

Сегодня «китайская нация» включает 56 этнических групп, что часто подчеркивается как в школьных учебниках и СМИ страны, так и в выступлениях китайских руководителей. Так, после 18-го Национального конгресса Си Цзиньпин выступил с речью об общих характеристиках основных политических вопросов национальных отношений Китая, касающихся национальной работы в будущем. В этой речи понятие «китайская нация» (中华民族) чаще использовалось для замены «китайцев всех этнических групп» (中国各族人民) и «китайцев всех национальностей» (中国各民族). Такой акцент был сделан Генеральным секретарем Си Цзиньпином для укрепления идентичности китайской нации, воспитания в обществе понимания судьбы китайской нации, «построенной на общем историческом происхождении, общих реальных интересах и общем видении будущего» [218]. Говоря о концепции «китайской нации», Си Цзиньпин отметил: «Китайская нация - это сообщество с общей судьбой, славой и потерями». Интерпретация Си Цзиньпином китайской национальной идентичности с точки зрения сообщества судьбы заключается в расширении применения концепции от области дипломатии к сфере национального единства. Си Цзиньпин далее отметил: «У всех наций [Китая] есть будущее и надежда только в том случае, если они тесно свяжут свою судьбу с судьбой китайской нации» [219, с.27]. Это значит, что 56 этнических групп в Китае могут достичь своих надежд, если они интегрируют свое процветание и развитие в борьбу и стремление к великому возрождению китайской нации.

В качестве средства «объединения людей» для достижения «китайской мечты» выступает китайская культура. Согласно замечанию члена Политбюро ЦК КПК, секретаря секретариата ЦК КПК и министра отдела пропаганды ЦК КПК Лю Юньшаня, «культура - это не только важное средство содействия социальному развитию, но и важная цель цивилизации и прогресса», и, кроме того, «это духовная связь, которая объединяет людей» [220]. Отметив, что «китайская культура - это интеграция культур разных национальностей» [36, с.822], Си Цзиньпин указывает на три смысловых уровня, которые содержатся в этом понятии:

- 1) культура 56 народностей Китая представляет собой китайскую культуру
- 2) в интеграции культур разных национальностей нет превосходства и неполноценности, а есть реализация принципа национального равенства

3) так называемая «интеграция» подчеркивает органическую целостность китайской культуры

Также Си Цзиньпин считает, что «нельзя допустить, чтобы этнос отождествлял себя только со своей культурой, необходимо, чтобы каждый этнос признавал китайскую национальную культуру наравне со своей собственной культурой, не ставя их в противовес друг другу» [219, с.27], и «нельзя приравнивать ханьскую культуру к китайской культуре, игнорировать культуру меньшинств, исключать свою национальную культуру из китайской культуры и не признавать китайскую культуру» [219, с.257]. Наконец, Си Цзиньпин говорит: «Процветание и развитие культур разных национальностей должны осуществляться на основе укрепления признания китайской культуры и правильного взгляда на историю нашей нации.., продвигать и защищать традиционные культуры разных национальностей не означает оставлять их полностью неизменными. Необходимо приложить все усилия, чтобы совершенствовать их, вводить новшества и стремиться к достижению творческих преобразований и инновационного развития» [219, с.257]. «Достигать творческих преобразований и инновационного развития» означает использовать внутреннюю согласованность национальной культуры и основных социалистических ценностей в рамках основной позиции марксизма и продвигать передовой контент в национальной культуре.

Таким образом, правительство Китая в лице Си Цзиньпина уделяет большое внимание национальному единству и признает укрепление китайской национальной и культурной идентичности его важным элементом. Стратегии китайских лидеров по построению единого китайского общества основаны на реализации принципа национального равенства в культурной сфере, что призвано позволить людям всех этнических групп понимать и уважать культуру других этнических групп и укреплять национальное единство. Признание и пропаганда китайской культуры направлена на то, чтобы помочь всем этническим группам интегрироваться в единую «семью» китайской нации. Можно сказать, что китайская культурная идентичность является основой «четырёх идентичностей».

После выступления Председателя Си интернет-пользователи начали сравнивать китайскую мечту с американской мечтой - набор идеалов включает в себя возможность для процветания и успеха и повышение социальной мобильности, которые достигаются за счет тяжелой работы каждого. Быстрый рост экономики Китая позволяет новому среднему классу, как и американцам, мечтать о символах успеха и достатка - одежде, домах, мебели, автомобилях, компьютерах, мобильных телефонах и т.п. [221, с.13] Принцип равенства этнических культур соответствует духу американской Декларации независимости, которая провозглашает всех людей равными и наделенными определенными неотъемлемыми правами. Однако, китайская мечта в том виде, в каком она сейчас обсуждается, - это, скорее, видение самой долгой цивилизации

в истории, занимающей свое место в мире, в поисках версии китайского исключительного положения, которая будет направлять страну и людей на выполнение своей коллективной судьбы.

Вместе с тем, стратегии китайских лидеров по построению единого китайского общества путем формирования и развития национальной идентичности представляют собой неотъемлемый аспект китайского политического мировоззрения и глубоко влияют на взаимодействие современного Китая с остальным миром. Как говорится в одном исследовании публичной дипломатии Китая, «Китаю еще не удалось создать имидж ответственной великой державы» [69, с.57].

Британский синолог К. Браун говорит, что китайская мечта перекликается с американской мечтой в том, что она выступает в качестве своего рода культурного противовеса. Вместе с тем, как отмечает Браун, это видение загрязнено ощущением, что новая политическая элита, отчаянно нуждающаяся в поддержке со стороны общественности, имеет мало средств, чтобы завоевать доверие людей, кроме как через призывы к национализму и обогащению. Ряд китайских исследователей также сетовали на отсутствие социального доверия в китайском обществе не только по отношению к правительству, но и к «чужим», то есть ко всем тем, кто не входит в семью отдельного индивида [122, с.107; 222]. Поэтому, как утверждает исследователь Китая Кингсли Эдни, чтобы укрепить положение Китая в мире, Коммунистическая Партия должна сначала способствовать сплоченности внутри страны. А концепция Си Цзиньпина о «китайской мечте» не только представляет коллективные национальные чувства большинства, но и является идеологической концепцией, призванной объединить КПК с китайским народом. В этом отношении можно утверждать, что китайская мечта содержит в себе усилия по формированию китайской национальной идентичности, которые тесно переплетаются с тем, как китайские лидеры стремятся создать некую социальную сплоченность внутри китайского общества, а также она символизирует стремление продемонстрировать и подчеркнуть достоинства Китая перед внешним миром и улучшить его национальный имидж, особенно во взаимозависимости со способностью граждан идентифицировать себя с чувством общей судьбы в отношении будущего Китая. Таким образом, основной аргумент, как представляется, заключается в том, что КПК должна руководить китайской нацией в достижении цели национального возрождения - «только КПК может возродить Китай» [223], а китайцы должны быть патриотичными и реализовывать свои индивидуальные мечты через реализацию национальной мечты. Поэтому национальная идентичность сосредоточена на партии и продвигается государством.

В целях реализации мечты об обновленном и сплоченном Китае, сегодня КПК опирается на исторические методы интеграции и ассимиляции, о которых упоминал в свое время Лян Цичао, а затем и Фэй Сяотун, выделяя их как естественный процесс формирования плюралистической китайской нации. В

связи с приближением юбилейных дат, согласно плану осуществления «целей двух столетий», в последние годы меры по ассимиляции были заметно ускорены. Наиболее репрезентативным является Синьцзян-Уйгурский автономный район, расположенный на северо-западе Китая на границе с Пакистаном, Афганистаном и Центральной Азией, где, в результате периодических вспышек беспорядков в прошлом, региональная стабильность стала стратегическим императивом. Это привело к усилению надзора и контроля над населением региона и задержанию более миллиона человек, относящихся к мусульманским меньшинствам СУАР, для дальнейшего «перевоспитания», для стабилизации и защиты региона и населения от неблагоприятного внешнего влияния других мусульман и родственные группы из соседних государств Центральной Азии и Ближнего Востока.

Как отмечает австралийский исследователь политики и международных отношений Анна Хайес, ««Один Пояс - Один Путь» официально считается возрождением старых сетевых торговых маршрутов, которые с давних пор известны как Шелковый путь (новый экономический «пояс» Шелкового пути) и старых сетевых торговых сетей в Индийском океане («Морской шелковый путь»)» и через который «Си надеется полностью реализовать Китайскую мечту» [74, с.5] по «превращению Китая в «богатую, сильную страну», конкурирующую с западными державами» [74, с.2]. СУАР же является стратегически важным регионом в плане осуществления «китайской мечты» посредством инициативы «Один Пояс - Один Путь». Здесь «производится ряд товаров и продуктов, которые затем включаются в готовую продукцию в Китае. СУАР производит более 20 процентов мирового хлопка. Он также является третьим по величине производителем кашемира в Китае, а Китай - крупнейшим производителем кашемира в мире» [75]. «Другие отрасли также могут зависеть от компонентов или сырья из этого региона» [75]. К примеру, этот регион «является важным источником редкоземельных металлов, используемых в бытовой электронике и авиации» [75]. Кроме того, Синьцзянь соединяет Китай со странами Экономического пояса Шелкового пути и его «открытие» для этих стран, среди которых есть мусульманские государства, в некоторой степени повлияло на усиление интенсивности мер по предупреждению и устранению предположительного кризиса безопасности [74].

События в данном регионе вызвали противоречивые взгляды и стали обсуждаться внутри страны и за рубежом. Как отмечает доцент Кроуфордской школы государственной политики Австралийского национального университета Бен Хиллман, СМИ Китая «представляют Синьцзян как рассадник терроризма, а уйгуров и другие мусульманские меньшинства - как неблагодарных получателей государственной щедрости» [78], а меры по задержанию и наблюдению за мусульманскими национальными меньшинствами интерпретируются как борьба против ««трех злых сил»: этнического сепаратизма, религиозного экстремизма и жестокого терроризма» [78]. В то время как зарубежные СМИ больше

рассматривают вопрос ущемления прав человека и неприемлемость существования лагерей по принудительной ассимиляции [78]. В любом случае, будь то агрессивная культурная ассимиляция или же решительная «контртеррористическая» кампания, с большей вероятностью подобные действия могут привести к усилению негативной реакции со стороны исторически маргинализованного уйгурского меньшинства. Кроме того, «это привело к росту критики в адрес Пекина со стороны Ближнего Востока» [74, с.11].

Однако со временем выступления против Китая со стороны мирового сообщества сошли на нет, что объясняется растущим глобальным экономическим влиянием КНР. Согласно «China Daily», последний защитник прав китайских мусульман, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган во время государственного визита в страну летом 2019 года «резко осудил сепаратистов в Синьцзяне», отметив, «что люди всех национальностей в Синьцзяне живут счастливой жизнью на фоне развития и процветания Китая» [224]. И, несмотря на то, что турецкие «официальные лица заявили, что турецкий президент должен был быть процитирован так, что Турция «надеется, что народы китайского Синьцзяна будут жить счастливо, в мире и процветании»» [225], смена риторики Анкары в отношении «уйгурского вопроса» очевидна. По сообщению новостной компании США «Голос Америки», «министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу сказал репортерам, что «мы поддерживаем единый Китай», подчеркнув при этом желание Турции, чтобы уйгуры имели свои полные права». Также министр отметил, что «есть страны, которые используют эту тему против Китая. Мы не присоединяемся к их пропаганде» [79].

В рамках осуществления «китайской мечты», «в мае 2010 года китайское правительство сделало Кашгар особой экономической зоной» [74, с.9] и значительные средства СУАР, в частности в юго-западный район, что значительно улучшило инфраструктуру и уровень жизни в целом [74, с.8]. Результатом этого стало «необычайное развитие и модернизация наряду с повсеместным разрушением традиционного образа жизни уйгуров» [74, с.9], а также ростом недовольства этнических меньшинств региона в связи с «неравенством в уровне благосостояния среди населения» [74, с.9].

В свою очередь Пекин видит причину неравномерного развития населения региона в низком уровне владения государственным языком, а также в «отсутствии профессиональных навыков и трудностях с трудоустройством» [17]. Согласно официальным данным, «лагеря по перевоспитанию» и были созданы для решения проблем безопасности и общественного развития [17].

Эта политика направлена на достижение долгосрочных «четырех всеобъемлющих» (四个全面) задач «китайской мечты», на которые впервые Си Цзиньпин указал во время интервью в Цзянсу в декабре 2014 года и которые затем неоднократно упоминались в различных выступлениях Си. Концепция «Четыре всеобъемлющих» предназначена структурировать и конкретизировать предложенную «мечту», которая включает в себя:

- 1) всестороннее построение среднезажиточного общества (全面建成小康社会)
- 2) всестороннее углубление реформ (全面深化改革)
- 3) всестороннее продвижение управления страной в соответствии с законом; обеспечение законности в государственном управлении (全面依法治国)
- 4) всестороннее соблюдение строгой партийной дисциплины (全面从严治党)

Еще больше содержание «китайской мечты» Си Цзиньпина раскрывают цели, намеченные к двум столетним юбилеям, а именно построить среднезажиточное общество (小康社会) к 2021 году - к столетию со дня основания Коммунистической партии Китая, и превратить Китай в богатое и могущественное социалистическое государство (富强的社会主义国家) к 2049 году - к столетию со дня образования Китайской Народной Республики. Цели «двух столетий» (两个一百年目标) имеют два направления: для международной аудитории «китайская мечта» в основном представлена как проект по превращению Китая в мирную, богатую и могущественную страну (国家富强), которая также берет на себя международную ответственность, тогда как, если аудитория является внутренней, то «китайская мечта» скорее представлена как проект внутреннего развития и прогресса - национального строительства и национального укрепления.

Чтобы лучше понять видение Китаем своей современной национальной идентичности, необходимо обратиться непосредственно к размышлениям и идеям по этому поводу нынешнего председателя КНР, которые были представлены в его книге «Си Цзиньпин о государственном управлении». Как отмечает Заместитель министра пропаганды Китая, советник Китайской Интернет-ассоциации Цай Минчжао, эта книга служит для «лучшего объяснения концепций развития Китая, пути развития, а также внутренней и международной политики, и как ответ на беспокойство» [36, с.7], то есть растущий интерес и озабоченность международного сообщества, связанный с ростом влияния Китая на мир.

Внешнеполитическое содержание этой книги охватывает основные официальные принципы, политику и практику, большинство из которых появилось еще до «эпохи Си Цзиньпина» (习近平时代), отражая основные приоритеты внешней политики китайского правительства на протяжении, по крайней мере, всего периода реформ, начиная с конца 70-х годов:

- мирное экономическое развитие – «мирный подъем»
- приверженность углублению экономических реформ
- расширение участия Китая в международной системе

- «беспроигрышное» сотрудничество с соседними странами на основе «дружбы, равенства, искренности, взаимности и инклюзивности» и «совместной безопасности»

- мирное разрешение споров между странами посредством диалога
- оппозиция враждебному подходу «экспансионизма» и «гегемонизма»
- уважение к разным социальным системам и путям развития и невмешательство во внутренние дела других стран и др.

Подтверждая вышеупомянутые особенности внешней политики Китая, Си Цзиньпин привносит новые элементы или придает новые акценты, формулировки или определения «философии развития Китая, его пути развития, а также внутренней и внешней политики» [36, с.7]. Например:

- отказ от какой-либо универсальной модели развития
- сочетание стремления к мирному развитию и стабильности с утверждением решительной защиты основных интересов Китая, сосредоточенных на суверенитете и территориальной целостности, безопасности и развитии
- выдвижение новой стратегии крупномасштабного межконтинентального экономического развития - концепции «Один пояс, один путь»
- среднесрочные и долгосрочные цели развития («Две цели столетия», связанные с новой концепцией «Китайской мечты» и направленные на создание сильного и богатого Китая)
- совместная борьба с терроризмом и обеспечение мировой безопасности, в том числе кибербезопасности
- поддержка отношений сотрудничества между крупными державами посредством принятия новой концепции: «Новая модель отношений между крупными странами»
- акцент на долгосрочном мирном развитии через поддержание позитивных и выгодных отношений с внешним миром и др.

Данные нововведения или улучшения во внешней политике Китая, как указывалось выше, отражают более активный и настойчивый подход Си Цзиньпина к роли Китая в мире. Делая акцент на положительной функции более сильного Китая в продвижении и сохранении мирной внешней среды, Си Цзиньпин подчеркивает выгоды для других, вытекающие из сотрудничества с Китаем, а не угрожающие аспекты.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия, а вместе с ней и китайская национальная идентичность, сменилась с предложенной Дэн Сяопином «держаться в тени, не выпячивать себя» (韬光养晦) на «упорно трудиться и показать себя» (奋发有为), что демонстрирует переход Китая к более активной позиции в международных делах [37, с.71]. В качестве активного игрока международных отношений Китай предлагает «Новую модель отношений между крупными странами» (新型大国关系), известную также под названием «Новый путь дипломатии крупных стран с китайскими особенностями» (中国特色大国外

交新征程), основанную на взаимовыгодном сотрудничестве, которое подразумевает, с одной стороны, совместное решение региональных и глобальных проблем, а с другой - взаимное невмешательство во внутренние дела [226]. Профессор теории международных отношений Ян Сюэтон считает, что этот тип дипломатии больше фокусируется на получении политической поддержки, а не на экономических выгодах [37, с.72].

Однако, когда Китай видит в «новом типе дипломатии» независимость и избежание конфликтов и конфронтации, многие страны относятся к этому с некоторой долей подозрения в претензии Китая на гегемонию и продвижение своего политического мировоззрения.

В книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» Председатель Си дает объяснение положительных и отрицательных сил, которые, по его мнению, делают эту новую модель межгосударственных отношений своевременной и необходимой. Во-первых, он указывает на все более многополярную и мирную модель международного роста и развития, «когда страны связаны друг с другом и зависят друг от друга на невиданном ранее уровне», тем самым создавая «сообщество общей судьбы» [36, с.347]. Во-вторых, он ссылается на растущее число региональных и глобальных трудностей и вызовов, для решения которых требуется сотрудничество, от финансовых кризисов до протекционизма, «неоинтервенционизма» и «сети традиционных и нетрадиционных угроз безопасности, таких как гонка вооружений, терроризм и кибербезопасность» [36, с.347].

Однако, как отмечает американский теоретик политики и международных отношений Г. Дж. Икенберри, существующий международный порядок является своего рода договоренностью, которая основана на роли международных институтов как способных «различными способами связывать государства вместе, ограничивать действия государств и создавать сложные и требовательные политические процессы», благодаря чему «государства-участники могут преодолеть опасения по поводу произвольного и неправомерного использования власти» [227, с.53]. Кроме того, изменения в существующем международном порядке с учетом интересов и предпочтений Китая, как крупного игрока в мировой политике, вызывают опасения и серьезные дискуссии среди ученых и практиков в области международных отношений. Те, кто настороженно относится к намерениям Китая, утверждают, что конфуцианская культура (которая призывает к проявлению гуманности) действует, чтобы замаскировать китайскую реальную политику и экспансивную стратегию [111, с.ХІІІ]. Другие воспринимают историю Китая, окрашенную конфуцианской культурой, в значительной степени мирной, ценности которой более близки и понятны для восточноазиатских стран, что делает для Китая возможным доминирование в этом регионе. Вместе с тем, влияние Запада на сегодня по-прежнему велико, так как западные ценности слишком распространены и приняты во всем мире, в том числе и в самом Китае [228, с.169-

171]. Так или иначе, по словам Роберта Гилпина, любое изменение в международной системе неизбежно также будет отражать «новое распределение власти и интересы ее новых доминирующих членов» [229, с.9].

Си Цзиньпин в своих выступлениях, отчасти в целях заверить другие страны в период растущей обеспокоенности, заявляет, что экономика Китая останется сильной и стабильной, открытой для внешней торговли и инвестиций и будет поддерживать региональный рост за пределами Китая. Замечания Си представляют информацию о его общей решительной поддержке открытой и недискриминационной многосторонней торговой системы во всем мире, более глубоких экономических реформ в Китае и его стремлении сделать глобальное управление более справедливым, выступая против «гегемонистских» политик и действий, ориентированных на власть [36, С.63, с.858].

Подводя итоги, можно заметить, что политические элиты КПК, под руководством Си Цзиньпина, сосредоточили свое внимание на укреплении национальной идентичности, призванной усилить поддержку режима населением и помочь руководству в поддержании стабильности внутри страны, одновременно создавая образ последовательного международного игрока за рубежом [230, с.15]. Таким образом, очевидна взаимосвязь между внешним и внутренним измерениями в построении национальной идентичности под руководством государства, которые отражены в «китайской мечте», направленной и во внутрь - «возрождение китайской нации» и во внешний мир - построение «сообщества единой судьбы человечества». Воплощение «китайской мечты» подразумевает «возвращение» исторического положения Китая, «стоявшего на вершине иерархии» [228, с.2], что зависит от многих аспектов, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

В целом, как отмечает китайский дипломат У Цзяньминь, «китайская мечта» имеет три особенности:

1) Крупномасштабность – развитие Китая подразумевает развитие более 1,300 миллиардов человек

2) Широкое поле - модернизация Китая охватывает все сферы жизни всех слоев общества

3) Глобальность – помимо иностранцев, которые приехали в Китай «осуществить свои мечты», модернизация Китая и его внешней политики как «сверхдержавы» (один из пунктов «китайской мечты») несомненно будет иметь влияние на международные отношения и развитие.

Таким образом, идея «китайской мечты», предложенная Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, отражает национальную идентичность современного Китая.

3.2 Перспектива развития КНР в условиях глобализации и доктрина «китайской нации» («чжунхуа миньцзу»)

Современный Китай известен миру как крупное и перспективное государство, история и культура которого насчитывает около пяти тысяч лет. Как и некоторые другие крупные страны, Китай имеет полиэтничное население, которое, согласно конституционному устройству, имеет самоуправление в автономных районах этнических групп. Как отмечает китайский исследователь этнической политики Китая профессор Ма Рун (马戎), нация образуется в результате общего образа жизни, а «национальная идентичность является очень важной темой в национальных исследованиях и тесно связана с наименованием нации» [231, с.4]. Сегодня для обозначения китайцев широко используется термин «чжунхуа миньцзу», до появления которого у китайцев практически не было современного понятия нации. Традиционно население, жившее на территории Китая, называли «Хуася», «Хань», «Тан», «Потомки Янь и Хуан» и т. д., что указывало на племена, населявшие территорию определенных династий. И только в начале XX века, в период упадка династии Цин, когда, в контексте национальной опасности, буржуазные реформаторы и революционеры начали задумываться о таких проблемах, как судьба страны и нации, впервые появляется доктрина «чжунхуа миньцзу» - «китайская нация». С момента создания Временного правительства Нанкина в 1912 году до создания Национального правительства Нанкина в 1927 году термин «китайская нация» постепенно включался в систему политического дискурса центральных и местных правительств и стал основным официальным выражением. А после 1935 года в официальных документах Центрального комитета Коммунистической партии Китая использование термина «китайская нация» резко возросло [92, с.199]. Сегодня этот термин можно встретить как в учебных и научных изданиях, так и в СМИ и на мероприятиях различного уровня.

Доктрина «чжунхуа миньцзу» подразумевает этнокультурное единство всех этносов Китая и в науке определяется как политическая и националистическая концепция в современном китайском национализме. Таким образом, термин «чжунхуа миньцзу» на самом деле очень молодой, его история насчитывает чуть более 100 лет.

Дискуссия о «китайской нации» включала в себя различные взгляды историков, которые обсуждали значение этого слова. Существовала даже версия о том, что «на территории Китая есть только одна китайская нация» [92, с.166]. Известный историк Гу Цзиган (顾颉刚) в таких статьях, как «Единство китайской нации» и «Китайская нация - одна» подчеркивал, что «нет этнических различий, есть только одна китайская нация» [92, с.166], Сунь Ятсен также утверждал, что существует одна китайская нация, которая состоит из множества семей и кланов (а не наций или этносов) [91; 92, с.94-95]. Конечно, эта идея подвергалась сомнению. Такие китайские историки, как Фэй Сяотун, Цзянь Бозан и другие ученые считали, что подобные утверждения «содержат отрицание существования этнических меньшинств в Китае» [92, с.187]. Однако позже они

сошлись во мнении о единстве нации, содержащей различные этносы как ее неотъемлемые составляющие. Соответственно, в 1930-е годы в большом количестве печатались различные публикации на тему «китайская нация», что в значительной степени способствовало кульминации пропаганды общественного мнения о «китайской нации» как о едином целом.

После образования КНР «Общая программа Китайского народного политического консультативного совета», которая была сформулирована под руководством Коммунистической партии Китая и имела временный конституционный характер, впервые определяет «этническое равенство» в форме конституции: «Все этнические группы в Китайской Народной Республике равны, объединяются и помогают друг другу, выступают против империализма и врагов народа внутри каждой этнической группы, Китайская Народная Республика стала большой семьей дружбы и сотрудничества между всеми этническими группами» [20].

С начала 1950-х годов по 1979 год Китай последовательно официально подтверждал и объявлял о существовании 55 этнических меньшинств помимо ханьской национальности. Стоит отметить, что на момент основания страны большинство этнических групп, которые использовали китайские иероглифы, были классифицированы как хань. На самом деле на протяжении всей династической истории Китая ханьцы не являлись одним этносом и часто меняли свой состав, имея разные обычаи и языки [73, с.173]. Поэтому многие западные ученые утверждают, что ханьцы не являются отдельной этнической группой.

С началом продвижения политики реформ и открытости восстановление национальных отношений и построение новых национальных теорий стало главным приоритетом (см. 1.2). Одной из известных на сегодня является концепция «Сообщество китайской нации» (中华民族共同体), предложенная после 18-го Национального конгресса КПК Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии и президентом Китая Си Цзиньпином.

«Сообщество китайской нации» - это «сообщество судьбы», основанное на общих исторических условиях, общих ценностях, общей материальной основе, общей идентичности и общем духовном доме [36, с.1347]. Этнический плюрализм, предложенный Фэй Сяотуном, был интерпретирован Си Цзиньпином как «большая семья, состоящая из множества ее членов», которые «разделяют счастье и горе» [36, с.1156]. Наряду с данной концепцией Председатель Си также выдвинул «Китайскую мечту» и «Сообщество единой судьбы человечества», которые отражают приоритеты современного Китая.

Сегодня, помимо эмоциональной привязанности к общему прошлому, национальная идентичность также поддерживается за счет экономического интереса. Имея вторую экономику мира, китайское правительство призывает свой народ «вместе стремиться к лучшей жизни» и осуществить «китайскую мечту», которая, как отмечалось в предыдущем параграфе, основана на

концепции «великого возрождения китайской нации» (中华民族伟大复兴) и определяет ближайшую перспективу развития КНР - достижение основных целей «двух столетий»:

- 100-летний юбилей КПК (2021 год) – достижение общества Сяокан (小康);
- 100-летний юбилей КНР (2049-2050 года) – достижение мировой мощи в статусе сверхдержавы.

А также ставит промежуточную цель: «в основном осуществить социалистическую модернизацию» к 2035 году.

Сегодня Китай является не только одной из крупных по площади и населению, но и одной из влиятельных стран мира, любые изменения на политической и экономической сцене которой также могут повлиять на глобальные процессы. Поэтому важным представляется анализ перспективы развития КНР, который представлен ниже.

2020 год стал завершающим годом 13-й пятилетки Китая и местом пересечения «двух столетних целей». Правительство Китая официально не публиковало свою цель на 2020 год, в связи со многими факторами, затрудняющими любые предсказания.

В то время как многие ожидали, что целевой показатель роста ВВП Китая на 2020 год будет составлять около 6 %, китайские политики отмечали, что они не станут заикливаться на этой цифре. «Корректировки обязательно будут. Центральное правительство не определило, каким должен быть «разумный диапазон» после вспышки коронавируса. Люди все еще наблюдают, как эпидемия будет развиваться и влиять на экономику» [232], - сказал Чжан Яншэн, главный научный сотрудник аналитического центра Китайского центра международных экономических обменов в Пекине.

В первой половине 2020 года из-за совокупного воздействия краткосрочных факторов (эпидемия новой коронной пневмонии) и среднесрочных факторов (замедление глобального экономического роста и структурная перестройка экономики) ВВП Китая упала почти на 7%. Профилактика эпидемии и борьба с ней, а также ограничения на передвижение людей в различных странах привели к резкому сокращению экономической деятельности, такой как промышленное производство, транспорт и логистика, торговля и инвестиции, а также культурный туризм.

В период вспышки эпидемии нового вируса Китай по-прежнему занимал ведущие позиции в экономическом плане, и, несмотря на резкое сокращение ВВП (на 6,8%) в первом квартале, а также отрицательный рост экономики Китая в первой половине 2020 года (показатели снизились на 1,6% в годовом исчислении) [28], внешний мир с оптимизмом смотрел на динамику экономического восстановления Китая во второй половине года. По итогам года показатели роста ВВП превзошли все ожидания, увеличившись на 2,3% и достигнув 6,5% в

четвертом квартале прошлого года, что «сделало Китай единственной крупной мировой экономикой, избежавшей спада в прошлом году» [28].

Однако наибольшие ожидания правительства Китая связаны с периодом 14-й пятилетки, которая должна открыть новую эру развития Китая как современной социалистической страны.

В мае 2020 года журнал Института экономики промышленности (ПЕ) Китайской академии социальных наук (CASS) провел анкетный опрос среди китайских экономистов, чтобы узнать их мнение о социально-экономическом развитии Китая в период 13-й пятилетки и перспективы на 14-ю пятилетку. Согласно результатам анкетирования, 72,67% респондентов считают, что Китай добился наибольшего успеха в интеграции промышленности и ИКТ, сокращении бедности, в охране окружающей среды. Меньше всего респондентов назвали занятость (7,56%), жилищные условия (11,63) и здравоохранение (19,77%) в качестве наиболее значительных улучшений общественного благосостояния [233].

В начале марта 2020 года Председатель Си Цзиньпин объявил, что Китай отреагирует на экономический спад, ускорив инвестиции в так называемую «новую инфраструктуру». Власти заявили, что это будет 5G, центры обработки данных и промышленный Интернет вещей [234] (IIoT). Однако заместитель директора-распорядителя МВФ Тао Чжан указывает на то, что эти новые технологии также порождают такие проблемы, как необходимость бороться с растущим неравенством (включая цифровой разрыв) и поддерживать тех, кто вытесняется новыми технологиями [29]. Несмотря на существование вызванных эпидемией проблем и обострение противоречий в среднесрочной и долгосрочной перспективе, Китай по-прежнему нацелен на реализацию плана по достижению «китайской мечты». Таким образом, 14-й пятилетний план - это первый пятилетний план Китая, с которого должна начаться новая эра развития Китая как современной социалистической страны, что имеет большое значение для достижения долгосрочных целей Китая к 2035 году.

По данным Информационного агентства Синьхуа, 6 августа 2020 года Председатель КНР Си Цзиньпин «подчеркнул необходимость сочетания проектирования на высшем уровне с запросом общественного мнения для разработки 14-го пятилетнего плана» [24]. Разработка и реализация пятилетнего плана включает все аспекты экономического и социального развития и тесно связана с производством и жизнью людей. Поэтому, при его составлении необходимо учесть предложения и социальные ожидания, мудрость народа, мнения экспертов и накопленный на низовом уровне опыт [24]. С 16 августа началась работа по подготовке «14-й пятилетки» в режиме онлайн, где «приветствуются все слои общества, которые высказывают ценные мнения и предложения для централизованного принятия решений» [235]. Как подчеркивает Мэн Цинчуань, цели развития, рабочие идеи и ключевые задачи 14-го пятилетнего плана «вдохновят всю страну на упорный труд и ускорят

формирование новой модели развития», создавая новые возможности в условиях кризисов и изменений [25].

Согласно прогнозам экспертов, Китай имеет возможность стать лидером не только в *экономическом плане, но и в технологическом*, сместив США. В нынешнем кризисе (COVID19) цифровая экономика сыграла роль с точки зрения предоставления возможности работать из дома, повышения гибкости бизнеса и повышения эффективности распределения ресурсов. Как отмечает начальник отдела научно-исследовательского отдела МВФ М.Набар, Китай мог бы использовать свою роль в глобальных цепочках поставок технологий для восстановления мировой экономики [30]. Аналитик Форбс Кеннет Рапоза также утверждает, что «следующим технологическим гегемоном станет Китай, а не британцы, не русские, не индийцы» [236].

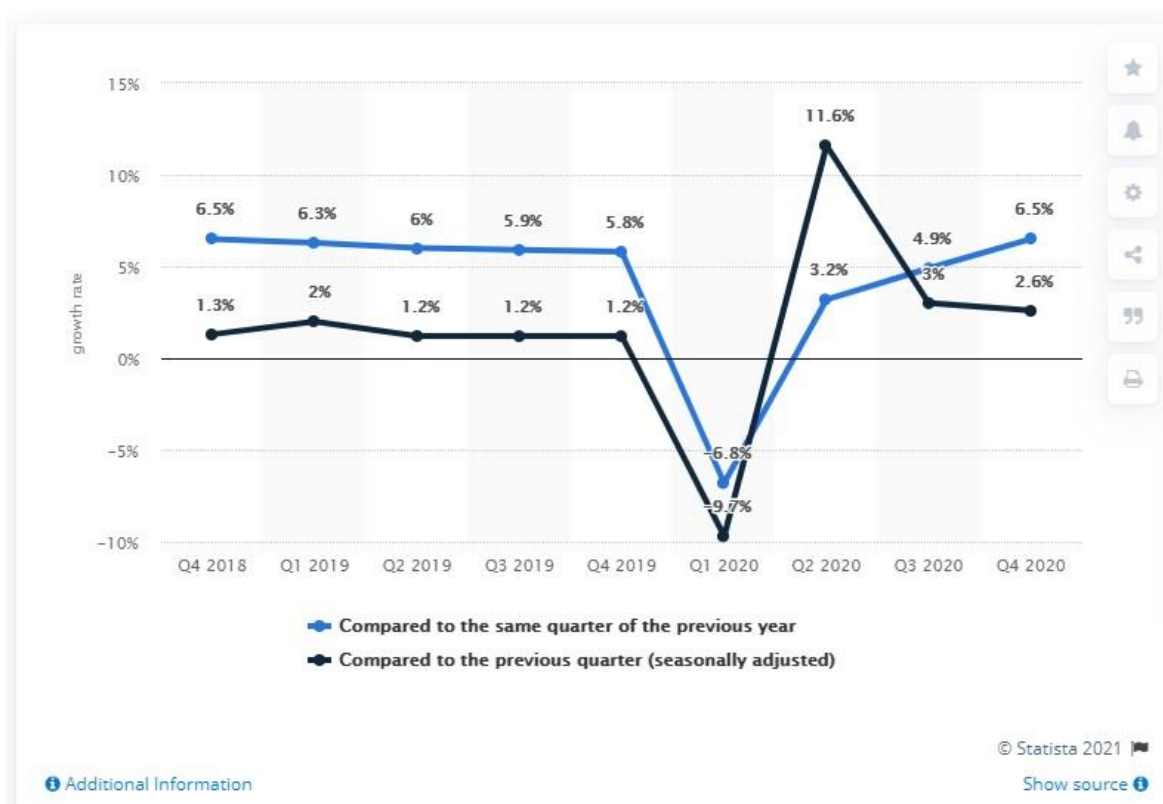

Диаграмма 4 - Квартальные темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в Китае с 4 квартала 2018 года по 4 квартал 2020 года (данные на январь 2021)

В результате пандемии, в первом квартале 2020 года, по сравнению с тем же периодом прошлого года, произошел спад роста мировой торговли на 3,5 %, что спровоцировало фундаментальную переориентацию модели роста на внутренний спрос и отказ от сильной зависимости от экспорта. Однако сила глобализации по-прежнему актуальна, так как Азиатский регион все еще зависит от спроса со стороны других частей мира. Учитывая резкую рецессию в странах с развитой

экономикой за пределами Азии, эксперты ожидали, что общий экспорт из Азии значительно сократится в 2020 году [29]. В результате чего слабый мировой спрос, растущие внутренние избыточные производственные мощности могли ограничить более устойчивые экономические показатели Китая. Несмотря на это, как видно из графика ежеквартального роста темпов валового внутреннего продукта, Китай смог преодолеть период кризиса и даже повысить показатели ВВП в сравнении с предыдущим годом. Вместе с тем, Главный аналитик по мировой торговле Economist Intelligence Unit (EIU) Ник Марро отметил, что восстановление по-прежнему в основном обусловлено промышленным производством, а не потреблением, и данные, кажется, указывают на разрыв между производством и спросом. Си Цзиньпин также в качестве приоритета отметил увеличение внутреннего потребления как одну из долгосрочных задач осуществления целей «двух столетий».

Кроме того, дополнительные трудности в перспективе развития Китая вносят ухудшения в геополитике. Помимо напряженных отношений с США, наблюдаются ухудшения отношений Китая с Индией, Австралией, Европейским союзом и другими странами [237]. Анализ Reuters показал, что напряженность между Китаем и США и страх возобновления эпидемии подавляют влияние положительного ВВП Китая.

Несмотря на прогнозы стабильного роста экономики Китая в 2022 году на 5,6 % [28], МВФ напоминает, что глобальное сотрудничество имеет жизненно важное значение для преодоления как глобального кризиса пандемии, так и других структурных проблем. Заместитель директора-распорядителя МВФ Тао Чжан отмечает, что «для Азии, которая сильно интегрирована в глобальную цепочку создания стоимости, внешний спрос особенно важен» [29]. Также Тао Чжан выделил такие важные аспекты, как «открытость и инновационные возможности Азии и других частей мира, а также налаживание более тесных связей внутри региона и расширение регионального / субрегионального сотрудничества и интеграции» [29].

Согласно плану реализации 100-летия КНР, Китай нацелен на достижение мировой мощи путем мирного развития и не претендует на гегемонию. Однако по данным Policy Change Index for China (PCI-China - Индекс изменения политики для Китая), в последние годы в политике Китая произошли изменения в сторону ужесточения как внутри страны, так и за рубежом [238].

Генри Киссинджер подчеркнул, что США и Китай находятся в предгорьях холодной войны, а исход конфликта между Китаем и США может быть хуже, чем две мировые войны, разрушившие европейскую цивилизацию [239]. В свою очередь, политолог Чжэн Юн-нянь утверждает, что «даже в случае холодной войны между Китаем и США модернизация Китая будет продолжаться. Китай создал свои собственные цивилизационные политические и экономические системы, обладающие огромной жизнеспособностью, хотя и есть возможности для улучшения. Более того, основным драйвером экономического роста Китая

является внутренний спрос» [240], а также постепенное смещение экономического акцента с промышленного производства на услуги.

Как известно, развитие экономики во многом зависит от количества трудоспособного населения. Последние события – пандемия, трения между Китаем и США (экономические войны с США), а также последствия реформы планирования семьи (одна семья - один ребенок) ведут к старению и сокращению населения Китая. По прогнозам ООН, население Китая сильно уступит в численности Индии уже к 2027 году [26]. В период с 2019 года по 2050 год ожидается, что население Китая сократится на 31,1 миллиона человек, что составит приблизительно 2,2% населения страны [26].

Старение населения стало следствием политики планирования семьи, проводимой в недавнем прошлом в Китае (в 1970-х годах), которая привела к сокращению количества молодого поколения. Либерализация ограничений не решила проблему: в 2018 году в Китае родилось 15,2 миллиона новорожденных - самый низкий показатель за более чем 60 лет [241]. Причиной стало давление со стороны занятости, жилищное давление, а также изменения концепции брака. Многие молодые семьи стремятся к качественной жизни, поэтому имеют ограниченное количество детей (1, реже 2). Также растет число не состоящих в браке людей, и семьи типа DINK, что приводит к уменьшению количества новорожденных каждый год и проблеме старения в стране.

Согласно данным МВФ, демографические тенденции могут вычесть от $\frac{1}{2}$ до 1 процентного пункта из годового роста ВВП в течение следующих трех десятилетий в странах, где проблема старения является довольно серьезной. ООН также предупреждает, что буквально через 10 лет численность населения Китая покажет состояние отрицательного роста [242].

Стоит отметить, что, по мнению многих аналитиков, «ВВП не является идеальным показателем уровня благополучия. По мнению ученых, более точный индикатор должен учитывать не только объем валового внутреннего продукта, но и качество жизни, в частности, уровень доходов и потребления» [243]. Эллиот Харрис, главный экономист ООН и помощник Генерального секретаря по экономическому развитию, также указал на то, что «директивным органам следует выйти за рамки узкой направленности простого содействия росту ВВП и вместо этого стремиться к повышению благосостояния во всех частях общества. Для этого необходимо уделять приоритетное внимание инвестициям в проекты устойчивого развития, чтобы продвигать образование, возобновляемые источники энергии и устойчивую инфраструктуру» [27].

На протяжении 2020 года КНР были сосредоточены не на повышении показателей ВВП, а на сдерживании вспышки коронавируса и смягчении ее экономических последствий. Однако, несмотря на стабилизацию темпов экономического роста, после 2020 года по-прежнему сохраняются сложные проблемы на пути к реализации «китайской мечты», такие как неравенство, разрыв между городом и деревней, региональные различия, а также деградация и

загрязнение окружающей среды. Замедление экономического роста, демографические проблемы стареющего населения и растущая международная напряженность в сочетании с более высокими ожиданиями населения в отношении лучшей жизни - все это усложняет переход на следующий этап развития страны.

Помимо экономических и экологических проблем, осуществление «возрождения китайской нации» сталкивается с проблемой национальной идентичности. Как уже отмечалось ранее, несмотря на то, что многие национальные меньшинства Китая имеют свою собственную отличительную историю и культуру, они, тем не менее, обычно объединяются под названием «чжунхуа миньцзу» правительством и народом хань в политической, социальной и культурной сферах, с указанием на то, что все китайские граждане имеют одинаковое национальное происхождение, как потомки Императоров Ян и Хуанди, двух мифических фигур древнего китайского фольклора, а плюралистичность, как указывает Ма Рун, подчеркивает непрерывность истории существования «китайской нации», которая, в результате постоянной интеграции и трансформации, превращается в «единую» [231, с.4].

До создания Китайской Народной Республики (КНР), в 1939 году Мао Цзэдун в своей работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» также использовал термин «чжунхуа миньцзу» в качестве политической риторики для представления единой китайской идентичности, при этом этнические группы также назывались нациями. Культура меньшинств в Китае сегодня в разной степени ассимилирована с ханьской, включая языки, повседневные наряды, социальные ценности и религии. В связи с чем понятия «китайская нация» и «ханьская этническая принадлежность» в современной парадигме при многих обстоятельствах взаимозаменяемы. Однако спустя десятилетия после начала правления КПК, идентичность тюркских суннитских мусульманских меньшинств, тибетских буддистов и тенгрианцев Внутренней Монголии по-прежнему отличается от основной «китайской» идентичности. Провинции, в которых они сконцентрированы - Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), расположенный на западной периферии страны, на юге с СУАР граничит Тибетский автономный район (ТАР) и на севере Китая находится автономный район Внутренней Монголии (АРВМ), граничащий непосредственно с Монголией.

Рисунок 4 – Расположение СУАР, ТАР и АРВМ на карте Китая

Одним из самых полиэтничных районов является СУАР, китайское название которого 新疆 (Синьцзян) - «новая территория» доказывает, что Синьцзян стал частью Китая относительно недавно, а именно в конце 18 века в период правления династии Цин, что объясняется обширными бесплодными пустынями региона, которые затрудняли его завоевание [80].

На сегодня в Синьцзяне проживает 47 этнических групп, среди которых самыми многочисленными являются 6 групп - уйгуры, хань, казахи, хуэй численностью более 1 миллиона человек, а также киргизы и монголы численностью более 100 000 человек [18]. Перечисленные этносы, кроме хань, имеют пантюркистскую и панисламскую идентичность. Остальные этносы также имеют свои этнические и религиозные идентичности, например, русские - христиане, сибиряки - ламаисты, тибетцы - буддисты и т.д. Иными словами, пропасть между меньшинствами Синьцзяня и «чжунхуа миньцзу» в культуре, языке и религии остается огромной. По мнению Коммунистической партии Китая, которая придерживается ханьской концепции «чжунхуа миньцзу», чем более глубоко меньшинства ассимилируются с культурой ханьцев, тем меньше вероятность того, что они сформируют свою собственную идентичность, чтобы конкурировать с правительством и угрожать целостности Китая. Так, в Конституции Китайской Народной Республики говорится, что обязанностью всех китайских граждан является «защита объединения страны и единства всех

ее национальностей» [19]. Кроме того, Коммунистическая партия Китая решительно заявляет о своей законной власти над этим регионом [244]. Так, на первой странице китайской Белой книги по истории и развитию Синьцзяна (Информационное бюро Государственного совета КНР, 2003 г.) было четко указано, что «[Синьцзян] был неотъемлемой частью унитарной многоэтнической китайской нации «с древних времен» [18]. Как отмечает американский историк Г. Бовингдон, подобная риторика о том, что Синьцзян является «неотъемлемой частью» нации «с древних времен», встречается почти в каждом официальном тексте, касающемся провинции с 1959 года [83, с.24-25]. Таким образом, Китай активно продвигает идеологическую позицию поддержания безопасности и целостности нации. Несмотря на то, что жители Синьцзяна составляют лишь один процент от всего населения Китая, этот регион занимает одну шестую всей территории Китая [83, с.10] и является крупным энергетическим регионом, транзитные газопроводы которого соединяют его с крупными прибрежными городами, такими как Пекин, Шанхай и Гуанчжоу, и транспортируют природный газ в дальневосточные районы страны.

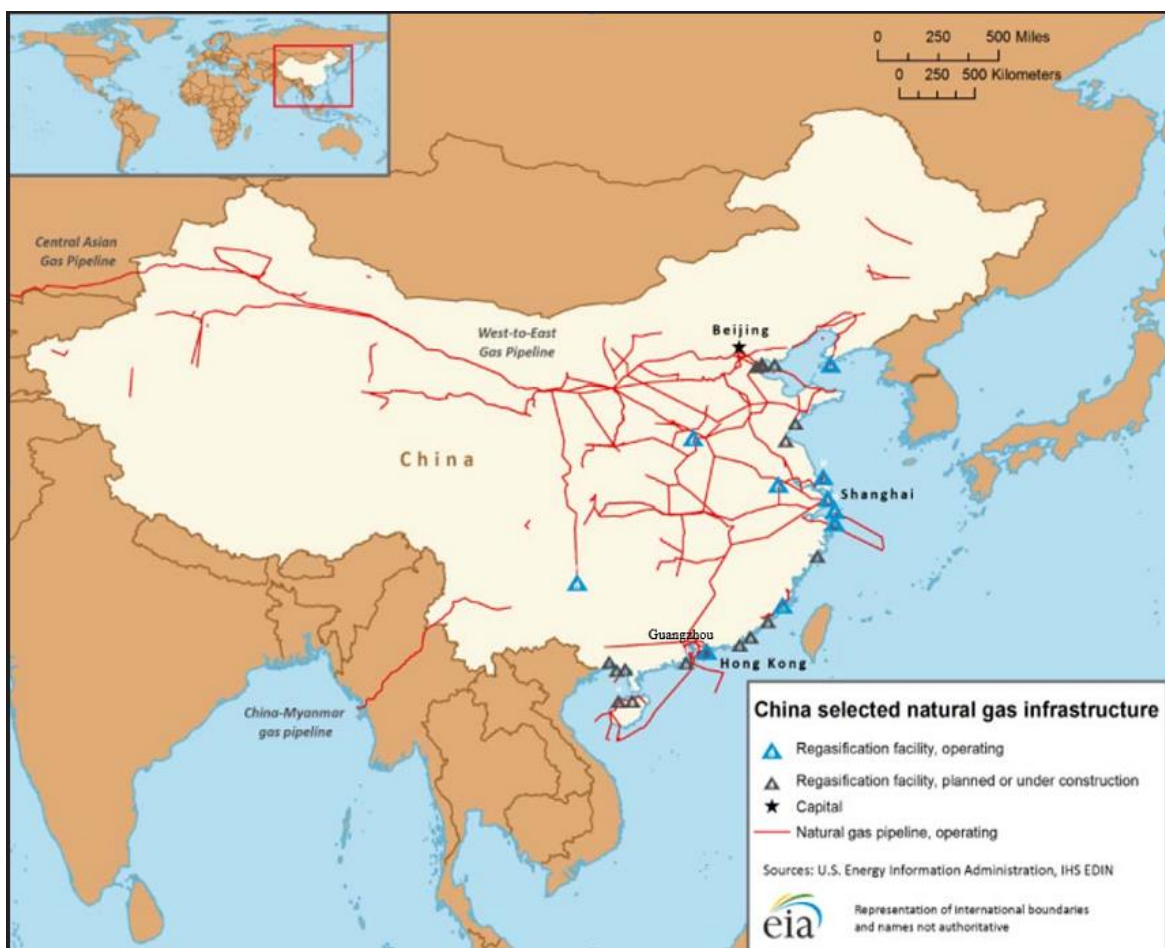

Рисунок 5 - Международное энергетическое агентство. Китайская газовая инфраструктура [256]

Китай является крупным потребителем и производителем энергии из-за большой численности населения и высокой зависимости энергетики от его производственных отраслей. Кроме того, Китай в настоящее время расширяет использование природного газа, одним из крупнейших месторождений которого является Синьцзян, для замены некоторого процента использования угля и нефти в качестве более чистого горящего ископаемого топлива. К тому же Синьцзян также богат солью, золотом, нефритом и углем, а его запасы нефти составляют примерно до 60% экономики КНР [76]. Поэтому, чтобы гарантировать надежное энергоснабжение, стабильность в Синьцзяне крайне желательна для китайского правительства.

Помимо своего энергетического резерва и производства, важнейшее географическое положение Синьцзяна занимает важное место в стратегиях внешних связей Китая в Центральной Азии. Синьцзян был торговым центром на древнем Шелковом пути и экономическим центром, соединяющим Дальний Восток и Европу. Сегодня регион соседствует с 8 странами, включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Индию, поэтому роль Синьцзяна в соединении Китая с другими странами Центральной Азии стратегически важна. Он является воротами энергетических запасов Центральной Азии во внутренний Китай [245, с.115-116].

Таким образом, широкая территория Синьцзяна, его энергетические запасы и географическое положение демонстрируют важность для Пекина сохранения региональной стабильности и безопасности.

Однако официальная риторика Пекина о «китайской нации» не находит отклика на самоидентификацию многих этнических меньшинств в Синьцзяне, тогда как ханьские китайцы с энтузиазмом относятся к объединению нации.

По словам американского биолога и психолога Стюарта Кауфмана, этнические конфликты происходят при трех предварительных условиях:

- 1) существует общепринятая методология поддержки одной группы, подавляющей другую;
- 2) этническая группа воспринимает физические угрозы их существованию (менее важно, отражает ли их восприятие реальность);
- 3) не хватает возможностей для социальной мобилизации этнических групп [161, с.30-31].

Периодические вспышки протестов в Синьцзяне происходили начиная с первой половины XX века, большинство из них произошло в Кашгаре, Турфане и Хотане, трех регионах с самым низким экономическим статусом как в регионе, так и в стране. Отчасти это также связано и с масштабной иммиграцией ханьцев в Кашгар, Хотан и Турфан, которая была воспринята как захватническая кампания, организованная государством, особенно уйгурами, считающими данный регион своей исторической родиной.

Недопонимание между ханьцами и уйгурами заложено в различных исторических аспектах. Хань и уйгуры различаются по внешнему виду, языку,

религиозным обычаям и живут в отдельных местах. В начале 90-х годов в регионе существовали различные идеологические группы уйгуров, среди которых можно выделить 3 основных идеи:

- 1) Призыв к независимости
- 2) Призыв сохранить культурные различия
- 3) Призыв к объединению хань и уйгуров [76]

В свою очередь, лидеры китайского правительства на протяжении десятилетий стремились создать единую идентичность «чжунхуа миныйцу», и уйгуры являются главной целью КПК, кроме тибетцев. В качестве одного из средств достижения этого используется репрессивная религиозная политика [76], которая была применена и после инцидента между ханьцами и уйгурами в 2009 году, в происшествии которого были обвинены сепаратистские группы [76]. Несмотря на то, что в первое время, как отмечает историк Джеймс Миллвард, «следуя прецедентам Цин и Советского Союза, КНР проводила этноплюралистическую политику в Синьцзяне в рамках своей системы 56 миныйцу (民族, «национальностей» или этнических групп), автономия всегда была символической и партийные чиновники фактически контролируют регион под руководством КПК, при поддержке полиции, военизированной Народной вооруженной полиции и, при необходимости, НОАК» [81, с.2]. Миллвард уточняет, что политика постоянной ассимиляции данного региона осуществлялась с 1990-х годов и усилилась с 2011 года, когда на международном уровне было подтверждено причастие СУАР в террористической организации ЕТИМ (East Turkestan independence movement/Движение за независимость Восточного Туркестана. ЕТИМ поддерживается двумя воинствующими исламскими экстремистскими группировками, признанными террористическими организациями в нескольких странах, а также Организацией Объединенных Наций, такими как Исламская партия Туркестана, а также некоторые группы защиты, такие как Всемирный уйгурский конгресс. Китай считает Всемирный уйгурский конгресс террористической организацией, однако США и Германия поддерживают, что у него нет достоверных связей с терроризмом, поэтому он не является террористической организацией [246]. Историк Дж. Миллвард также отмечает, что организация ЕТИМ никогда не присутствовала в уйгурском регионе. И все же «после того, как США и ООН назвали ЕТИМ, «уйгурский терроризм» превратился в постоянную барабанную дробь» [81, с.4], а случаи проявления недовольства со стороны жителей региона стали подавляться все более активно и жестоко [81, с.4]. «Задержания и наказания уйгуров, казахов, киргизов и других мусульман на основе символов и обычаев, связанных с исламскими верованиями» [81, с.5], которые усилились с 2016 года [81, с.9], теперь стали оправдываться «Новым законом о борьбе с терроризмом» (декабрь 2015 г.), постановлением о «деэкстремификации» (март 2017 г.), а также пересмотром положений, регулирующих вопросы религий (сентябрь 2017 г.) [81, с.5]. И с 2017 года началось масштабное строительство лагерей для «перевоспитания» [81, с.6].

Это показывает стремление Китая решить проблему, используя китайский коммунистический метод устранения внешней идеологии, и в данном случае идеологией является религия.

Что касается Внутренней Монголии, то она является самым полиэтничным автономным районом Китая, в котором проживает 55 этнических групп (исключение составляет тибетская народность лоба), среди которых 79,54% составляет народность хань, 17,11% - монголы, остальные меньшинства - 3,36% [9]. Сегодня этническая идентичность местного населения интерпретируется как часть общей китайской национальной, что основывается на связях китайцев и монголов еще с древних времен. Так, монгольская династия Юань входит в летопись непрерывной истории китайской цивилизации, а Чингисхан признан Пекином «великим полководцем», «величественным мудрецом», «победоносным героем монгольского народа» и «влиятельной фигурой в мировой истории» [100, с.358], а также китайским историческим деятелем и одним из национальных символов многонациональной «китайской нации» [100, с.361], что демонстрирует интеграцию монгольской идентичности в общекаитайскую.

Как отмечает сингапурский исследователь Анран Ван, «внутренние монголы воспринимают эту официальную риторику неоднозначно» [100, с.362]. С одной стороны, их радует, что их национальный герой почитается китайцами, с другой - они недовольны тем, что их культурное наследие было присвоено правительством [100, с.362]. Помимо этого, эксплуатация ресурсов данного района, которая не приносит выгоду монголам, также способствует зарождению недовольств. АРВМ является вторым источником угля в Китае, однако горнодобывающая промышленность становится причиной вредных выбросов, которые пагубно отражаются на окружающей среде. В связи с этим, в сентябре 2020 года на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке Си Цзиньпин выступил с речью, в ходе которой пообещал, что «Китай будет стремиться максимально снизить выбросы углекислого газа к 2030 году и достичь углеродной нейтральности к 2060 году» [247; 250]. Несмотря на то, что конкретного плана действий представлено не было, можно предположить, что Китай справится с этой задачей также, как и справился с хаосом пандемии в 2020 году. Также АРВМ является вторым регионом в мире по производству кашемира, однако его масштабное производство приводит к чрезмерному выпасу скота и наносит ущерб окружающей среде. Для предотвращения дальнейшего опустынивания «Китайское правительство начало запрещать выпас скота во многих частях Внутренней Монголии еще в начале 2000 года. Хотя идея заключалась в предотвращении чрезмерного выпаса скота и защите окружающей среды, монголы особенно пострадали из-за своих скотоводческих традиций» [77]. Наряду с этим поощрялось переселение сельского населения в городские районы, что, по словам китайского исследователя Э.Хань, также оказывает влияние на размывание этнической культуры [77]. Помимо традиционного образа жизни,

монголы постепенно теряют и свой язык (см. 2.3), что обусловлено внедрением стандартного китайского языка (ханьского) как языка обучения [212, с.33], а также демографическим дисбалансом, который привел к преобладанию ханьского китайского языка на рынке труда [77].

Аналогичная проблема постепенной утери этнического языка наблюдается и в ТАР [212, с.33], который представляет туристический интерес как для отечественных, так и для зарубежных путешественников благодаря своим уникальным природным пейзажам и культурным памятникам, среди которых буддийские монастыри, составляющие ключевую часть национальной идентичности тибетцев. Вместе с тем, как отмечает Кейт Сондерс, журналист международного новостного онлайн-журнала, освещающего политику, общество и культуру Индо-Тихоокеанского региона «Diplomat media», «Китай давно рассматривает преданность тибетцев Далай-ламе и их мирное выражение религиозной идентичности как опасный вирус» [82]. Если в 60-х годах было разрушено большое количество монастырей, то теперь, для борьбы против инакомыслия, они находятся под государственным наблюдением, а жители подвергаются политическому перевоспитанию [248]. Международная организация «Свободный Тибет» также сообщает, что монастыри играют политическую роль, а монахи являются главными организаторами протестов против иммиграции китайцев и государственного контроля, что передается во внешний мир через тибетцев, живущих в изгнании в Индии [248].

Таким образом, в то время как международные организации рассматривают этническую политику Китая как насильственную ассимиляцию с характерным нарушением прав человека, КПК настаивает на борьбе с сепаратистскими настроениями, которые угрожают стабильности и целостности страны.

Справедливости ради стоит заметить, что рост темпов глобализации повлиял на активность и масштабность международных взаимодействий не только в сфере экономики и культуры, но и информации, которая способствует расширению влияния международных факторов на внутренние этнические отношения отдельных государств. Кроме того, внешние культурные связи этнических групп также могут побудить заинтересованные стороны продемонстрировать поддержку концептуализации существующих обид как достойные коллективных действий, и помочь обосновывать и поддерживать их политическую активность и требования большего количества прав, автономии или даже полного отделения. Для более масштабного влияния, помимо этнического аспекта, сегодня также часто используются различия систем ценностей и религиозных убеждений, которые позволяют проводить активную вербовку радикально настроенных элементов по всему миру. Как следствие, религия, особенно Ислам, стала восприниматься как главная причина экстремистских и террористических действий и угроза безопасности не только в Китае, но и во многих других странах. В результате, в целях сохранения безопасности в центрально-азиатском регионе, а также в мире в целом, Китай

приложил усилия, чтобы создать Шанхайскую пятерку, которая позже была переименована в ШОС, куда в 1996 году вступил и Казахстан.

Следует признать, что в прошлом Китай уже сталкивался с внешней поддержкой внутренних этнических групп Синьцзяна со стороны СССР, в период ухудшения отношений между двумя государствами (1950-е гг.), а также Тибета правительством США (1950-1970 гг.) и Внутренней Монголии – императорской Японией (1930-1940 гг.), которые провоцировали дестабилизацию в стране [77]. Опасаясь повтора внешнего влияния на наиболее отличные от хань этнические группы во Внутренней Монголии, Тибете и Синьцзяне, когда отношения Китая с США, а также рядом других стран обостряются, КПК объявила войну против ««трех злых сил» - экстремизма, терроризма, сепаратизма. Однако репрессивные методы китайских властей вызвали негодование во всем мире, оправдывая синофобию среди населения стран как Востока, так и Запада, что отразилось в зарубежных СМИ, которые прямо или косвенно обвинили Китай в геноциде.

В свою очередь Китай оправдывает свои действия тем, что задержанные мусульмане (в случае Синьцзяна), направленные в концентрационные лагеря, по официальной версии Пекина, проходят курсы перевоспитания и профессионального обучения, и после освобождения или «успешного окончания курсов» «рабочих из лагерей переводят в промышленные парки и деревенские фабрики, где они будут производить текстиль и одежду для компаний, получающих государственные субсидии на их трудоустройство» [81, с.5]. Аналогичные ответы даются и по поводу репрессий в автономных районах Тибета и Внутренней Монголии. Таким образом, помимо борьбы с терроризмом и экстремизмом, согласно официальным заявлениям КНР, программа перевоспитания также включает в себя борьбу с бедностью [17] и безработицей. Однако, как отмечает Дж.Миллвард, современное положение в районах меньшинств наносит ущерб международному имиджу Китая, а также экономической перспективе в связи с тем, что «привлечение Бинтуан к деятельности в тюрьмах, лагерях для нелегальных интернированных и связанной с принудительным трудом нанесло ущерб репутации ее сельскохозяйственных, промышленных и коммерческих предприятий, а также китайских и иностранных компаний, с которыми они сотрудничают» [81, с.13]. Кроме того, историк предлагает перераспределить субсидии, предоставляемые Бинтуаню, «в пользу экологически безопасного развития, приносящего пользу местному населению» [81, с.9].

Другой исследователь данной проблемы Р.Ф. аль-Риями в своей работе «Решение проблемы Синьцзяна» предлагает Китаю использовать федеративную систему, которая предоставила бы «уйгурам автономию и свободу, а Китаю возможность деэскалации конфликта и влияния на Синьцзян с помощью определенной политики» [76]. Кроме того, она отмечает, что данный конфликт был основан на взаимном культурном недопонимании и «невосприимчивости

правительства к требованиям, дискриминации и нарушений прав человека». Поэтому эта проблема также требует применения программы для предотвращения повторного ухудшения ситуации, в качестве которой аль-Риями предлагает провести различные «культурные кампании для ознакомления людей с различными этническими группами и поощрения терпимости, а также организовать благотворительные программы для улучшения финансовых и жилищных условий бедных» [76].

Однако Китай продолжает ассимиляционную этнополитику в отношении автономных районов меньшинств, проводя «демографическую трансформацию через перемещение населения и развитие инфраструктуры, а также социальные трансформации, религиозный контроль и культурное разрушение/искажение» [77]. Среди трех основных «проблемных» автономных районов Китая наиболее активную политическую позицию противостояния Коммунистической партии занимает Синьцзян и Тибет, тогда как Внутренняя Монголия менее активна, что китайский исследователь Энзе Хань объясняет отсутствием внешней поддержки [77]. Понимая глубину влияния внешних сил на внутреннюю ситуацию, Китай предлагает новую модель международных отношений и объявляет конфликт между партией и меньшинствами внутренними отношениями, в которые никто не должен вмешиваться.

С одной стороны, можно понять стремление Китая узаконить территориальный, политический, социальный и религиозный контроль над своими гражданами, с другой стороны, «суверенные притязания Китая на Тибет или Синьцзян, которые узаконивают использование дегуманизации, секьюритизации, милитаризации и насилия» над людьми, вызывают беспокойство. Кроме того, в современном Китае «даже официальные источники переходят от описания этнического плюрализма в пользу явно хань-центристского видения однородного Китая» [81, с.9]. И, как заметил Дж.Миллвард, «колониалистские и ассимиляционистские тенденции лежали в основе самого раннего правления КНР и даже китайских националистов» [81, с.9]. Это видно из предложенных теорий и концепций первых китайских националистов начала XX века Лянь Цичао, Сунь Ятсена, Фэй Сяотуна и других, которые ввели в употребление термин «чжунхуа миьнцзу». К примеру, Лянь Цичао выделял ассимиляционный характер ханьского этноса, а также отводил ему роль главного двигателя прогресса. Фэй Сяотун также указывал, что принцип ханьской группы заключается в том, чтобы более развитые группы помогали слаборазвитым, предоставляя им экономические и культурные средства, а взгляд Сунь Ятсена на «чжунхуа миьнцзу» или «китайскую нацию» заключался в унитарности и интегрированности народа на основе ассимиляции и даже возрождении Китая путем «изгнания этнических меньшинств» («驱逐鞑虏，恢复中华») [91]. Подобное шовинистическое понимание нации в последние годы жизни основателя Китайской Республики Сунь Ятсена эволюционировал в

плюралистическое единство с хань в качестве центра, и был унаследован Мао Цзэдуном. Причиной признания существования остальных этносов как составной части Китая в начале зарождения КНР заключалась в необходимости сохранения целостности территории, так как «изгнание этнических меньшинств» и «создание единого ханьского национального государства» означало бы, что «маньчжурские, монгольские, хуэйские и тибетские народы также могут создавать свои собственные национальные государства» [91]. В результате, Сунь Ятсен выбрал «ханьский национализм», который подразумевал ассимиляцию маньчжурских, монгольских, хуэйских, тибетских и других этнических групп с ханьцами в качестве центра, и создание новой «великой китайской нации» [91].

Таким образом, доктрина «чжунхуа миньцзу» – это политический концепт, который заключается в долгосрочном процессе ассимиляции меньшинств ханьским этносом и, как результат, формирование единой нации с единой национальной идентичностью, как в культурном, так и в политическом плане. Как было отмечено в параграфе 1.2, этот процесс был выделен как естественный исторический процесс взаимодействия ханьского народа с соседями. Другими словами, ассимиляция путем экономического преимущества, а затем культурного и политического влияния является основой доктрины «чжунхуа миньцзу».

В современной парадигме вместе с темпами глобализации ускорился и процесс ассимиляции жителей КНР в единую «китайскую нацию» в связи с приближением сроков осуществления «китайской мечты». Это объясняет ужесточение этнической политики Китая, несмотря на осуждение которой со стороны мирового сообщества в зарубежных СМИ, многие страны все же закрывают глаза, делая выбор в пользу экономических выгод.

Кроме того, новые победы Китая приближают его к осуществлению «китайской мечты», одной из задач которой является искоренение бедности. Эта цель также является основной политической целью нынешнего Председателя, которая была заявлена с приходом Си Цзиньпина на пост президента КНР в 2012 году. В феврале 2021 года Председатель официально заявил о том, что «уровень доходов бедных значительно вырос» и «Китай добился «общей победы» в борьбе с бедностью и выполнил трудную задачу по искоренению абсолютной бедности» [249]. Согласно официальным данным, представленным на Национальной конференции по сокращению бедности, 98,99 миллиона сельских бедняков было вырвано из нищеты и нужды в еде и одежде, а также они гарантированно получают «обязательное образование, базовое медицинское обслуживание, безопасное жилье» [249].

Однако некоторые эксперты все же отмечают, что, учитывая средний годовой доход на душу населения (4000 юаней), Китай еще далек от цели всеобъемлющего искоренения нищеты и «полной победы над бедностью». Так, согласно классификации Всемирного банка, Китай относится к странам с низким и средним уровнем доходов, черта бедности для которых составляет 5,50 долларов США в день. Соответственно, в Китае за чертой бедности живут 373

миллиона человек, что эквивалентно четверти населения Китая [249]. Как сообщает ВВС, нынешние стандарты черты бедности в Китае все еще относительно низки [250], кроме того, агентство новостей Китая "Caixin Global" сообщило, что, проблема бедности по-прежнему актуальна, особенно для некоторых городов, которые не включены в план борьбы с бедностью [249]. Таким образом, несмотря на то, что победа над бедностью посредством механизма социальной помощи «может оказать помощь примерно 15 миллионам городских жителей, реальное количество людей, нуждающихся в помощи, намного больше» [249].

Стоит отметить, что победа над бедностью в 128 000 бедных деревнях Китая все же является большим достижением и первым шагом к построению среднезажиточного общества – Сяокан, осуществление которого намечено на юбилейную дату со дня основания КНР, то есть на сегодня развитие Китая соответствует планам КПК по достижению «китайской мечты». Вместе с тем перспективы развития КНР в условиях глобализации зависят от многих факторов, среди которых демографические и экологические проблемы, а также внутренняя социальная стабильность и международные отношения, оказывающие прямое влияние на экономику и политику страны.

Таким образом, несмотря на все победы, Китаю, по-прежнему, предстоит решить важные проблемы на пути к своей мечте. В связи с чем, когда одна часть экспертов заявляет, что Китай сможет стать мировым гегемоном, другие отмечают возможный спад развития, который может быть спровоцирован неоднозначной внутренней и внешней политикой, связанной с правами человека. Заметим, что понятие о правах человека в представлении КПК отличается от западных стандартов. Так, например, заместитель министра иностранных дел Ле Юйчэн, говоря о состоянии прав человека в Китае, заявил, что подход Китая к развитию прав человека с китайскими особенностями заключается в следующем: «нет безопасности, нет прав человека», «развитие является основным правом человека», «сокращение бедности способствует продвижению прав человека» и «сотрудничество в области прав человека» [251]. По мнению китайского политолога У Цян, «право на существование и право на развитие используются, чтобы подменить требования международного сообщества в отношении прав человека в Китае», возможно поэтому, как отмечает независимый политолог Чэнь Даоинь в интервью для ВВС Chinese, «борьба с бедностью - это единственное, о чем Си Цзиньпин говорит больше всего» [250].

Из вышесказанного становится очевидным, что даже китайское понимание прав человека также удовлетворяется неполноценно, так как разрыв между бедным и богатым населением остается актуальным. Именно этот фактор, по словам российского аналитика М.Федорова, может стать причиной внутреннего конфликта, нарастание которого приведет и к внешним проблемам [130]. В настоящее время обостряется конфликт между США и Китаем, который, согласно Федорову, может вывести КНР из глобализации, так как «именно в

странах Запада изначально сформировались правила игры и архитектура современного мира, как в части норм права, так и в части традиций» [130], а не по китайским стандартам, которые сегодня продвигаются КПК как новая модель международных отношений. Наряду с внешним конфликтом российский аналитик отмечает возможные внутренние проблемы, связанные с роботизацией услуг в соответствии с планом 14-й пятилетки по технологическому превосходству, которая приведет к безработице большинства людей [130] и, как результат, к бедности.

Подводя итоги данного параграфа, следует признать, что на современном этапе Китай находится на пике своего экономического развития, внося вклад в мировое развитие, и играет одну из ведущих ролей в международных отношениях. Тем не менее, острые экологические, демографические, социальные, этнические и другие проблемы внутри страны становятся не только труднопреодолимым барьером на пути к осуществлению «китайской мечты», но и серьезным фактором влияния на безопасность государственной целостности и развитие КНР в целом. Взаимозависимость решения этих проблем с легитимностью КПК и формированием сильной национальной идентичности очевидна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование представляет собой попытку комплексного исследования особенностей формирования, трансформации и текущего состояния «китайской идентичности». На основании анализа теорий национализма западных, российских и китайских ученых, идеологических концептов, выдвигаемых китайскими интеллектуалами, а в последствии и лидерами КПК, практикуемых в стране политики и реформ, направленных на поддержку и усиление национальной идентичности граждан в прошлом и настоящем, а также их результатов, отраженных в истории Китая, были сделаны следующие выводы:

1. Национальная идентичность - это идентичность, которую человек приобретает посредством идентификации с нацией. Однако упор делается на национальное государство, поскольку это не только социальная идентичность, но и политическая идентичность, на которую влияют цели и контекст современной политической идеологии национализма. Национальная идентичность формируется у отдельных членов групп и у целых коллективов посредством исторических процессов и политических идеологий. Как показало исследование теорий и концепций о нации и национализме, формирование национальной идентичности происходит путем построения границ «мы» и «они» на основе культурных и политических приверженностей членов группы, которые зависят от множества факторов – исторической памяти, состоящей из ряда значимых или даже трагических событий, сентиментальной принадлежности, основанной на территориальных, языковых, а также религиозных и культурных критериях, существующих и «изобретенных» традиций и политической пропаганды. В этом смысле идея о том, что в эпоху глобализации можно сделать свободный выбор из множества источников идентичности, упускает из виду историко-культурную и социально-политическую среду, внутри которых находится каждый человек и которые составляют особенности формирования национальной идентичности отдельной нации. Таким образом, утверждение о том, что глобализация сотрет национализм, является ошибочным аргументом, так как историческая практика показывает, как эти два явления развиваются параллельно, и даже, с преобладанием последнего.

2. Концептуальные основы теории и методологии формирования китайской идентичности включают в себя фундаментальные идеи китайских мыслителей различных периодов развития китайского общества, которые представляли политические ориентиры и современные реалии. Большинство из этих идей по-прежнему остаются актуальными, вплетаясь в такие новые концепции как «китайская мечта». Так, например, идея о «Великом объединении» хуася (теперь хань) и этнических меньшинств, основанная на культурной идентичности и идеологическом единстве, разработанная известным китайским философом Конфуцием в смутное время Чуньцю, сегодня перекликается с призывом к

населению Китая объединиться в целях достижения частных мечтаний и общей мечты – «возрождения китайской нации». Сама же концепция «чжунхуа миньцзу» или «китайская нация» появилась в период упадка последней китайской династии, вторжения западных сил и, как следствие, с осознанием собственной идентичности перед лицом западных «других». Этот концептуальный сдвиг, таким образом, означал создание китайской идентичности в современном, национальном смысле. Используя западные концепции теории национализма, Лян Цичао изучил историю национальностей Китая и впервые ввел термин «миньцзу» или «нация» (民族) в китайскую научную и идеологическую литературу. Его идея о том, что «китайская нация» всегда была плюралистической, а также теория марксизма, принятая Новым Китаем, стали основой концепции «плюралистического единства китайской нации» Фэй Сяотуна. Марксистский исторический материализм подтверждает непрерывный характер и единство полиэтничной китайской нации, объясняя это долгосрочным совместным бытием, которое определило общественное сознание, заложив фундаментальную базу китайской национальной идентичности.

3. Исследование развития китайского общества как нации демонстрирует влияние глобализации на образ жизни людей и политические и экономические реформы государства, вместе с тем наблюдается сохранение и адаптация традиций, что не отвергает фундаменталистское мышление китайцев, а только меняет условия в соответствии с современными реалиями. Националистические движения продолжают мобилизоваться по всему миру, в частности в Китае наблюдаются движения возрождения традиций, - конфуцианских ценностей и общекитайской культуры (с преобладанием ханьской), которые распространяются и культивируются посредством СМИ, национальных мероприятий (праздники, фестивали и т.д.) и общеобразовательной системы.

Официальные национальные фестивали, основанные на обычаях различных этнических групп, формируют общие культурные символы и ценности, а праздники, посвященные памятным событиям, пережитым всем народом, призваны укрепить эмоциональную связь членов нации. Освещаемые в официальных СМИ государственные и мировые новости, правительственные отчеты, а также развлекательные передачи функционируют как идеологический государственный аппарат, которые интерпретируя реальность влияют на восприятие и мировоззрение общественности. Школьные учебники по истории являются индикатором официальных взглядов правительства на национальную идентичность, поскольку эти учебники представляют ортодоксальность КПК и представляют собой инструменты воспитательной идеологической обработки. Анализ недавней реформы школьных пособий по трем основным предметам – Истории, Языку и литературе, Морали и верховенству закона, проведенный в рамках данной диссертации, показал, «что обновленные учебники отражают основные дискурсы конфуцианской философии, воспитывая у учащихся культурную и политическую идентичность. Проведенный опрос показал, что

увеличение национального дискурса в содержательно-фактологической части учебников способствовало усилению национальной идентичности у школьников» [7, с.22]. Наряду с этим благодаря привлечению общественности, сам процесс реформирования учебников также способствовал «воспитанию и усилению чувства национального единства, социальной активности академического сообщества и всего населения страны» [7, с.37].

4. Быстрая модернизация и вхождение в мировую глобализацию способствовали формированию маргинального характера психологии китайцев, то есть наличию в нейтрадиционных и современных ценностей. Так, парадоксально сочетаются коллективизм, привитый конфуцианскими принципами общественных отношений, и индивидуализм, проникший вместе с западной философией жизни. В данной диссертации были выделены пять основных этапов модернизации, оказавшие наибольшее влияние на некоторые изменения в национальной психологии китайцев: Вестернизация в период Опиумных Войн в XIX веке сформировала двойственную национальную идентичность китайцев, сочетающую в себе чувство гордости за свою культуру и унижения за поражение «западным варварам» из-за отсталости в техническом развитии, а также стремление к всесторонней модернизации для осуществления мечты о возрождении нации; Капиталистическая модернизация в период создания республики (1912) отличается активным ростом урбанизации западного образца, в условиях которой формировались городская культура и идентичность, а также расширились такие понятия как «面子» (лицо) и «关系» (отношения) и от семейно-родовых до стратегических концепций, используемых в геополитике и бизнесе; Социалистическая модернизация (1 этап) в коммунистический период, когда был создан КНР (1949-1976), также известный как «эпоха Мао» (毛泽东时代), когда производственное развитие сопровождалось разделением общества на классы - «хороший» и «средний», куда относились революционеры, рабочие и бедняки и «плохой» - бывшие помещики, богатые, капиталисты и преступники. Наряду с этим Культурная революция привела к подрыву социального доверия и усилению «уклончивости» и «скрытности» в характере; Социалистическая модернизация (2 этап) с капиталистическим подходом в период экономических реформ Дэн Сяопина (1978) и продолженная впоследствии Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао ознаменовала развитие промышленности и торговли, что способствовало улучшению условий жизни людей, но и значительно повысило их порог счастья, а политика планирования семьи и повышение экономической независимости снизило уровень коллективизма в обществе; Социалистическая модернизация (3 этап) под руководством Си Цзиньпина с 2010 года, также известная как «Новая эра» Си Цзиньпина, отличается от предыдущего периода прежде всего «выходом из тени» и формированием национального имиджа как амбициозного и ответственного члена международных отношений.

5. Важной основой идентичности китайцев на протяжении всей истории была и остается культура, которая часто выполняет идеологическую функцию и оказывает большое влияние на силу единства нации. В периоды переживания кризиса национальной идентичности движение культурного национализма восстанавливало традиционные устои и служило защитой самобытности нации. В качестве примера можно привести вестернизацию Китая, выражающуюся в критике китайской цивилизации за консерватизм и отсталость и возвышение западной культуры и прогресса, попытках заменить иероглифическое письмо латинизированным, силой сопротивления которой стали движения неоконфуцианцев и антизападных активистов. Сегодня антизападные настроения сменились тенденциями культивирования китайской традиционной символики, распространяющейся посредством популярной культурной продукции (сериалы, музыка, передачи и фильмы) и повторяющихся церемоний (поднятие флага, ношение ханьфу, употребление определенных блюд на национальных праздниках). Рост культурного национализма объясняется теорией Хантингтона о феномене естественной девестернизации в результате роста темпов модернизации, присущем восточным странам. А рост темпов ассимиляции связан с амбициозными планами Китая по осуществлению «китайской мечты» о возрождении нации, что подразумевает построение единой и процветающей нации. Ускорение ассимиляционных процессов в современном Китае отражено культурным консерватизмом, который наиболее заметен в сферах образования и религии: отмена двуязычного образования и введение стандартного китайского языка как единственного языка обучения во всех школах Китая, включая автономные районы этнических групп в 2020 году и практика «профилактики террористической деятельности и борьбы с сепаратизмом» в «центрах образования и профессиональной подготовки» для мусульман в СУАР и тибетцев в Тибете.

6. Идеи Си Цзиньпина о «китайской мечте», национальной идентичности и единстве нации формировались под влиянием философии конфуцианства, идеологической системы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна и других лидеров Коммунистической партии Китая, а также личного опыта национальной работы в малоразвитых провинциях и высокоразвитых городах до прихода к власти, а затем и опыт руководства КПК и КНР. Концепция Си Цзиньпина о «китайской мечте» представляет собой усилия КПК по формированию китайской национальной идентичности не только внутри китайского общества, но и включая объединение с правящей партией для достижения общих целей и совместного построения общего будущего Китая, а также она символизирует стремление продемонстрировать и подчеркнуть перед внешним миром достоинства Китая и улучшить его национальный имидж, с его мечтой, которая перекликается и сливается с мечтой мирового сообщества как «Сообщества единой судьбы человечества».

7. Этнополитика Китая в рамках доктрины «китайской нации» («чжунхуа миньцзу») подразумевает продвижение национального единства среди этносов КНР путем повсеместного использования общекитайской символики, основанной на ханьской культуре, и утверждения общих долгосрочных целей улучшения качества жизни на национальном уровне.

Урбанизация и модернизация быта этнических районов вызывала недовольство этнических групп, прежде всего массовым переселением ханьцев, которое воспринималось как оккупация территории, а также мест на рынке труда из-за знания путунхуа и необходимости в быстрой адаптации к новым для местных условиям. Повышение темпов ассимиляции в последние годы привело к более агрессивной этнополитике в отношении некоторых меньшинств, что повлекло осуждение Пекина и обвинение его в нарушении прав человека со стороны мирового сообщества. Однако возросшее влияние Китая на глобальное экономическое развитие послужило постепенному спаду недовольных высказываний многих стран, включая мусульманские. В позиции борца за права китайских меньшинств по-прежнему остается Америка, что является скорее следствием, чем причиной холодной войны между двумя передовыми странами. Пекин объясняет практику «центров перевоспитания» прежде всего тем, что они выполняют важную задачу в борьбе против «трех зол» - терроризма, экстремизма и сепаратизма, а также в борьбе с безработицей и бедностью благодаря профессиональной подготовке «обучающихся». Как бы то ни было, принудительное «перевоспитание» и участие военных сил Бинтуан наносит ущерб экономическому развитию и международному имиджу Китая, поэтому желательна более гибкая политика в отношении этнических меньшинств в качестве различных мер по улучшению межэтнического взаимопонимания и терпимости, достижению равенства в экономическом благосостоянии, борьбе с экологической деградацией и проявлениями дискриминации;

8. Устойчивость развития Китая была подтверждена тем, как китайская экономика перенесла пандемию, нанесшую удар по экономикам многих крупных стран. Однако несмотря на стабильный рост ВВП Китая в стране по-прежнему существует проблема экономического неравенства, которая может усилиться из-за вытеснения человека новыми технологиями. Наряду с этим существует критическая ситуация в экологической сфере, которая является проблемой не только для Китая, но и для региона в целом, так как в настоящее время КНР лидирует в списке стран по выбросам парниковых газов. Решением этих проблем должен стать план 14-й пятилетки, принятый в марте 2021 года, согласно которому Китай нацелен на улучшение экологической и социальной сфер. Помимо внутренних проблем Китай сегодня также сталкивается с внешними – неопределенность в мировой экономике, связанная с волнообразным распространением коронавируса COVID-19 и рост напряженности в отношениях с США. Смелые цели 14-й пятилетки и геополитические планы Китая по перестройке международных отношений, дающей больше свободы внутренней

политике крупных стран, демонстрируют рост амбициозности китайской национальной идентичности страны, стремящейся воплотить в реальность «цели двух столетий» и стать мировой сверхдержавой.

Вместе с тем, соперничество с США ведет к Холодной войне 2.0, которая по мнению некоторых экспертов, уже началась. Китай, в свою очередь, уверен в стабильном ходе модернизации страны, опирающейся на внутренний спрос, опыт реформ и развития, а также постепенный переход в индустрию услуг, даже в условиях Холодной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Ritzer G. McDonaldization: the reader. – Pine Forge Press, 2002. – 449 p.
- 2 Waltz K.N. Theory of international politics. - Waveland Press, 2010. – 251 p.
- 3 Benhabib S. The claims of culture: Equality and diversity in the global era. - Princeton University Press, 2002. - 245 p.
- 4 Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999). - Памятники исторической мысли, 2001. – 224 с.
- 5 Нуржаева А. М., Алдабек Н. А. Концептуальные основы теории формирования китайской идентичности //Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, №. 4. – С. 919-924.
- 6 Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. - Дайк-Пресс, 2003 - 733 с.
- 7 Нуржаева А. М., Алдабек Н.А., Надирова Г.Е., Сапарбаева Н.Б., Свойкин К.Б. Влияние реформы учебных пособий на формирование китайской национальной идентичности //Интеграция образования. – 2021. – Т.25, №.1(102). - С.22-42
- 8 周晓虹 (Чжоу Сяохун). 中国经验与中国体验: 理解社会变迁的双重视角 [Китайские опыт и испытание: двойная перспектива понимания социальных изменений]//天津社会科学 [Социальные науки Тяньцзинь]. – 2011. – Т. 6. – С.12-19.
- 9 中国 2010 年人口普查资料 [Данные переписи населения Китая 2010 г.]. 中国统计出版社 [Китайское статистическое издательство].– 2010. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>
- 10 国家中长期教育改革和发展规划纲要 (2010-2020 年) [Краткое содержание Национального среднесрочного и долгосрочного плана реформы и развития образования (2010-2020 гг.)]. «中华人民共和国教育部» [«Министерство образования Китайской Народной Республики»] http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html 29.07.2010.
- 11 教育部办公厅关于印发 2020 年中小学教学用书目录的通知 [Уведомление Главного управления Министерства образования о выпуске каталога учебных пособий для начальных и средних школ в 2020 году]. «中华人民共和国教育部» [«Министерство образования Китайской Народной Республики»] http://www.moe.gov.cn/srcsite/A26/moe_714/202004/t20200417_444236.html 17.04.2020.
- 12 关于全面深入持久开展民族团结进步创建工作 铸牢中华民族共同体意识的实施意见 [О всестороннем, глубоком и непрерывном выполнении работы по построению национального единства и прогресса для развития самосознания китайского национального сообщества]. «阿拉善盟行政公署»

[«Административный отдел Алашань»]
http://www.als.gov.cn/art/2019/10/22/art_70_223966.html 22.10.2019.

13郑富芝 (Чжэн Фучжи). 全面落实教材建设国家事权 [Всесторонняя реализация национальной мощи для составления учебных материалов]. «中华人民共和国教育部» [Министерство образования Китайской Народной Республики] https://hudong.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_176/202001/t20200121_416245.html 21.01.2020

14中华人民共和国国家通用语言文字法: 2000年10月31日, №37 [Закон Китайской Народной Республики о стандартном языке Китайской Народной Республики: утв. 31 октября 2000 года, №37] //中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики]. – 2001, январь. http://www.gov.cn/ziliao/flfg/2005-08/31/content_27920.htm

15中国的宗教信仰自由状况 [Состояние свободы вероисповедания в Китае]. «国家宗教事务局» [«Государственное управление по делам религий»] <http://www.sara.gov.cn/zjzc/316536.jhtml> 28.05.2010.

16非法宗教活动二十六种表现形式, № 8104808 [Двадцать шесть проявлений незаконной религиозной деятельности, № 8104808]//延津县人民政府 [Народное правительство округа Яньцзинь] <http://www.yanjin.gov.cn/ztl/xzcjd/2018/0420/8261.html> 20.04.2018.

17新疆的职业技能教育培训工作 [Профессионально-техническое образование и обучение в Синьцзяне]. 新华网 [Новости Синьхуа] http://www.xinhuanet.com/politics/2019-08/16/c_1124883270.htm 16.08.2019.

18《新疆的历史与发展》白皮书(全文) [Белая книга "История и развитие Синьцзяна" (полный текст)]. «中华人民共和国驻匈牙利大使馆» [«Посольство Китайской Народной Республики в Венгрии»] <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cehu/chn/xwdt/t87813.htm> 22.04.2004.

19中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики]//中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство Китайской Народной Республики] http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm// 22.03.2018.

20中国人民政治协商会议共同纲领: 发布日期: 1949年09月29日 [Общая программа Народного политического консультативного совета Китая: вып.29 сентября 1949 года]// 临沂市兰山区人民法院 [Народный суд района Ланьшань города Линьши] <http://www.lscps.gov.cn/html/20990> 29.09.1949.

21中共十一届三中全会的召开, 邓小平关于《新时期的统一战线和人民政协的任务》讲话的发表. 责编: 石希. [Проведено третье пленарное заседание 11-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая, и опубликована речь Дэна Сяопина «Объединенный фронт и задачи Народного политического консультативного совета в новую эру». Ответственный редактор: Ши Си]. «中共

中央统战部网站» [«Веб-сайт Объединенного фронтового рабочего отдела ЦК Коммунистической партии Китая»]
<http://cpc.people.com.cn/GB/64107/65708/65722/4444612.html> 12.1978.

22第一、二次西藏工作座谈会 [Первый и второй Тибетский рабочий форум]. «西藏在线» [«Тибет онлайн»]
<http://www.tibetol.cn/html/special/2015/0826/290.html> 20.05.2016.

23习近平在第二次中央新疆工作座谈会上强调坚持依法治疆团结稳疆长期建疆团结各族人民建设社会主义新疆 [На втором рабочем симпозиуме в Синьцзяне Си Цзиньпин подчеркнул упорство в управлении Синьцзяном в соответствии с законом, объединении и стабилизации Синьцзяна, долгосрочном строительстве Синьцзяна и объединении людей всех этнических групп для построения социалистического Синьцзяна]. «人民日报» [«People's Daily»]
<http://cpc.people.com.cn/n/2014/0530/c64094-25083518.html> 30.05.2014.

24习近平对“十四五”规划编制工作作出重要指示强调 把加强顶层设计和坚持问计于民统一起来 齐心协力把“十四五”规划编制好 [Си Цзиньпин дал важные инструкции по подготовке «14-го пятилетнего плана», подчеркнув единство укрепления проекта на высшем уровне и настаивая на том, чтобы просить людей работать вместе над подготовкой «14-го пятилетнего плана»]. «新华网» [«Новости Синьхуа»]
http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-08/06/c_1126332977.htm 06.08.2020.

25郭梦媛 (Го Мэньюань). 海外网评: “十四五”规划, 中国未来五年发展的密码 [Зарубежный онлайн-обзор: «14-я пятилетка» - это ключ к развитию Китая на ближайшие пять лет]. «中国新闻网» [«China News Network»]
<http://www.chinanews.com/gn/2020/08-08/9259674.shtml> 08.08.2020.

26联合国报告: 世界人口增速减缓 但到世纪末仍将增至 110 亿 [Доклад Организации Объединенных Наций: Рост населения мира замедлился, но к концу столетия все равно вырастет до 11 миллиардов]. «联合国» [«Организация Объединенных Наций»]
<https://www.un.org/ru/node/85833> n.d.

27Prospects for economic growth in 2020 hinge on reducing trade disputes and uncertainty, UN finds. «UNCTAD»
<https://unctad.org/en/pages/newsdetails.aspx?OriginalVersionID=2272> 16.01.2020.

28People's Republic of China GDP. IMF
<https://www.imf.org/en/Search#q=china%20gdp&sort=relevancy>

29Tao Zhang. Speech on the Global and Asia Economic Outlook. «IMF»
<https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/07/10/sp071020-speech-on-the-global-and-asia-economic-outlook> 10.07.2020.

30Transcript of the Press Conference on the Release of the World Economic Outlook Update. «IMF»
<https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/06/25/tr062420-transcript-of-the-press-conference-on-the-release-of-the-world-economic-outlook-update> 25.06.2020.

31Документы Шанхайской организации сотрудничества. «Официальный сайт ШОС» <http://rus.sectesco.org/> n.d.

32邓小平 (Дэн Сяопин) 邓小平文选 (第 3 卷) [Избранные произведения Дэн Сяопина (Том 3)]. 北京: 人民出版社 [Пекин: Народное издательство], 1993. – 432 с.

33康有为 (Кан Ювэй). 康有为政论集 [Сборник политических эссе Кан Ювэя]. - 北京: 中华书局 [Пекин: Книжная компания Чжунхуа], 1973. - 502 с.

34习近平 (Си Цзиньпин). 巩固民族大团结的基础——关于促进少数民族共同繁荣富裕问题的思考 [Укрепление национального единства. Основы размышлений о проблеме содействия общему процветанию и богатству национальных меньшинств]//摆脱贫困 [Журнал «Избавиться от бедности»]. – 1989. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2014/1016/c389908-25846752.html>

35习近平 (Си Цзиньпин). 搞好民族地区经济工作, 开创我市民族工作新局面 [Мы должны поставить экономическое развитие на первое место в регионах проживания меньшинств и продвинуть реализацию этнической политики на новый уровень]//福建民族 [Народ Фуцзянь]. - 1994. Режим доступа: http://www.wenming.cn/syjj/dfcz/fj/201511/t20151124_2975765.shtml

36习近平. (Си Цзиньпин). 习近平谈治国理政 (三卷合集) [Си Цзиньпин о государственном управлении (трехтомный сборник)]. - 北京: 外文出版社 [Пекин: издательство Вайвэнь чубаньшэ], 2020. - 1505 с.

37李志永 (Ли Чжиюн). 中国“奋发有为”外交的根源, 性质与挑战——自主性外交理论的视角 [Корни, природа и вызовы китайской «стремящейся к успеху» дипломатии - перспективы теории автономной дипломатии]//国际展望 [Международные перспективы]. – 2018. – Т. 2. – С.70-90.

38Isaacs H.R. Idols of the Tribe: Group Identity and Political Change. - Harvard University Press, 1989. - 242 p.

39Geertz C. The interpretation of cultures selected essays by Clifford Geertz. - New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1973. - 470 p.

40Shils E. Primordial, personal, sacred and civil ties: Some particular observations on the relationships of sociological research and theory //The British journal of sociology. – 1957. – Vol. 8, №. 2. – P. 130-145.

41Hobsbawm E., Ranger T. The invention of tradition. - Cambridge University Press, 2012. - 323p.

42Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - Verso, 1991. - 224 p.

43Gellner E. Nations and Nationalism (New Perspectives on the Past). - Cornell University Press, 1983. – 145 p.

44Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. «Социологическое пространство Пьера Бурдьё»

<http://bourdieu.name/content/burde-duh-gosudarstva-genezis-i-struktura-bjurokraticeskogo-polja> 1999.

45Carnine J. The impact on national identity of transnational relationships during international student mobility // *Journal of International Mobility*. - 2015. – T.1, №. 3. - P. 11-30.

46Miller D. Citizenship and National Identity. - *Democracy: A Reader*, 2016. – 632 p.

47Volkan V.D. Large Group Identity and Chosen Trauma//*Psyche*. – 2000. – Vol. 9, №54. – P. 931-953.

48Armstrong J. A. Nations before nationalism. - *UNC Press Books*, 2017. - 447 p.

49Smith A. D. Nations and nationalism in a global era. - *John Wiley & Sons*, 2013. - 222 p.

50Smith A. D. Nationalism: Theory, Ideology, History. - *John Wiley & Sons*, 2013. - 224 p.

51Smith A.D. National Identity. - *Penguin Books*, 1991. - 236 p.

52Verdugo R.R., Milne A. National Identity: Theory and Research. - *Cross National Research: IAP*, 2016. - 347 p.

53Nairn T. Faces of Nationalism: Janus Revisited. - *Verso*, 1997. - 246 p.

54Brass P.R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. - *SAGE Publications*, 1991. - 360 p.

55Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. - 136 с.

56Ozirimli U. Theories of nationalism: A critical introduction. - *Palgrave*, 2017. - 280p.

57Billig M. Banal Nationalism. - *London: SAGE*, 1995. – 208 p.

58Bauer O. The Question of Nationalities and Social Democracy. - *U of Minnesota Press*, 2000. – 494 p.

59Meissner W. New Intellectual Currents in the People's Republic of China // *China in Transition: Issues and Policies*. - 1999. – P. 3-24.

60Dittmer L. et al. (ed.). China's quest for national identity. - *Cornell University Press*, 2012. - 320 p.

61Unger J. Chinese nationalism. - *New York: Routledge*, 1996. – 240 p.

62Sun Jiahong, Ryder A.G. The Chinese Experience of Rapid Modernization: Sociocultural Changes, Psychological Consequences?// *Frontiers in Psychology*. - 2016. – Vol. 477, №7. – P.1-13.

63Duara P. Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China. - *University of Chicago Press*, 1996. - 286 p.

64Bell D.A. China's New Confucianism: Politics and Everyday Life in a Changing Society. - *Princeton University Press*, 2008. - 240 p.

65Eisenstadt S. N. Transformation of social political and cultural orders in modernization // *American Sociological Review*. - 1965. - Vol. 30, №5. - P. 659-673.

66Barbalet J. Guanxi: How China Works by Yanjie Bian//China Review International. - 2017. - Vol. 24, №3. – P.183-187.

67Gorfinkel L. Chinese Television and National Identity Construction: The Cultural Politics of Music Entertainment Programmes. - London & New York: Routledge, 2018. - 253 p.

68Gaskin S. Fantasy, Not Nationalism, Drives Chinese Clothing Revival. «The Business of Fashion» <https://www.businessoffashion.com/articles/china/hanfu-fantasy-not-nationalism-drives-interest-in-traditional-chinese-clothing> 23.01.2019.

69D'Hooghe I. Into High Gear: China's Public Diplomacy// The Hague Journal of Diplomacy. – 2008. - Vol.3, №1. - P. 37–61.

70Cha V. D. Beyond the final score: The politics of sport in Asia. - Columbia University Press, 2009. – 200 p.

71Hughes C. R. Current cultural politics in China: what makes the Chinese tick? //Asian Affairs. – 2009. – Vol. 40, №. 1. – P. 63-76.

72Upton-Mclaughlin S. Proper Character and Behavior. «The China culture corner» <https://chinaculturecorner.com/2013/06/05/proper-character-in-china/> 06.05.2013.

73Mullaney T.S., Leibold J., Gros S., Vanden B.E. Critical Han Studies: The History, Representation, and Identity of China's Majority. - Global, Area, and International Archive University of California Press, 2012. – 410 p.

74Hayes A. Interwoven 'Destinies': The significance of Xinjiang to the China dream, the belt and road initiative, and the Xi Jinping Legacy //Journal of Contemporary China. – 2020. – Vol. 29, №. 121. – P. 31-45

75Lehr A. Addressing Forced Labor in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. «Center for Strategic & International Studies Brief: Washington, DC, USA» <https://www.csis.org/analysis/addressing-forced-labor-xinjiang-uyghur-autonomous-region-toward-shared-agenda> 30.07.2020.

76Al Riyami R.F. Resolving the Issue of Xinjiang. «ResearchGate» https://www.researchgate.net/publication/329591391_Resolving_the_Issue_of_Xinjiang 12.2018.

77Han E. From domestic to international: the politics of ethnic identity in Xinjiang and Inner Mongolia //Nationalities Papers. – 2011. – Vol. 39, №. 6. – P. 941-962.

78Hillman B. Xinjiang and the Chinese Dream. «East Asia Forum» <https://www.eastasiaforum.org/2018/10/24/xinjiang-and-the-chinese-dream/> 24.10.2018.

79Kashgarian A. Uighurs Concerned China Is Luring Turkey into Silence on Xinjiang. «VOA» <https://www.voanews.com/extremism-watch/uighurs-concerned-china-luring-turkey-silence-xinjiang> 19.02.2020.

80Kurlantzick J. The Unsettled West: China's Long War on Xinjiang //Foreign Affairs. – 2004. - Vol. 83, №4. – P. 136-143.

81Millward J., Peterson D. China's system of oppression in Xinjiang: how it developed and how to curb it. - Global governance and norms, 2020. – 25 p.

82Saunders K. China's Hidden Crackdown in Tibet. «The Diplomat» <https://thediplomat.com/2020/04/chinas-hidden-crackdown-in-tibet/> 22.04.2020.

83Bovingdon G. The Uyghurs: Strangers in their own land. - Columbia University Press, 2010. - 280 p.

84Gardner N. D., Keo B. Z. Made in China or Born Abroad?: Creating Identity and Belonging in the Chinese Diaspora //Education about Asia. – 2020. – Vol. 25, №. 2. – P. 1-8

85Kuah-Pearce K., Davidson A. At home in the Chinese diaspora: memories, identities and belongings. – Springer, 2008. – 259 p.

86梁启超. (Лян Цичао) 政治学大家伯伦知理之学说. [Доктрина учителя политологии Бауля]//中华书局 [Книжная компания Чжунхуа]. – 1989. - С.71-72.

87梁启超 (Лян Цичао). 哲学思想论文集 [Сборник философских мыслей]. - 北京大学出版社 [Издательство Пекинского университета], 1984. – 280 с.

88梁启超 (Лян Цичао). 论中国国民之品格 [О характере граждан Китая]. 梁启超作品精选 [Избранные труды Лян Цичао]. – 1903. – Режим доступа: http://www.zwww.cn/baike/ebook/1/382459/382484_2.htm

89费孝通 (Фэй Сяотун). 乡土中国 [Китайская деревня]. - 北京出版社 (Пекинский Издательский Дом), 2004. – 138 с.

90费孝通 (Фэй Сяотун). 简述我的民族研究经历和思考 [Краткий обзор моих взглядов и опыта национальных исследований]//北京大学学报: 哲学社会科学版 [Журнал Пекинского университета: издание по философии и общественным наукам]. - 1996. – С.2-10.

91郑大华 (Чжэн Дахуа). 论晚年孙中山“中华民族”观的演变及其影响 [Об эволюции и влиянии взглядов Сунь Ят-сена на «китайскую нацию» в последние годы его жизни]// 中国人民大学清史研究所 [Институт истории Цин, Китайский Университет Жэньминь]. – 2014. - №2. – С.61-73. Режим доступа: http://www.iqh.net.cn/info.asp?column_id=9533

92黄兴涛 (Хуан Синтао). 重塑中华: 近代中国“中华民族”观念研究 [Перестройка Китая: исследование концепции «китайской нации» в современном Китае]. - 北京师范大学出版社 [Издательство Пекинского педагогического университета], 2017. – 594 с.

93于福坚 (Ю Фуцзянь). 民族主义理论: 流派众多 期待整合. [Теории национализма: существует много школ, которые ждут интеграции]. «中国民族报» [«Народные новости Китая»]. <http://src.people.com.cn/GB/165240/165242/10078718.html> 18.09.2009

94张淑娟. (Чжан Шуцзюань) 民族主义与近代中国民族理论. [Национализм и современная китайская национальная теория]. - 光明日报出版社 [Издательство Гуанмин Жибао], 2011. – 267с.

95Li Peng. Localization of Marxism in China: History, Theory and the Challenge //J. Pol. & L. – 2018. – Vol. 11. – P. 89-93.

96肖滨 (Сяо Бинь). 两种公民身份与国家认同的双元结构 [Двойственная структура: гражданская и национальная идентичность] //武汉大学学报: 哲学社会科学版 [Журнал Уханьского университета: издание по философии и общественным наукам]. - 2010. – Т.1. – С.76-83.

97徐则平 (Сюй Цзэпин). 试论民族文化认同的“软实力”价值 [О ценности «мягкой силы» национальной культурной идентичности] // 思想战线 [Идеологический фронт]. – 2008. – Т.34, №. 3. – С.87-91.

98李晓霞 (Ли Сяося). 新疆遏制非法宗教活动政策分析 [Анализ политики Синьцзяна по пресечению незаконной религиозной деятельности] //北京大学社会学系 [Факультет социологии Пекинского университета]. - 2018. – С.23-32.

99胡赣栋 (Ху Ганьдун). 民族与阶级: 我国处理民族问题的政治策略 [Нация и класс: политическая стратегия Китая по решению этнических проблем] //香港中文大学版 [Издательство Китайского университета Гонконга]. – 2014. - №4. Режим доступа: <http://ww2.usc.cuhk.edu.hk/PaperCollection/Details.aspx?id=9566>

100 Wang Anran. Ethnic Identity, Modern Nationhood, and the Sino-Mongolian Contention over the Legacy of Chinggis Khan //Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2016. – Vol. 16, №. 3. – P. 357-377.

101 范文澜 (Фань Вэньлань). 试论中国自秦汉时成为统一国家的原因 [О причинах, по которым Китай стал единой страной со времен династий Цинь и Хань] //历史研究 [Исторические исследования]. – 1954. – №3. – С.15-20.

102 秦琰 (Цинь Янь). 改革开放 30 年中国德育方针历史沿革—以《中学生守则》 《中学生日常行为规范》 为例) [Историческая эволюция политики нравственного воспитания в Китае за 30 лет реформ и открытости (на примере Кодекса для учащихся средней школы и Кодекса повседневного поведения учащихся средней школы)] //1994-2020 China Academic Journal Electronic Publishing House. - 2008. – С.25-27.

103 Fei Yan, Zhou Zhong, Haoning Wang, Qiao Wen. Grafting identity: History textbook reform and identity-building in contemporary China // Journal of Educational Change. - 2021. - №22. - P.175–190.

104 Xu Shuqin. Ideology and politics in junior-secondary Chinese history textbooks: comparing two versions published in the 21st century //Compare: A Journal of Comparative and International Education. - 2019. – Vol.51, №3. - P. 448-468.

105 余杰. (Юй Цзе). 顛倒的民國: 《新中國》和《中華民族》——梁啟超悔之莫及的發明 [Перевернутая Китайская Республика: “Новый Китай” и “Китайская нация” - Изобретение, о котором пожалел Лян Цичао]. «The News Lens» <https://www.thenewslens.com/article/122516> 31.07.2019.

106 崔新建 (Цуй Синьцзянь). 文化认同及其根源 [Культурная идентичность и ее корни]// 北京师范大学学报: 社会科学版 [Вестник Пекинского педагогического университета: издание по общественным наукам]. - 2004. - № 4. - С.102-107.

107 刘文 (Лю Вэнь). “大一统”思想 [Мысль о "Великом объединении"]. «国学资讯. 光明网版» [«Отечественная наука. Интернет-издание Гуанмин»]. https://news.gmw.cn/2019-12/07/content_33382682.htm 07.12.2009.

108 孟红玲 (Мэн Хунлин). 剖析我国古代“大一统”思想的根源 [Анализ истоков древней мысли «великого объединения» в нашей стране]// 吉林省教育学院学报 [Журнал педагогического колледжа провинции Цзилинь]. - 2013. - Т.29, №. 6. - С.132-135.

109 干春松, 张晓芒 (Ган Чунсун, Чжан Сяоман). 中国文化常识 - 2 [Общие сведения о китайской культуре - 2]. - Beijing Book Co. Inc., 2017. - 363 с.

110 专家称对传统节日的文化认同将推动国家认同 [Эксперты говорят, что культурная самобытность традиционных фестивалей будет способствовать развитию национальной идентичности]. «新京报» [«Новости Пекина»] <http://news.sina.com.cn/c/2005-04-03/02546269429.shtml> 03.04.2005.

111 Wang Yuan-kang. Harmony and war: Confucian culture and Chinese power politics. - Columbia University Press, 2011. - 352 p.

112 董强 (Дун Цян). 孔子民族观与构建和谐民族关系 [Национальный взгляд Конфуция и построение гармоничных национальных отношений]// 满族研究 [Маньчжуроведение]. - №. 102. - 2011. - С.110-116.

113 Liang Yu. Backgrounder: Cultural significance of Mid-Autumn Festival. «Xinhua» http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/22/c_137486340.htm 22.09.2018.

114 Weidong Zhang. Staging Unity, Celebrating Chineseness. Textual Analysis of 2002 CCTV Spring Festival Eve Gala// Asian Communication Research Asian Communication Research, 2004. - Vol. 1, №. 2. - P.67 - 83.

115 人格现代化是中国现代化之根本 [Модернизация личности - основа модернизации Китая]. «中国人民大学公共管理学院» [«Школа государственного управления Китайского университета Жэньминь»] http://www.cas.cn/zt/jzt/ltzt/dqxdhshjhfzdbyzl/llygd/200409/t20040906_2670808.shtml 06.09.2004.

116 城市化进程中的民族关系转型研究——《东北城市化进程中的民族关系与构建社会主义和谐社会研究》成果简介 [Исследование трансформации этнических отношений в процессе урбанизации - знакомство с результатами «Исследования этнических отношений в процессе урбанизации в Северо-Восточном Китае и построение гармоничного социалистического общества»]. «全国哲学社会科学工作办公室» [«Национальное бюро философии и социальных

наук»] <http://www.nopss.gov.cn/GB/219506/219508/219520/14599884.html>
10.05.2011.

117 Sun Jinghao. Building modern urban identity in hinterland China: Jining's transition during the early republic (1912-1937)//Journal of Asian History. – 2010. - Vol. 44, №1. - P. 1-37

118 Zheng Yongnian, Zheng Yuliang. Discovering Chinese Nationalism in China: Modernization, Identity, and International Relations. - Cambridge University Press, 1999. - 189 p.

119 Zhao Suisheng. A Nation-state by Construction: Dynamics of Modern Chinese Nationalism. - Stanford University Press, 2004. - 355p.

120 Guo Yingjie. Cultural Nationalism in Contemporary China. - Routledge, 2004. – 208 p.

121 郑师渠 (Чжэн Шицюй). 近代中国的文化民族主义. 《历史研究》 [Культурный национализм в современном Китае. «Историческое исследование»]//中华文史网整理 [Литература и история Китая]. – 1995. - №5. Режим доступа: <http://www.qinghistory.cn/qsyj/ztyj/sxwh/2005-05-19/24990.shtml>

122 杨国枢 (Ян Гошу). 中国人的蜕变 [Трансформация китайцев]//北京: 中国人民大学出版社 [Пекин: издательство Китайского университета Жэньминь], 2012. – 431с.

123 Гумилев Л.Н. Passioarium. Теория пассионарности и этногенеза. - АСТ, 2016. – 936 с.

124 Бромлей Ю.В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей//Советская этнография. - Москва: Наука. - 1972. – №3. - С. 86-89.

125 Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. - Наука, 1989. – 248 с.

126 Тишков В.А., Шнирельман В.А. Национализм в мировой истории. - М.: Наука, 2007. – 601с.

127 Тишков В.А. Что есть нация «Независимая газета» https://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html 24.01.2017.

128 Гнатенко П.И. Национальная психология. - Дніпропетровськ "Поліграфіст", 2000. - 106 с.

129 Филиппов Р. В. Советская теория этноса. Историографический очерк. - М.: Институт Африки РАН, 2010. - 185 с.

130 Федоров С. Е., Филюшкин А. И. История и теория наций и национализма. - СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2016. - 208 с.

131 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. - М.: КДУ, 2010. - 320 с.

132 Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. - Шанхай, 1923. - 135 с.

133 Маслов А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. – Рипол Классик, 2014. – 288 с.

- 134 Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. - СПб.: КАРО, 2011. - 336 с.
- 135 Девятков А. Китай и Россия в двадцать первом веке. - М.: Алгоритм, 2002. - 283 с.
- 136 Козыкина Н. В., Муратшина К. Г. Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие /Екатеринбург: Издательство Уральского университета – 2017. – 146 с.
- 137 Поданева А. В. Бизнес-этикет в Китае //Вопросы науки и образования. - 2017. – Т.8, №7. - С. 90-94.
- 138 Галеева А.А. Китайская культура ведения бизнеса: особенности переговорного процесса// Культура в современном мире, 2013. - № 1. – С1-14.
- 139 Ананьина Д. А. Влияние культурной революции на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР)//Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15, №. 4. – С. 82-88.
- 140 Пахомова М. А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае //Религия и общество на Востоке. – 2017. – №. 1. – С. 181-201.
- 141 Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. - М.: Эксмо, 2015. – 272 с.
- 142 Федоров М. По стопам Российской империи: почему Китай не станет мировым гегемоном. Лига. Бизнес <https://biz.liga.net/ekonomika/all/opinion/po-stopam-rossiyskoy-imperii-pochemu-kitay-ne-stanet-mirovym-gegemonom> 20.07.2020.
- 143 Алдабек Н. Ә, Түргенбай А.Ә. Қытай діндерінің тарихы: оқу құралы. - Алматы: Қазақ университеті, 2017. – 242 б.
- 144 Алдабек Н.Ә., Түргенбай А. Ә. Қытай мәдениетінің тарихы: оқулық. - Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 314 б.
- 145 Алдабек Н.Ә., Түргенбай А.Ә. Шыңжаң тарихы (Ежелгі заманнан XX ғасырдың ортасына дейін). - Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 326 б.
- 146 Алдабек Н.Ә., П.Е. Бектурганова, А.Е. Сериккалиева, Д. Дауен, М. Асыл. Модернизация Китая и Казахстан: монография. - Алматы: Қазақ университеті, 2014 – 348 с.
- 147 Кәрібжанов Ж., Мұқаметханұлы Н. Қытайдың сыртқы саясаты және Қазақстанмен қатынасы (2000-2010 жылдар). - Алматы: Қазақ университеті, 2013. – 254 б.
- 148 Мадиев Д., Мухаметханұлы Н. и др. Стратегия освоения Синьцзяна и социально-экономическое развитие приграничного региона СУАР //Центральная Азия и Кавказ. – 2019. – Т. 22, №. 2. – С. 79-92.
- 149 Сериккалиева А.Е. Социально-экономическое развитие Китая. - Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 162 с.
- 150 Жекенов Д. К. Ху Цзиньтао тұсындағы ҚХР-дың сыртқы және ішкі саясаты //Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2018. – Т. 60, №. 2. – С. 185-195.

- 151 Сыроежкин К.Л. Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е - 80-е годы). - Рапогата, 1997. – 238 с.
- 152 Сыроежкин К.Л. Национально - государственное строительство в КНР: Теория и практика. - Алматы, 1998
- 153 Байдаров Е.У. Культурно-цивилизационные проблемы глобализации: автореф. канд.философ.наук: 09.00.11. - Алматы, 2010. – 34 с.
- 154 Байдаров Е.У. О гражданской нации в контексте государственного строительства: «казахская» или «казахстанская»? // Сборник материалов Первого Евразийского конгресса политологов. – Алматы: Казахстанский центр гуманитарно-политической конъюнктуры, 2011. – С. 266-268
- 155 Кадыржанов Р.К. Анатомия казахского национализма. «Central Asia Monitor» <https://camonitor.kz/13726-anatomiya-kazahskogo-nacionalizma.html> 9.10.2014.
- 156 Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. - под общ. ред. З.К.Шаукеновой. -Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. -168 с.
- 157 Шайкемелев М.С. Казахская идентичность в контексте модернизации общества: монография. - Изд. 2-е., перер. и доп. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 230 с.
- 158 Нысанбаев А.Н., Шайкемелев М. С. Методологические подходы к изучению этноидентичности в постсоветском гуманитарном дискурсе: казахстанский опыт//Социологические исследования. – 2013. – №. 9. – С. 80-91.
- 159 Уразалиева Г.К., Беккерова Е.В. Этноавтобиография как методика анализа этнической идентичности //Социологические методы в современной исследовательской практике. – 2011. – С. 371-382.
- 160 Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. - М.: Праксис, 2004. - 576 с.
- 161 Cordell K., Wolff S. Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses. - Polity, 2009. - 232 p.
- 162 Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. - М.: Наука, 1989. - 309 с.
- 163 Ионин Л. Г. Социология культуры. - 4-е изд., перер. и доп. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. — 427 с.
- 164 王娟 (Ван Цзюань). 梁启超民族史研究的理论与方法. [Теория и метод исследования национальной истории Лян Цичао]. 巢湖學院學報. [Журнал Университета Чаоху]. – 2006. – Т.8, №. 5. – 130-134с.
- 165 李喜所 (Ли Сисую). “中华民族”是谁首提的? [Кто первым упомянул «китайскую нацию»?]. «中国儒学网» [«Веб-сайт Китайское конфуцианство»]. <http://www.confuchina.com/08%20xiandaihua/zhonghuaminzu.htm> 4.06.2006.

- 166 常智慧 (Чан Чжихуэй). 邓小平民族团结理论探析. [Анализ теории национального единства Дэн Сяопина]. 南方论刊. [Южный журнал]. – 2019. – №6. - 10-13 页
- 167 Charles T.C. Building States to Build Peace. - Lynne Rienner Publication, 2008. – 438 p.
- 168 Roland P., Timothy D.S. The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations. - London: Routledge, 2009. – 366 p.
- 169 Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. - 1955. - Т. 4. – 615 с.
- 170 黎英亮 (Ли Инлянь). 何谓民族. 普法战争与厄内斯特·勒南的民族主义思想. [Что такое нация? Франко-прусская война и националистическая мысль Эрнеста Ренана]. 北京: 社科文献出版社 [Пекин: Издательство «Архивы социальных наук»], 2015. – 117 p.
- 171 Нуржаева А.М., Алдабек Н. А. "Chinese identity" in the period of cultural globalization // Международ.научно-практич.конф. «Вопросы современных исследований». – 2019. – Т. 1, №. 1. – С. 185-191.
- 172 金良年 (Цзинь Ляннъянь). 论语译注 [Луньюй. Перевод с примечаниями]. - 上海古籍出版社 [Шанхайское издательство древних книг], 2004. – 425 с.
- 173 Нуржаева А. М., Алдабек Н. А., Чжао Х. Factors Shaping The Identity Of The Modern Chinese // Вестник: серия востоковедение. – 2018. – Т. 87, №. 4. - С.62-69.
- 174 Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - 146 с.
- 175 Нуржаева А.М., Алдабек Н.А. Food Culture As An Element Of National Identity//Матер.междунар.науч.конф. студентов и молодых ученых «Фараби әлемі». – Алматы: Издательство «Қазақ университеті», 2019. – С. 271-276.
- 176 Developing a sustainable industrial zone in China. China Overview. The World Bank <https://www.worldbank.org/en/country/china/overview> 29.03.2021.
- 177 Gries P.H. Face nationalism: Power and passion in Chinese anti-foreignism. - University of California, Berkeley, 1999. – 632p.
- 178 曹跃明 (Цао Юэминь). 中国现代史上的三大思潮与民族主义运动 [Три направления мысли и националистическое движение в современной истории Китая]. 天津社会科学 [Социальные науки Тяньцзинь]. - 1992. - 84-89 页
- 179 李國祁 ((Ли Гоци). 甲午戰後至抗戰以前我國民族主義的發展(1895 - 1936) [Развитие национализма в Китае от китайско-японской войны до войны сопротивления Японии (1895-1936 гг.)]//中華民國建國史討論會編輯委員會 [Редакционный комитет Форума по вопросам основания Китайской Республики]. – 1981. - 冊 2. – 38 页
- 180 明恩溥, 张梦阳, 王丽娟 (Мин Эньпу, Чжан Мэньян, Ван Лицзюань). 中国人气质 [Китайский национальный характер], 2010. – 303 页

181 Асыл М. Б. Основные этапы модернизации Китайской Народной Республики// Вестник КазНУ. Серия востоковедения. – 2012. – Т. 61, №. 4. – С.3-7

182 王伟光 (Ван Вэйгуан). 毛泽东是中国特色社会主义的伟大奠基者、探索者和先行者 [Мао Цзэдун - великий основатель, исследователь и предшественник социализма с китайской спецификой]. 中共中央党史和文献研究院 [Исследовательский институт истории и документации КПК] www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423718-30948186.html 14.12.2017.

183 综合 (Цзун Хэ). 毛泽东推动的九项重大改革! [Девять основных реформ Мао Цзэдуна!]/ 昆仑策网 [Kunlun Strategy Net] <http://www.kunlunce.com/jczc/mzdsx/2018-09-10/127853.html> 10.09.2018.

184 Chen F., Davis J. Land reform in rural China since the mid-1980s //Land Reform, Land Settlement, and Cooperatives. – 1998. – Vol. 6, №2. – P. 122-137.

185 Babiarz K.S., Eggleston K., Miller G. and Zhang Qiong. An exploration of China's mortality decline under Mao: A provincial analysis, 1950–80//Population Studies (Cambridge). – 2015. – Vol.1, №69. – P.39–56

186 Kraus R.C., Class conflict and the vocabulary of social analysis in China//The China Quarterly, Cambridge University Press. – 1977. - №69. – P.54–74.

187 Fathers M. A Most Secret Tragedy. «The wall street journal» <https://www.wsj.com/articles/SB10000872396390444180004578015170039623486> 26.10.2012.

188 Poverty Alleviation: China's Experience and Contribution//The State Council Information Office of the People's Republic of China, 2021. - 69 p. Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/english/download/2021-4-6/FullText.pdf>

189 Settles B.H., Sheng Xuewen, Yuan Zang, Jia Zhao. The One Child Policy And Its Impact On Chinese Families// Handbook of Families in Chinese Societies. – 2008. – 36 p.

190 Carrie A. China's 1-Child Policy Affects Personality. Scientific American Mind <https://www.scientificamerican.com/article/chinas-one-child-policy-affects-personality/> 01.05.2013.

191 甘阳 (Гань Ян). 中国道路: 三十年与六十年 [Китайский путь: тридцать лет и шестьдесят лет]//读书 [Издательство Душу]. – 2007. - №6. –3-13 页

192 Овчинников В. "Пятая модернизация". Политические реформы создали современный Китай//Российская газета. – 2005. - Т. 3910, № 0.

193 Гуров Д. В. «Китайская мечта» Си Цзиньпина: теория и практика // Молодой ученый. — 2019. — №25. — С. 386-389

194 Bourdieu P. Language and Symbolic Power. - Polity Press, 1991. - 291 p.

195 Kai-Shek C. Essentials of the New Life Movement. - Speech, Nanchang, 1934. - 5 p.

196 Draguhn W., Goodman D.S.G. China's communist revolutions: fifty years of the People's Republic of China. - Psychology Press, 2002. - 288 p.

197 蒋庆 (Цзян Цин). 中国大陆复兴儒学的现实意义及其面临的问题 [Практическое значение возрождения конфуцианства в материковом Китае и стоящие перед ним проблемы]// 鹅湖 [Издательство Эху]. – 1989. - 卷 15, №2, 3. – С.29 – 38.

198 Zhao Suisheng. Chinese Intellectuals' Quest for National Greatness and Nationalistic Writing in the 1990s//The China Quarterly, 1997. - Vol. 152, №. 2. - P. 725-745.

199 周润健, 张建新 (Чжоу Рунцзянь, Чжан Цзяньсинь).通用规范汉字表 44 个汉字“整形”引发争论 [«Переформирование» 44 китайских иероглифов в таблице общеупотребительных китайских иероглифов вызвало споры]. 新华网 [Новости Синьхуа] https://web.archive.org/web/20170109114116/http://www.edu.cn/hzb_8413/20090824/t20090824_401814.shtml 24.08.2009.

200 Сенина А. Почему вокруг корейской группы BTS царит такой хайп. «BURO» <https://www.buro247.ru/culture/pop-culture/7-aug-2019-bts-korean-phenomenon.html> 07.08.2019.

201 Cheung K. Idol Consumption and Identity Construction: A Study of the Young Fans of Popular Singers in Hong Kong. - Chinese University of Hong Kong, 2002. – 106 p.

202 Борох О.Н., Ломанов А.В. От мягкой силы к «культурному могуществу»//Россия в глобальной политике. – 2010. - №4. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-myagkoj-sily-k-kulturnomu-mogushhestvu/>

203 Нуржаева А.М., Алдабек Н.А. Сохранение «китайской идентичности» в условиях глобализации//Матер.междунар.науч.конф. студентов и молодых ученых «Фараби элемеі». – Алматы: Издательство «Қазақ университеті». - 2018. – С.170-173.

204 Lin Min, Galikowski M. The Search for Modernity: Chinese Intellectuals and Cultural Discourse in the Post-Mao Era. - St. Martin's Press, 1999. - 271 p.

205 Makeham J. Lost Soul: "Confucianism" in Contemporary Chinese Academic Discourse. - Harvard-Yenching Institute, 2008. - 397 p.

206 Dirlik A. Confucius on the Borderlands: Global Capitalism and the Reinvention of Confucianism// Boundary. – 1995. – Vol.3, № 22. - P. 229-273

207 Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. - Simon and Schuster, 2007. - 368 p.

208 Leibold J. Planting the Seed: Ethnic Policy in Xi Jinping's New Era of Cultural Nationalism//China Brief. - 2019. – Vol. 19. Режим доступа: <https://jamestown.org/program/planting-the-seed-ethnic-policy-in-xi-jinpings-new-era-of-cultural-nationalism/>

209 朱维群 (Чжу Вэйцюнь). 反分裂斗争实现新中国多民族大一统 [Борьба с сепаратизмом способствует полиэтническому единству Нового Китая]. 环球时报 [Глобал таймс] <https://www.aisixiang.com/data/118414.html> 02.10.2019.

210 Mo Zhi Ying. The Hanfu movement and intangible cultural heritage: considering the past to know the future. - University of Macau, 2017. - 109 p.

211 Skidmore D. Trouble on China's Periphery: The Stability-Instability Paradox. Diplomat Media Inc. <https://thediplomat.com/2020/08/trouble-on-chinas-periphery-the-stability-instability-paradox/> 18.08.2020.

212 China's "Bilingual Education" Policy in Tibet. - Human Rights Watch, 2020. – 91 p.

213 Лучка К. Будни лагерей в китайском Синьцзяне. «Радио свобода» <https://www.svoboda.org/a/29834019.html> 21.03.2019.

214 Бобров М. Раздавленные прогрессом. «Новая газета» <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/23/88078-razdavlennye-progressom> 23.11.2020.

215 Li X. Interpreting and understanding "the Chinese Dream" in a holistic nexus //Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, №. 4. – P. 505-520

216 Тавровский Ю.В. Китайская мечта и ее составляющие. Независимая газета https://www.ng.ru/ideas/2015-12-04/5_ideas.html 04.12.2015.

217 Callahan W.A. China Dreams: 20 Views of the Future. - Oxford University Press, 2013. – 232 p.

218 李臻 (Ли Чжэнь). 习近平总书记关于中华民族的新论述初探 [Предварительное изучение новых суждений генерального секретаря Си Цзиньпина о китайской нации]//中央民族大学学报 [Журнал Центрального университета по делам национальностей]. - 2016. – №1. - URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/ZYMD201601002.html>

219 国家民族事务委员会编.中央民族工作会议精神学习辅导读本 [Под редакцией Национальной комиссии по этническим вопросам. Учебное пособие по духу Центральной конференции по этнической работе]. - 北京: 民族出版社 [Пекин: Издательский дом национальностей], 2015. – 320 с.

220 刘云山 (Лю Юньшань). 以高度的文化自觉推动文化繁荣发展 [Содействие культурному процветанию и развитию с высокой степенью культурного сознания]. «中国经济网» [«China Economic Net»] URL:http://www.ce.cn/ztpd/culture/srwhtzgg/4/201008/18/t20100818_21732537.shtml 18.08.2010.

221 Нуржаева А. М., Алдабек Н. А. Идеи Си Цзиньпина о национальной идентичности и "Китайской Мечте" // XXVIII международная научно-практическая конференция «История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты». – Т.20., №1. - 2020. – С. 9-14

222 徐贵权 (Сюй Гуйцюань). 应正视中国社会信任危机 [Необходимо противостоять кризису доверия в китайском обществе]//探索与争鸣 [Исследования и дискуссии]. – 2010. – 卷 1, №. 8. – 44-46 页

223 达仁 (Да Жень). “只有中国共产党才能领导中国” (人民论坛) ——纪念《共产党宣言》中文首译本出版一百周年 [«Только Коммунистическая партия Китая может руководить Китаем» (Народный форум) - К 100-летию публикации первого китайского перевода «Манифеста Коммунистической партии»]. «人民日报» [«People's Daily»] http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2020-08/10/nw.D110000renmrb_20200810_2-04.htm 10.08.2020.

224 Xi, Turkish president hold talks, agreeing to deepen strategic cooperation. China Daily. «Xinhua» <https://www.chinadaily.com.cn/a/201907/02/WS5d1b57f6a3105895c2e7b3fa.html> 02.07.2019.

225 Jun Mai. Turkish President Recep Tayyip Erdogan's 'happy Xinjiang' comments 'mistranslated' in China. «South China Morning Post» <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3019630/turkish-president-recep-tayyip-erdogans-happy-xinjiang> 22.07.2019.

226 杨洁篪 (Ян Цзечи). 在习近平外交思想指引下奋力推进中国特色大国外交 [Под руководством дипломатического мышления Си Цзиньпина стремиться продвигать дипломатию крупных стран с китайскими особенностями]. «中华人民共和国驻斯里兰卡民主社会主义共和国大使馆» [«Посольство Китайской Народной Республики в Демократической Социалистической Республике Шри-Ланка»] <http://lk.chineseembassy.org/chn/zgxw/t1695150.htm> 02.09.2019.

227 Ikenberry, G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Building of Order after Major Wars. - New Jersey: Princeton University Press, 2001 – 336 p.

228 Kang D. C. East Asia before the West: Five centuries of trade and tribute. - Columbia University Press, 2010. - 256 p.

229 Gilpin R. War and change in world politics. - Cambridge University Press, 1981. - 272 p.

230 Li R. A rising China and security in East Asia: Identity construction and security discourse. - Routledge, 2008 - 300 p.

231 马戎 (Ма Жун). 中华民族凝聚力的形成与发展 [Становление и развитие сплоченности китайской нации]// 西北民族研究 [Северо-западные этнологические исследования]. – 1999. – 卷. 2– 469 页

232 Wang O. China may adjust 2020 GDP growth target due to coronavirus, government policy adviser says. «South China Morning Post» <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3051200/china-may-adjust-2020-gdp-growth-target-due-coronavirus> 18.02.2020.

233 Economists' Judgement on China's Socio-Economic Development in the 14th Five-Year Plan Period//China Economist, 2020. -Vol.15, №.4. – P. 64-99

234 Liang Hong. Coronavirus: China's 2020 growth forecast slashed in surprise move by prominent bank CICC. «South China Morning Post»

<https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3076745/coronavirus-chinas-2020-growth-forecast-slashed-surprise-move> 24.03.2020.

235 建言“十四五”共绘新蓝图 [Предлагаем совместно спроектировать новый план «14-й пятилетки»]. «新华网» [«Новости Синьхуа»] <http://www.xinhuanet.com/politics/jyssw/?baike>

236 Repoza K. Here's a look into the near future, post-pandemic world. «Forbes» <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2020/07/27/heres-a-look-into-the-near-future-post-pandemic-world/#15bf9cc1600c> 27.07.2020.

237 Kondapalli S. Beijing's season of all-round assertion. «Deccan Herald» <https://www.deccanherald.com/amp/opinion/beijing-s-season-of-all-round-assertion-849286.html> 13.06.2020.

238 PCI-China and major events in China, 1951 Q1 to 2021 Q1. «Policy Change Index (PCI)» <https://policychangeindex.org/newsletter.html> 19.08.2021.

239 Cheng Evelyn. Fallout from US-China trade conflict could be 'even worse' than WWI, Kissinger says. «CNBC» <https://www.cnbc.com/2019/11/22/us-china-economic-conflict-could-be-worse-than-wwi-henry-kissinger-says.html> 22.11.20219.

240 Zheng Yongnian. [Outlook 2020] What lies ahead for China-US relations? «Think China» <https://www.thinkchina.sg/outlook-2020-what-lies-ahead-china-us-relations> 02.01.2020.

241 老龄人口超过少年人口意味着什么? [Количество пожилых людей превышает численность молодежи и чем грозит такая тенденция?]. «BBC» <https://www.bbc.com/ukchina/simp/vert-cap-48229617> 10.05.2019.

242 联合国做出大胆预测, 30 年后的中国还剩多少人, 数据令人担忧 [Организация Объединенных Наций сделала смелые прогнозы относительно того, сколько людей останется в Китае через 30 лет. Данные вызывают беспокойство]. «环球舆论场» [«Глобальное поле общественного мнения»] <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1662283415611303173&wfr=spider&for=pc> 27.03.2020.

243 Чжан Данху, Юрин В. Успех устойчивого развития не всегда зависит от ВВП. «Deutsche Welle» <https://p.dw.com/p/OzDU> 30.08.2010

244 Алдабек Н.А., Нуржаева А. М. Features of the national policy of modern China and national minorities //Вестник: серия востоковедение. – 2019. – Vol. 83, №. 4. – P.36-44.

245 Gladney D.C. Dislocating China: Muslims, minorities, and other subaltern subjects. - University of Chicago Press, 2004. - 414p.

246 Lynch C. U.S. Once Jailed Uighurs, Now Defends Them at U.N. «Foreign Policy» <https://web.archive.org/web/20180525182720/https://foreignpolicy.com/2018/05/25/u-s-once-jailed-uighurs-now-defends-them-at-u-n/> 25.05.2018.

247 减碳, 中国设定硬指标 [Сокращение выбросов углерода, Китай ставит жесткие цели]. «新华网» [«Новости Синьхуа»] http://www.xinhuanet.com/2020-09/30/c_1126560454.htm 30.09.2020.

248 Tibet's monasteries. Free Tibet <https://freetibet.org/tibets-monasteries>

249 德语媒体习近平的脱贫战真的全面获胜了吗? [Немецкие СМИ: Действительно ли Си Цзиньпин победил бедность?]. «德国之声» [«Голос Германии»] <https://www.dw.com/zh/德语媒体习近平的脱贫战真的全面获胜了吗/a-56717318> // 26.02.2021.

250 中国近亿人口脱贫 习近平称创造“人间奇迹” [Си Цзиньпин утверждает, что сотворил «чудо», что почти 100 миллионов человек в Китае вырвались из нищеты]. «BBC» <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese-news-56194835> 25.02.2021.

251 China's perspective on human rights widely understood, recognized, supported: diplomat. «Xinhua» http://www.xinhuanet.com/english/2018-11/07/c_137590004.htm 07.11.2018.

252 Oxford dictionary. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

253 汉语大辞典. <http://www.hydc.com/>

254 Толковый словарь Кузнецова. <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

255 Китай - Валовой внутренний продукт «Мировой атлас данных Knoema» <https://knoema.ru/atlas/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9/%D0%92%D0%92%D0%9F> 2020.

256 Natural gas China serves a small, but growing, portion of China's total energy demand. «U.S. Energy Information Administration, IHS EDIN» <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=17591> 18.08.2014.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Анкета социального опроса о влиянии реформы учебников по трем основным курсам – «Мораль и верховенство закона» (道德与法治), «История Китая» (中国历史) и «Китайский язык и литература» (语文) на рост патриотизма, социальной ответственности и национального единства.

1) Род Вашей деятельности?

- Учитель - 17,50%
- Родитель - 6,25%
- Ученик - 56,25%
- Другое - 20,00%

2) Принимали ли Вы участие в программе редактирования новых учебников «Мораль и верховенство закона» (道德与法治), «История Китая» (中国历史) и «Китайский язык и литература» (语文)? (Новое издание реформы учебных пособий от 2017 г.)

- Да - 2,50%
- Нет, но хотелось бы - 56,25%
- Нет, не интересует – 35,00%
- Другое - 6,25%

3) Нравится ли вам новый учебник?

- Очень нравится - 16,25%
- Немного нравится - 33,75%
- Нравится – 20,00%
- Другое 30,00%

4) Каким образом добавление большего количества древних стихов в новый учебник по языку и литературе повлияло на учащихся?

- Повысился интерес к китайской культуре и углубились знания о ней - 66,25%.
- Возросло понимание поэзии как части передовой культуры и национальных знаний - 27,50%
- Просто добавилась учебная нагрузка - 6,25%
- Другое - 0,00%

5) Как изучение прав и обязанностей в новом издании учебников по морали и праву повлияло на учеников?

- Усилилось чувство гражданской и коллективная ответственность - 72,50%

- Расширилось использование школьниками закона в повседневной жизни - 43,75%
- Увеличилось академическое давление - 8,75%.
- Другое - 2,50%

б) Как вы думаете, какой материал необходимо добавить в новые учебники для развития национальной идентичности, национального единства и патриотизма?

- Нет необходимости, новая версия учебников уже идеальна - 10,00%
- Добавить больше материала о культуре и истории разных этносов - 53,75%
- Добавить больше материала о древней китайской культуре и истории - 58,75%
- Добавить больше материала о законах, правах и обязанностях - 37,50%
- Другое - 3,75%

7) Изменилось ли соблюдение общественного порядка учащихся средней школы по сравнению с предыдущими двумя годами?

- Да, стали активнее участвовать в восстановлении общественного порядка - 83,75%
- Нет изменений - 12,50%
- Нет, они по-прежнему игнорируют - 3,75%

8) Насколько эффективно использование новых учебников учителями и учениками для пропаганды социализма с китайскими особенностями и «китайской мечты»?

- Очень эффективен - 56,25%
- Небольшой эффект - 38,75%
- Нет эффекта - 1,25%
- Другое - 3,75%

9) Хотели бы Вы принять участие в следующей реформе учебников?

- Да, потому что я отвечаю за воспитание нового поколения - 42,50%
- Да, я хочу усилить национальную идентичность будущих поколений - 38,75%
- Нет, меня это не интересует - 17,50%
- Другое - 1,25%

10) Было ли эффективным участие общественности в реформе учебников?

- Да, содержание и упражнения учебников стали более интересными, понятными и способствуют развитию духа национального единства - 82,50%
- Нет, это привело лишь к увеличению академической нагрузки - 5,00%

- Нет, потому что не все общественные идеи были приняты во внимание - 11,25%
- Другое - 1,25%

11) С какими трудностями сталкиваются учителя и ученики при использовании новых учебников на практике?

- Трудности совмещения теории с практикой
- Учебник перегружен теорией
- Проблема разницы поколений
- Ученики, не посещающие занятия
- Ограниченная практическая деятельность

12) В результате использования дополнительных ресурсов для изучения достижений Китая, в качестве заданий в новых учебниках:

- Повышение чувства гордости за свою страну - 71,25%
- Творческие задания вызывает интерес у учеников - 57,50%
- Просто увеличилась академическая нагрузка - 2,50%
- Другое - 1,25%

13) Какие задания помогут учащимся усилить чувство идентичности и привязанности к обществу, а также будут способствовать укреплению национального единства?

- Участие в различных внеклассных мероприятиях - 73,75%
- Организация мастер классов и кружков старшими учениками для младших - 38,75%
- Самостоятельное исследование достижений Китая - 42,50%
- Изучение материалов по новым учебникам - 28,75%
- Другое - 1,25%